

2022 №2(2)

СОЦИОГУМАНИТАРНЫЕ КОММУНИКАЦИИ

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ
БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ТЕЛЕКОММУНИКАЦИЙ
им. проф. М. А. БОНЧ-БРУЕВИЧА»
(СПбГУТ)

СОЦИОГУМАНИТАРНЫЕ КОММУНИКАЦИИ

№2(2)

Научное периодическое сетевое издание

Санкт-Петербург
2022

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Гехт А. Б. – кандидат исторических наук, доцент (Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, Санкт-Петербург, Россия).

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Неровный А. В. – заместитель заведующего кафедрой истории и регионоведения СПбГУТ (Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, Санкт-Петербург, Россия).

РЕДАКТОР

Цверрианашвили И. А. – заместитель декана факультета Социальных цифровых технологий (Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, Санкт-Петербург, Россия).

ВЫПУСКАЮЩИЙ РЕДАКТОР

Соловьева В. А. – магистр (Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, Санкт-Петербург, Россия).

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

Бачевский С. В. – доктор технических наук, профессор (Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, Санкт-Петербург, Россия).

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Машков Г. М. – доктор технических наук, профессор (Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, Санкт-Петербург, Россия)

Ковалев С. Е. – доктор технических наук, профессор (Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, Санкт-Петербург, Россия)

Шестаков А. В. – доктор технических наук, старший научный сотрудник (Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, Санкт-Петербург, Россия)

Зарубин А. А. – кандидат технических наук, доцент (Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, Санкт-Петербург, Россия)

Ивасишин С. И. – кандидат технических наук, доцент (Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, Санкт-Петербург, Россия)

Алексеев И. А. – кандидат педагогических наук, доцент (Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, Санкт-Петербург, Россия)

Шутман Д. В. – кандидат политических наук, доцент (Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, Санкт-Петербург, Россия)

Гехт А. Б. – кандидат исторических наук, доцент (Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, Санкт-Петербург, Россия)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Алёшин А. С. – кандидат филологических наук, доцент (Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, Санкт-Петербург, Россия)

Анохин А. Ю. – кандидат философских наук, доцент (Администрация Санкт-Петербурга, заместитель председателя Комитета по делам Арктики, Санкт-Петербург, Россия)

Ачкасов В. А. – доктор политических наук, профессор (Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия)

Ачкасова В. А. – доктор политических наук, профессор (Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия)

Белов В. В. – доктор психологических наук, доцент (НГУ физической культуры физической культуры, спорта и здоровья им. П.Ф. Лесгафта, Санкт-Петербург, Россия)

Белова Е. В. – кандидат психологических наук, доцент (Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, Санкт-Петербург, Россия)

Борисова Н. А. – кандидат технических наук, доктор исторических наук, доцент Центральный музей связи имени А. С. Попова, Санкт-Петербург, Россия)

Бурлина Е. Я. – кандидат искусствоведения, доктор философских наук, профессор (Самарский государственный медицинский университет, Самара, Россия)

Васильева Е. В. – кандидат культурологии, доктор экономических наук, профессор (Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Санкт-Петербург, Россия)

Вольфсон М. Б. – кандидат экономических наук, доцент (Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, Санкт-Петербург, Россия)

Воронов И. И. – доктор исторических наук, доцент, (Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, Санкт-Петербург, Россия)

Герашенко Л. И. – доктор социологических наук, профессор (Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, Санкт-Петербург, Россия)

Гончарова Е. А. – доктор филологических наук, профессор (РГПУ им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия)

Губанов И. Б. – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник (Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН, Санкт-Петербург, Россия)

Зиновьева Е. И. – доктор филологических наук, профессор (Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия)

Зотова А. В. – доктор исторических наук, академик РАЕН (Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия)

Иваненко А. В. – кандидат педагогических наук, доцент (Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, Санкт-Петербург, Россия)

Измозик В. С. – доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, Санкт-Петербург, Россия)

Ипполитов Г. М. – доктор исторических наук, профессор (Поволжский государственный университет телекоммуникации и информатики, Самара, Россия)

Камедина Л. В. – доктор культурологических наук, профессор (Забайкальский государственный университет, Чита, Россия)

Ковалёв Б. Н. – доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербургский государственный политехнический университет им. Петра Великого, Санкт-Петербургский институт истории РАН, Санкт-Петербург, Россия)

Краснова Е. В. – кандидат филологических наук, доцент (Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия)

Кулик С. В. – доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербургский государственный политехнический университет им. Петра Великого, Санкт-Петербург, Россия)

Кульназарова А. В. – кандидат политических наук, доцент (Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, Санкт-Петербург, Россия)

Лейбенсон Ю. Т. – кандидат исторических наук, доцент (филиал МГУ в г. Севастополе, Севастополь, Россия)

Макаров В. В. – доктор экономических наук, профессор (Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, Санкт-Петербург, Россия)

Мальченкова А. Е. – кандидат социологических наук, доцент (Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, Санкт-Петербург, Россия)

Марков А. П. – доктор педагогических наук, доктор культурологии (Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов, Санкт-Петербург, Россия)

Мешков А. В. – кандидат экономических наук, доцент (Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, Санкт-Петербург, Россия)

Микешин М. И. – доктор философских наук, профессор (Санкт-Петербургский горный университет, Санкт-Петербург, Россия)

Михеева Н. М. – кандидат политических наук, доцент (Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия)

Непомнящий А. А. – доктор исторических наук, профессор (Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь, Россия)

Полторац С. Н. – доктор исторических наук, профессор (Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Россия)

Пученков А. С. – доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия)

Рудник С. Н. – кандидат исторических наук, доцент (Санкт-Петербургский горный университет, Санкт-Петербург, Россия)

Рупасов А. И. – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник (Санкт-Петербургский институт истории РАН, Санкт-Петербург, Россия)

Сидорова Н. А. – кандидат культурологии, доцент (Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург, Россия)

Стародубцев М. П. – доктор педагогических наук, профессор (Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, Санкт-Петербург, Россия)

Сыроватская Е. Ф. – кандидат филологических наук, доцент (Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, Санкт-Петербург, Россия)

Хлевов А. А. – кандидат исторических наук, доктор философских наук, профессор (Севастопольский государственный университет, Севастополь, Россия)

Чернов С. А. – доктор философских наук, профессор (Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, Санкт-Петербург, Россия)

Цыгоняева А. Ю. – кандидат философских наук, доцент (Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, Санкт-Петербург, Россия)

Шрадер Т. А. – старший научный сотрудник отдела Европеистики (Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН, Санкт-Петербург, Россия)

Эйдемиллер К. Ю. – кандидат географических наук, доцент (Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия)

Яковлев О. А. – кандидат исторических наук, доцент (Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, Санкт-Петербург, Россия)

Яценко М. В. – доктор филологических наук, доцент (Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, Санкт-Петербург, Россия)

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЛИТОЛОГИЯ

Бударин Я. С.

Форсайт цифровой трансформации в законодательной власти,
или «Умный парламент Российской Федерации» 8

Иванова А. М.

Космическое сотрудничество с Европейским союзом
как инструмент «мягкой силы» Российской Федерации 20

Перевозчикова В. А.

Роль США в урегулировании палестино-израильского конфликта в XXI в. 24

Тумаков Д. В.

Военные действия в Чечне в конце 1994 г. глазами российской печати 30

ЭКОНОМИКА

Спиридонов А. А., Чисталёва Т. А., Эйдемиллер К. Ю.

Современное инвестиционное сотрудничество ФРГ и стран АСЕАН 41

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Губарев О. Л.

Посольство русов 839 г. и оксюморон «русский каганат» 48

Дорофеева Е. А.

Издательская деятельность Хольгера Шильдта
и ее значение для литературной жизни Финляндии 1910–1920-х гг. 56

Цверрианашвили И. А.

Эйнар Дю Ри (1895–1967): к биографии ученого 62

ФИЛОЛОГИЯ

Востров А. В.

Шведоязычная финская литература как пограничный феномен культуры 66

Землякова К. В.

Авторский дискурс политиков в социальных сетях:
определение места в классификации типов дискурса..... 76

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ И КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Шаронова В. Б., Яшина О. С.

Мастера случайного взгляда: импрессионизм как новая форма
истолкования действительности (импрессионизм и модернизм)..... 88

ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 323.212

ФОРСАЙТ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ В ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ, ИЛИ «УМНЫЙ ПАРЛАМЕНТ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

Бударин Я. С.

Описываются ключевые недостатки законодательной власти в контексте государственного строительства. Отслеживается последовательность решения проблем граждан России в парламенте и возникновение производных проблем под влиянием информационных капсул. Используется институциональный метод исследования. Анализируется влияние административных и экономических акторов на принятие законопроектов. Выдвигается базовая концепция Умного парламента Российской Федерации на основе цифровых технологий.

Ключевые слова: Государственная Дума Российской Федерации, законодательная власть, актор, политическая экосистема граждан, институт власти, Smart-парламент, органы государственной власти.

Введение

Законодательный институт власти важнейший инструмент государственного и регионального строительства. Возложенная на него ответственность является ключевым фундаментом демократического общества в Российской Федерации (РФ). Именно законодательная власть должна быть оплотом граждан в институте власти, не позволяя административным и экономическим акторам выстраивать государство, не отвечающее принципам демократии. К сожалению, парламентская система Российской Федерации не в полной мере представляет интересы граждан.

Инструменты и механизмы принятия политических решений, выработанные с усилением исполнительной власти, являются беспрецедентными, на определенном историческом этапе РФ уникальными и безальтернативными. Данная ситуация позволила Государственной Думе Российской Федерации с 2004 по 2016 г. работать в унисон с исполнительной властью. Спустя время после стабилизации общественно-социальной конъюнктуры в стране законодательная власть перешла в стадию стагнации, так институт народной инициативы не использовался. Это обусловлено отсутствием определенной гибкости в инициации политических решений и предложений по государственному и региональному строительству на протяжении почти двух десятилетий. В результате преемственности парламента депутаты как полноценные акторы потеряли свою значимость и

оказались ненужным формальным придатком института власти. В силу данного обстоятельства и цифровой трансформации органов государственной власти в работе предлагается базовая концептуальная основа Умного парламента Российской Федерации, основанного на цифровых технологиях и когнитивных возможностях граждан России к созиданию.

Умный парламент Российской Федерации (Smart-парламент) – единая инициативная платформа граждан РФ, созданная с целью обобщения/структурирования и формирования целостной социально-экономической стратегическо-оперативной повестки многонационального народа России в единой информационной инфраструктуре органов государственной власти и местного самоуправления.

Платформа должна обеспечить централизованный комплексный подход по вопросам государственного строительства в контексте создания и обеспечения цифровой нормативно-правовой архитектуры РФ. Акторами государственного строительства в Smart-парламенте выступают инициативные граждане России, которые идентифицируются через платформу «Госуслуги» с полной верификацией. Smart-парламент позволяет гражданам создать инициативу в соответствии с установленным шаблоном, обсудить ее с другими пользователями и получить мотивированный ответ от органов государственной власти и местного самоуправления, а при прохождении ее на уровень муниципального/регионального/ федерального

значения – возможность защитить свою инициативу в очном формате и получить консультацию от ведущих экспертов Российской Федерации. Кроме этого, предполагается наличие системы политического кредита. Под политическим кредитом стоит понимать многоуровневую систему льгот и предложений, закрепленную на законодательном уровне, для активных граждан Российской Федерации, участвующих в государственном строительстве. Политический кредит ранжируется по степени значимости и исчисляется в виде условных единиц.

С целью формирования повестки многонационального народа России на качественно высоком уровне инициативы проходят процедуру фильтрации на предмет соответствия интересам государственного строительства. Все инициативы анализируются в контексте интеграции в международную нормативно-правовую базу и законодательную базу Российской Федерации.

Российский парламентаризм имеет многолетнюю историю. Периоды политической значимости и спада парламента характеризуются общественным подъемом и кризисом государства. Данная ситуация отражается на составе парламента и напрямую связана с индивидуальными и профессиональными качествами депутатов. Немаловажным фактором для становления российского парламентаризма явились особенности понимания международной и внутренней роли Российского государства на пути развития человеческой цивилизации. Данная позиция обуславливается пониманием своей исторической уникальности и просветительской деятельностью в отношении стран с более слабой формой государственного управления. Благодаря этому парламент России приобрел свои отличительные черты. Российский парламент имеет две палаты, но в контексте работы особую значимость несет именно нижняя палата, так как в системе государственного строительства именно на нее возложено обязательство «высвечивать, вытаскивать на поверхность» скрытые болезни, которыми болело и продолжает болеть российское общество [5, с. 9]. Депутаты Государственной Думы, являясь акторами государственного строительства, имеют право на законодательную инициативу, что позволяет им оказывать существенное влияние на социальные и экономические институты страны. Они, являясь

представителями многонационального народа Российской Федерации, отражают интересы граждан в законодательной власти в соответствии с Конституцией России. В соответствии с Федеральным законом № 20-ФЗ «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» от 22.02.2014 г. в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации избирается 450 депутатов. Половина депутатов думы избирается по одномандатным избирательным округам, которых в России 225, они распределены в регионах в равных пропорциях в зависимости от численности избирателей. В данном случае граждане голосуют за конкретного кандидата и могут быть осведомлены о его биографии, заслугах и профессиональных навыках. Вторая половина депутатов Государственной Думы избирается по федеральному избирательному округу пропорционально числу голосов избирателей. В результате избиратели голосуют за партию, которая представлена предвыборной программой и списками кандидатов в депутаты Государственной Думы. Нахождение в списках кандидатов не гарантирует попадание в Государственную Думу, кроме этого, в списках могут находиться граждане, не обладающие достаточными навыками в государственном и региональном строительстве. Эта ситуация создает особый общественный резонанс: обладает ли избираемый депутат компетенциями, знаниями и творческим мышлением, чтобы быть актором государственного и регионального строительства? Если первый вариант относительно избираемых депутатов Государственной Думы предполагает набор определенных компетенций, при этом не обязательно профессиональных, то второй вариант выглядит абсолютно архаично. Так как выработка решений по выдвигаемым кандидатам в Государственную Думу в политических партиях в большинстве случаев происходит кулуарно, а избирателям приходится надеяться, что избираемые депутаты действительно будут представлять интересы широких слоев общества. В определенной степени данная ситуация компенсируется экспертным сообществом и помощниками депутатов, которые призваны нивелировать низкую компетенцию депутатов по специализированным вопросам и оказывать помощь по техническим, протокольным процедурам. Но в то же время экспертиза законодательных инициатив сводится к формальному рассмотрению, и в зависимости от принадлежности к фракции законодательная инициатива принимается

либо отклоняется автономно от социальной и практической значимости законопроекта [8, с. 257]. На этом фоне особенно критично смотрятся законы, которые рассматриваются и принимаются в Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации в течение месяца, к примеру:

– Федеральный закон от 24.04.2020 № 134-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О гражданстве Российской Федерации” в части упрощения процедуры приема в гражданство Российской Федерации иностранных граждан и лиц без гражданства», внесенный Правительством Российской Федерации на рассмотрение 07 апреля 2020 г., был принят 24 апреля 2020 г.;

– Федеральный закон от 24.04.2020 № 136-ФЗ «О внесении изменений в статьи 2 и 11 Федерального закона “Об индивидуальном (персонифицированном) учете в системе обязательного пенсионного страхования” (об особенностях установления порядка предоставления страхователями сведений о трудовой деятельности зарегистрированных лиц в 2020 году)», внесенный Правительством Российской Федерации на рассмотрение 11 апреля 2020 г., был принят 24 апреля 2020 г.;

– Федеральный закон от 24.04.2020 № 125-ФЗ «О внесении изменений в статью 4 Федерального закона “О порядке учета доходов и расчета среднедушевого дохода семьи и дохода одиноко проживающего гражданина для признания их малоимущими и оказания им государственной социальной помощи” и статью 4 Федерального закона “О ежемесячных выплатах семьям, имеющим детей” (в части изменения порядка расчета среднедушевого дохода семьи, в состав которой входят граждане, признанные безработными, для оказания государственной социальной помощи)», внесенный Правительством Российской Федерации на рассмотрение 11 апреля 2020 г., был принят 24 апреля 2020 г.;

– Федеральный закон от 24.04.2020 № 142-ФЗ «О внесении изменений в статью 5 Федерального закона “О проведении эксперимента по развитию курортной инфраструктуры в Республике Крым, Алтайском крае, Краснодарском крае и Ставропольском крае” (о предоставлении субъектам Российской Федерации права на приостановление взимания курортного сбора)», внесенный на рассмотрение депутатом Государственной Думы А. М. Макаровым, членом Совета Федерации Н. А. Журавлевым 13 апреля 2020 г., был принят 24 апреля 2020 г.;

– Федеральный закон от 21.05.2020 № 150-ФЗ «О внесении изменения в статью 212 части второй Налогового кодекса Российской Федерации (об освобождении от налогообложения материальной выгоды, полученной при реализации заемщиком права на изменение условий кредитного договора)», внесенный на рассмотрение депутатами Государственной Думы В. В. Володиным, А. Д. Жуковым, А. М. Макаровым, членом Совета Федерации Н. А. Журавлевым 7 мая 2020 г., был принят 21 мая 2020 г.

Подобное краткосрочное рассмотрение законопроектов является следствием лоббирования интересов административной или экономической элиты страны. При этом в большинстве случаев принимаемые законы с высокой оперативностью не являются остро социальными и экономически целесообразными в тактическом/оперативном/стратегическом плане, их можно охарактеризовать как популистические и в определенной степени опасные для государства. Принятие подобных законов дает гражданину понимание, что подготовка и принятие федеральных законов Российской Федерации проходит формально, так как физически невозможно качественно подготовить закон в течение одного месяца в условиях планомерной и конструктивной работы.

Процедура рассмотрения законопроекта должна занимать несколько месяцев, так как является комплексной работой, в ходе которой проходят этапы всесторонней экспертизы, корректировки в профильных комитетах Государственной Думы, обсуждение выдвигаемого закона в трех чтениях, рассмотрение и правки в Совете Федерации, анализ законопроекта и представление его Президенту в Администрации Российской Федерации. Все это является последовательной законотворческой работой, которая должна выполняться в полном объеме, без каких-либо упрощений, в противном случае теряется юридическая сила предлагаемых законов, так как некачественная проработка инициатив создает предпосылки к нарушению архитектурной целостности нормативно-правовой базы Российской Федерации.

Это в свою очередь приводит к нарастанию социальной напряженности в обществе, подобная ситуация в парламенте недопустима. Кроме этого, дополнительно на депутатский корпус в Российской Федерации оказывает влияние административная и экономическая элита России [12. С. 33]. Важно отметить, что административная элита страны

в большинстве случаев отстаивает интересы стабильности системы государственного управления как основного элемента устойчивости института власти. К сожалению, интересы граждан, стратегическое развитие государства – для нее в лучшем случае второстепенная задача, в силу стоящей перед административной элитой страны повестки дня по созданию менее гибких инструментов и механизмов управления государством. Выдвигаемые в Государственную Думу предложения носят больше процессуальный характер, где самой целью выступает именно несменяемость института власти, а не благополучие и стабильность граждан. А потому «доверие к правительствам, элитам и другим устоявшимся институтам ослабевает» [10]. В результате создаются дополнительные риски дестабилизации общественно-социальной конъюнктуры в стране. Это навязано стремлением граждан добиться идентичности и своих убеждений в результате консолидации когнитивных усилий, как реакция на раздражитель.

Экономическая элита страны в основном преследует материальную выгоду в государственном строительстве, при этом периодически инициируя создание рабочих мест для граждан, что является выгодным симбиозом для Российской Федерации. В условиях отсутствия сильных экономических институтов в России роль экономического амбассадора принимают на себя госкорпорации, которые инициируют изменения, выгодные для общества с расширенными материальными возможностями. В контексте данного влияния в рамках деятельности комитетов Государственной Думы происходит поиск компромиссов, которые приводят к определенной дискуссии идей, смыслов, убеждений, инициатив и одобрения их среди фракций. Возникает ситуация, когда коммуникационные и информационные капсулы оказывают существенное влияние [3] на депутатов Государственной Думы, что приводит к несистемным и необоснованным инициативам, которые вошли в повседневный обиход. Так, к примеру, Федеральный закон от 06.07.2016 № 374-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О противодействии терроризму” и отдельные законодательные акты РФ в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности» под предлогом «антитеррористической» деятельности накладывает обязательства на мобильных операторов и интернет-компании, которые должны будут хра-

нить записи всех звонков, сообщений с изображениями, звуковыми файлами и видеозаписи всех абонентов в течение полугода. Данная инициатива излагает виденье административной элиты на возможности современных технологий, но не позволяет компетентным органам более продуктивно исполнять свои обязанности. Кроме этого, результатом принятия данного законопроекта стало повышение тарифов на связь и интернет, что в конечном счете отражается на потребительской корзине граждан. Федеральный закон от 01.05.2019 № 90-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О связи” и Федеральный закон “Об информации, информационных технологиях и о защите информации”» инициирует обязательства операторов связи по созданию технических средств, которые способны обеспечить работоспособность сайтов и сервисов в случае невозможности их подключения к зарубежным серверам. Как отмечает Счетная палата России, «реализация законопроекта приведет к росту стоимости товаров и услуг на российском рынке», это связано со снижением скорости цифровизации и отсутствием прозрачной экономической инфраструктуры на рынке инновационных технологий Российской Федерации. Законопроект от 26.07.2019 № 763517-7 «О внесении изменений в Федеральный закон “Об информации, информационных технологиях и о защите информации” и статью 18 Федерального закона “О персональных данных” (в части установления обязанностей владельца значимого информационного ресурса)» предусматривал снижение доли владения акциями российских IT-компаний иностранными субъектами до 20 %. Только рассмотрение данного законопроекта повлекло за собой снижение стоимости акций «Яндекса» с 42,37 до \$36,13, что привело к потере более миллиарда долларов капитализации компании «Яндекс». Федеральный закон от 30.12.2020 № 525-ФЗ «О внесении изменения в статью 330-1 Уголовного кодекса Российской Федерации» предоставляет институту власти расширенные полномочия по признанию и идентификации физических и юридических лиц как иностранных агентов, при этом прозрачность данных подходов отсутствует, а методы пресечения характеризуются односторонностью решений, что позволяет органам государственной власти признавать иностранным агентом любое физическое и юридическое лицо при необходимости. Принятие данного закона позволило государству обойти основополагающий принцип судопроизводства – пре-

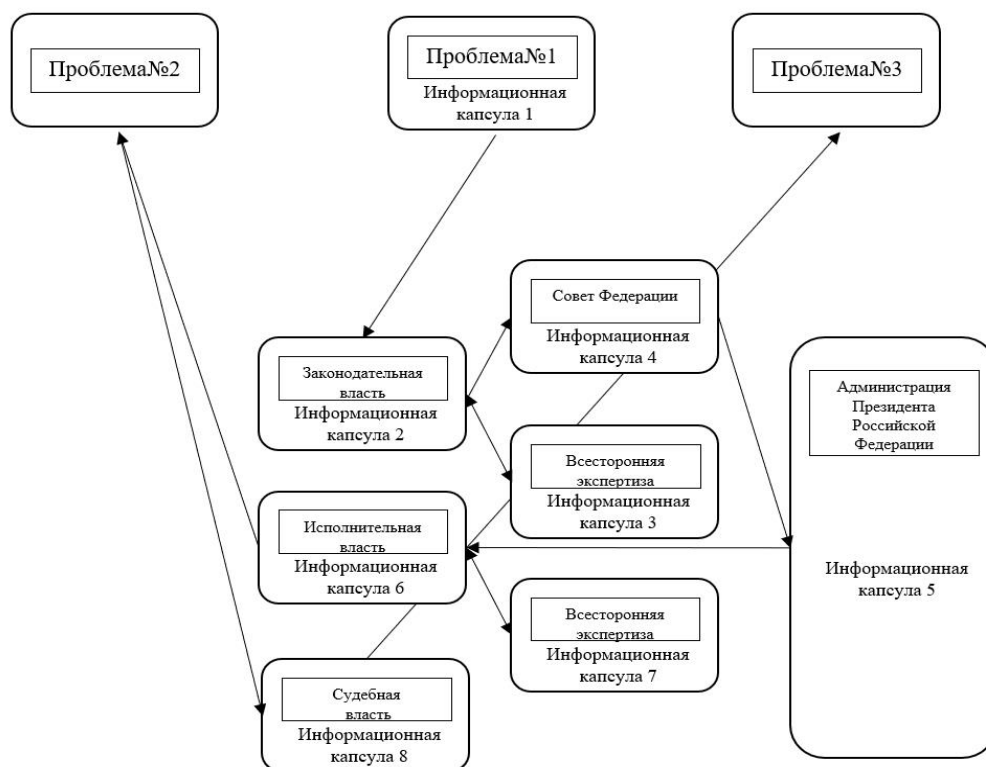

Рис. 1. Модель государственного строительства органами государственной власти в условиях информационных капсул

зумпцию невиновности. Применение данного инструмента к реальным иностранным агентам имеет безусловные плюсы, но под ударом оказались в том числе активные граждане и организации, отстаивающие законные интересы граждан, противоречащие официальной позиции института власти.

Таким образом, законотворческий процесс в Государственной Думе характеризуется тем, что объективность и рациональность в рамках деятельности парламента становятся второстепенными факторами и законодательная инициатива приобретает признаки политического решения. Субъектом воздействия данных инициатив оказывается гражданин, условно являющийся инициатором изменений и преобразований во внутренней и внешней политике государства. В результате гражданин становится заложником закулисных политических и экономических интриг. Законодательные инициативы не несут свойственную им векторную направленность государственного строительства, а выполняют роль инструмента института власти для представления интересов административных и экономических элит. Данная ситуация приводит к нарушению целостности работы органов государственной вла-

сти и к административному порядку решения проблем/вопросов граждан. В результате решение одной проблемы инициирует другие проблемы. По мнению исследователя, это можно отразить в следующей модели государственного строительства органами государственной власти в условиях информационных капсул (рис. 1).

В данной модели отражена следующая хронология событий государственного строительства. Существует проблема №1 (информационная капсула 1), требующая принятия федерального закона. Законодательные органы власти Российской Федерации (информационная капсула 2) в профильном комитете инициируют разработку законопроекта. Законопроект проходит экспертную оценку (информационная капсула 3) в рамках законотворчества, вносятся правки, корректировки и рекомендации. В дальнейшем будущий федеральный закон в Государственной Думе последовательно проходит следующие процедуры рассмотрения: предварительное рассмотрение законопроекта, рассмотрение законопроекта в первом чтении, второе чтение, третье чтение, после этого отправляется в Совет Федерации (информационная капсула 4). По итогу рассмотрения в Совете

Федерации законопроект представляется Президенту Российской Федерации (информационная капсула 5) и публикуется. В итоге проблема №1 решена, но в силу вступает эффект информационной капсулы. Под эффектом информационной капсулы стоит понимать совокупность бюрократических издержек управленческой системы, которые истину преобразуют в производную истины. В нашем случае стоит учитывать, что решение проблемы №1 является производной от первоначальной проблемы №1. В результате нормативно-правовой акт, принятый Государственной Думой, Советом Федерации Российской Федерации и подписанный президентом Российской Федерации, направлен на решение проблемы №1'. С целью работы инструментов по реализации принятого федерального закона исполнительные органы власти (информационная капсула 6) готовят постановление/распоряжение в рамках реализации своих полномочий. Постановление/распоряжение проходит экспертную оценку (информационная капсула 7), вносятся правки, корректировки и рекомендации, после этого подписывается исполнительным органом власти. В дальнейшем исполняется прописанный инструментарий, но стоит отметить, что постановление/распоряжение уже направлено на решение проблемы №1".

В ходе практической реализации постановлений/распоряжений определенный круг физических и юридических лиц сталкивается с трудностями исполнения вышеобозначенного решения проблемы №1", это можно обозначить как проблема №2. В результате возникают прецеденты судебного характера, когда физическое и юридическое лицо, отстаивая законные права в судебном порядке (информационная капсула 8), получают преференции, что в рамках государственного строительства является проблемой №3. В итоге государство в процессе реализации полномочий по государственному строительству получает из одной проблемы сразу две.

Стоит отметить, что количество информационных капсул, проблем и производных проблем на практике может быть значительно больше, представленная модель отражает лишь небольшой элемент государственного строительства. По мнению исследователя данная ситуация связана с отсутствием единого информационного поля всех субъектов государственного строительства. Гражданин в этих условиях становится конечным «потребителем», что влечет за собой предубеждения о несостоятельности органов государственной власти.

При этом возникает ситуация, когда для акторов государственного строительства не является «самой целью достижение установленных показателей, а приоритетным определяется эффект, произведенный на состояние общества» [4, с. 236]. Подобный механизм реализации управленческих (политических) решений очень популярен в современной России. Используя средства манипуляции обществом, информационные агрегаторы, государственные институты власти посредством национальных проектов создают инфоповод социального, экономического и политического подъема в различных слоях населения.

Этот подход был эффективен при государственном строительстве в нулевых и начале первого десятилетия XXI в. Постепенно неоднозначность данного механизма нивелировалась посредством развития информационных технологий. Так, к примеру молодежь в действующих национальных проектах и политических решениях смотрит именно на конечный результат, а не на «этикетку с лозунгами».

Неоднозначные результаты проектов государственного строительства [1] приводят к депрессивному пониманию политических процессов молодыми россиянами, что в свою очередь создает предпосылки развития «нового опасного класса» [6, с. 237]. Кроме этого, информационная манипуляция с «общественным эффектом» воспринимается молодым поколением как фальшь и ведет дополнительно к желанию уехать из страны в силу сложившегося убеждения, что страна движется по неверному пути [6, с. 241]. И такая ситуация повторяется с различными особенностями в той или иной форме в разных слоях населения. Важнейшим инструментарием в этом случае становится парламент, который должен нивелировать и минимизировать проблемы государственного строительства, выражая мнение многонационального народа. На него возложен функционал организа-

ции горизонтальной и вертикальной связи между гражданами России и органами государственной власти. К сожалению, на текущий момент этого не делается: на выборах в Государственную Думу Российской Федерации в 2007 г. явка составила 63,78 %, 60,21 % – в 2011 г., 47,88 % – в 2016 г., соответственно, что отражает снижение активной гражданской позиции в широких слоях населения.

Безусловно, по принципу домино можно утверждать, что достигнута определенная гармония в государственном строительстве и гражданское общество устраивают происходящие социальные, экономические и политические процессы. Гражданин как потребитель конечного продукта государственного строительства стремится к балансу жизненных потребностей, благ и услуг. Государство, используя совокупность инструментов и механизмов, стремится к стабильности управленческой системы, при этом де-факто преобладает административный порядок решения проблем гражданского общества, без права на дискуссию с гражданами. Возникает очевидный дисбаланс государственного строительства: с одной стороны государство с полным набором инструментов и механизмов института власти, а с другой – многонациональный народ, представленный в институтах власти в форме парламента.

При этом парламент, как отмечалось ранее, выражает субъективную позицию экономических и административных акторов. В результате интересы гражданина поддерживаются на уровне баланса между социальной напряженностью и социальной стабильностью. Такой подход ставит гражданина в ситуацию, когда он фактически борется за минимальные жизненные потребности, что в итоге приводит к росту политического ниглизма и активизации оппозиционного движения.

Государство в этих условиях лавирует на стабильности управленческой системы и в результате функционирует не на повышение эффективности инструментов государственного строительства, а на институтах тактического значения, но выдвигая их как национальные идеи. Роль парламента, как инструмента многонационального народа, в результате повышается. Механизмы, имеющиеся в Государственной Думе, должны сбалансировать и представлять интересы граждан в государственном строительстве.

К сожалению, усилия, затраченные парламентом как актором государственного строительства в большей степени не отвечают

запросам граждан, за исключением частных случаев. В связи с этим возникает ситуация, когда парламент в действующем формате теряет свой функционал и его деятельность вызывает больше негативные эмоции в гражданском обществе. Примечательно в данном случае отношение граждан к парламенту Дании. Так, к примеру, явка на муниципальных выборах 2013 г. составила 71,9 %, а во время голосования активизируются кластеры кандидатов, находящиеся в целостной информационной системе, что позволяет гражданам ответственно и осмысленно подходить к выбору кандидатов, которые в свою очередь являются экспертами и специалистами регионального/государственного строительства [9, с. 2]. Подобного результата, естественно, было бы невозможно достичь без использования цифровых технологии. Кроме этого, такой подход повышает политическую активность граждан благодаря консолидации чувства гражданского долга. Этот нюанс становится более актуальным и резонансным только в том случае, если политические взгляды и интересы социальной группы отличаются от интересов представителей государственной власти [11, с. 2]. Соответственно происходит естественная эволюция политических институтов, что обеспечивает социальную гибкость системы государственного управления. Учитывая опыт зарубежных стран и текущие проблемы российского парламентаризма, в рамках единой информационной инфраструктуры органов государственной власти и местного самоуправления выдвигается концептуальная основа Умного парламента Российской Федерации (Smart-парламент).

Smart-парламент – политическая экосистема граждан Российской Федерации и института власти России. Целью Smart-парламента является создание комфортной среды взаимодействия между гражданами РФ и институтами власти России в контексте государственного и регионального строительства. С этой целью гражданам предоставляется доступ к единой инициативной платформе, посредством которой они выражают идеи/инициативы/претензии органам государственной власти и местного самоуправления, получают обратную связь и становятся акторами государственного и регионального строительства. Принцип единой инициативной платформы основан на унифицированной верификации граждан РФ в единой информационной инфраструктуре органов государственной власти и местного самоуправ-

ления, а также функционировании прозрачной системы отбора/обобщения/ анализа массивов поступающих данных в целостной политической экосистеме граждан РФ.

Кроме этого, в рамках данной платформы предполагается функционирование единой базы активных граждан Российской Федерации, которые в зависимости от рейтинга набранных политических очков имеют возможность получить определенные преференции от органов государственной власти и местного самоуправления, установленные соответствующими законами. Политические очки начисляются гражданам Российской Федерации исходя из практической значимости идеи/инициативы/претензии в масштабах государственного и регионального строительства.

Данная платформа позволяет в масштабах государственного суверенитета гражданам Российской Федерации быть политически активными, развивать государство как самостоятельный субъект международной и внутренней политики исходя из интересов гражданского общества. При этом Smart-парламент, находясь в единой информационной инфраструктуре органов государственной власти и местного самоуправления, не позволит государственному институту выйти из многосторонней стабильности, что будет способствовать комплексному формированию целостного вектора государственного строительства. Smart-парламент, являясь платформой прямого участия гражданина Российской Федерации в становлении государства, позволяет упразднить или реформи-

ровать действующую ветвь политической власти. И в свою очередь поможет сэкономить значительные материальные средства федерального и регионального бюджета.

Предполагаемый формат участия политической власти в условиях реализации полномочий Smart-парламентом – экспертно-оценочный, где от депутатов будут требоваться не только узкоспециализированные навыки, но и широкая эрудированность в государственном и региональном строительстве. В результате повысится профессиональный ценз к депутатам Государственной Думы, а единая база активных граждан Российской Федерации позволит формировать федеральный и региональный парламент исходя из практических навыков депутатов, при этом численность депутатов можно сократить на 70 %. Как промежуточный итог предлагаемой концепции можно определить место Smart-парламента в единой информационной инфраструктуре органов государственной власти и местного самоуправления (рис. 2).

Исходя из схемы, можно констатировать следующее: все субъекты государственного и регионального строительства находятся в единой информационной капсуле. Гражданин Российской Федерации является актором государственного и регионального строительства, взаимодействует напрямую с Государственной Думой Российской Федерации, Парламентом субъекта Российской

Федерации или с муниципальным парламентом субъекта Российской Федерации в зависимости от уровня и практической значимости идеи/инициативы/претензии.

Важным аспектом финиширования Умного парламента Российской Федерации является обратная связь, где каждый гражданин ценится как самостоятельный хозяйствующий субъект, способный внести значительные изменения в масштабах страны. Комплексный подход к рассмотрению предложений граждан позволяет отсеивать маргинальные и безрассудные инициативы, при этом внося их в общую базу данных и закрепляя за электронным резюме гражданина в единой базе. Предложения, позволившие изменить/улучшить в масштабах страны, оцениваются как положительные и также вносятся в резюме гражданина. Безусловно, с учетом свободного времени и когнитивных сил граждан, Умный парламент позволяет направлять и концентрировать усилия граждан во благо общества и государства. При этом учитывая на текущий момент количество разноплатформенных площадок (Лидеры России, Моя страна – Моя Россия, Агентство Стратегических Инициатив, Рос-

Федерации будет пользоваться значительным успехом.

Предложения, прошедшие процедуру проверок и рассмотрения, выдвигаются на региональный или федеральный уровень через Администрацию Президента Российской Федерации. Возникает логичный вопрос, почему именно через Администрацию Президента Российской Федерации? Как было отмечено в статье «Администрация президента Российской Федерации как особый элемент института власти», опубликованной в сборнике материалов III Всероссийской с международным участием научно-практической конференции «Актуальные проблемы стратегического управления территориальным развитием 2021»: «В условиях современного государственного строительства Российской Федерации единственным звеном управления, которое сможет стать мозговым центром обеспечения процесса внедрения единой информационной инфраструктуры органов государственной власти и местного

Рис. 2. Умный парламент Российской Федерации в единой информационной инфраструктуре органов государственной власти и местного самоуправления

сия страна возможностей, Моя Законотворческая Инициатива и т. д.) без целостной прозрачной системы, можно отметить, что платформа Умного парламента Российской

самоуправления, является Администрация Президента Российской Федерации. Именно на нее необходимо возложить ответственность по внедрению и оптимизации данной системы» [11].

В связи с этим Администрация Президента РФ выступает инструментом реализации предложений Умного парламента Российской Федерации. Используя административные и технические возможности, она обеспечивает объективный мониторинг и фиксацию всех событий/бездействий в отношении представленных предложений. Данное функционирование возможно только в единой информационной инфраструктуре органов государственной власти и местного самоуправления.

Граждане Российской Федерации посредством реализации своих полномочий в Умном парламенте Российской Федерации становятся политически активными и чувствуют свою значимость в системе государственного строительства. Эпоха современных технологий позволяет цитате В. У. Ленина «каждая кухарка может управлять государством» быть реализованной при условии, что вышеобозначенная «кухарка» на практическом и теоретическом уровне способна осуществлять государственное и региональное строительство. Платформа Smart-парламента в данном случае является уникальной политической экосистемой граждан Российской Федерации, не имеющей аналогов в мире и дающей беспрецедентный инфоповод развитию демократии.

Таким образом, под концептуальной основой Smart-парламента можно определить следующие аксиомы.

1. В Smart-парламенте производится верификация граждан Российской Федерации как акторов государственного и регионального строительства в единой информационной инфраструктуре органов государственной власти и местного самоуправления.

2. Smart-парламент обеспечивает прозрачный механизм логистики рассмотрения идей/ инициатив/претензий с персональной обратной связью.

3. Smart-парламент функционирует в единой информационной инфраструктуре

органов государственной власти и местного самоуправления.

4. Smart-парламент автоматически производит идентификацию всех событий/смыслов и когнитивных усилий граждан Российской Федерации в целостной информационной системе.

5. Smart-парламент функционирует на принципе равнодоступности и равнозначности всех субъектов государственного и регионального строительства.

6. Техническая и нормативно-правовая архитектура Smart-парламента предоставляет гражданам Российской Федерации удобный и интуитивно понятный интерфейс.

7. Законодательная база Российской Федерации в Smart-парламенте переведена в цифровую архитектуру, где установлена логистическая, вертикальная и горизонтальная, связь международной нормативно-правой базой и нормативно-правой базой Российской Федерации.

8. Деятельность Smart-парламента является формой политической активности граждан Российской Федерации и направлена на создание комфортной среды взаимодействия гражданского общества и институтов власти с целью повышения благосостояния граждан и государства, а также формирования целостного вектора развития государства.

Таким образом, форсайт цифровой трансформации в законодательной власти является в перспективное направление для создания эффективных механизмов государственного и регионального строительства с прямым участием граждан Российской Федерации. Он имеет некоторые недостатки, но в рамках национального проекта «Цифровая экономика Российской Федерации» укладывается в общую логистику цифровой трансформации. Это позволит провести непосредственную корректировку текущего проекта и включить в него раздел по внедрению «Умного парламента Российской Федерации».

Список источников и литературы

1. Артюхин, Р. Е. Национальные проекты – качественно новый уровень ответственности государства / Р. Е. Артюхин // Государственная служба. – 2020. – Т. 20, № 1. – С. 70–72.
2. Бударин, Я. С. Администрации Президента Российской Федерации, как особый элемент института власти / Я. С. Бударин // Актуальные проблемы стратегического управления территориальным развитием : Материалы III Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции, Краснодар, 20 мая 2021 года. – Краснодар: Кубанский государственный университет, 2021. – С. 42–51.

3. Володенков, С. В. Информационные капсулы как структурный компонент современной политической интернет-коммуникации / С. В. Володенков, Ю. Д. Артамонова // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2020. – № 53. – С. 188–196.
4. Гришин, Н. В. Государственная политика идентичности: новая ставка в политической борьбе? / Н. В. Гришин // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2020. – № 55. – С. 231–239.
5. Исаков, В. Б. Парламент, власть, общество / В. Б. Исаков // Парламентаризм: проблемы теории, истории, практики: сб. научных статей к 60-летию заслуженного юриста РФ, доктора юридических наук, профессора Исакова Владимира Борисовича. – Москва: Юрлитинформ, 2010. – 304 с.
6. Кузнецов, И. И. Политическое сознание Российского студенчества: общественная солидарность, доверие, взаимодействие / И. И. Кузнецов // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2021. – № 59. – С. 237–252.
7. Платон. Государство / пер. с древнегреч. А. Н. Егунова. – Москва: АСТ, 2020. – 448 с.
8. Сунгуров, А. Ю. Законодательное собрание Санкт-Петербурга: участие экспертов в подготовке решений / А. Ю. Сунгуров // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2021. – № 59. – С. 253–262.
9. Dahlgaard, J. O. Living Together, Voting Together: Voters Moving in Together Before an Election Have Higher Turnout / J. O. Dahlgaard, Y. Bhatti, J. H. Hansen // British Journal of Political Science. Great Britain. O. – 2021. – P. 1–18 DOI:10.1017/S0007123420000691
10. *Global Trends* // Office of the Director of National Intelligence. – URL: <https://www.dni.gov/index.php/global-trends-home> (дата обращения: 11.05.2022)
11. Reher, S. Do Disabled Candidates Represent Disabled Citizens? / S. Reher // British Journal of Political Science. Great Britain. O. – 2021. – P. 1–15. DOI:10.1017/S0007123420000733
12. Reuter, O. J. Online Social Media and Political Awareness in Authoritarian Regimes / O. J. Reuter // British Journal of Political Science. Great Britain. O. – 2013. – P. 29–51. DOI:10.1017/S0007123413000203

Бударин Ярослав Сергеевич – эксперт, Моя страна – моя Россия, (г. Москва, Россия), y.s.budarin@mail.ru

FORESIGHT OF DIGITAL TRANSFORMATION IN THE LEGISLATIVE POWER, OR "SMART PARLIAMENT OF THE RUSSIAN FEDERATION"

Budarin Y. S.

The key shortcomings of the legislative power in the context of state-building are described. The sequence of solving the problems of Russian citizens in parliament and the emergence of derivative problems under the influence of information capsules is monitored. The institutional research method is used. The influence of administrative and economic factors on the adoption of draft laws is analyzed. The basic concept of a Smart Parliament of the Russian Federation based on digital technologies is put forward.

Keywords: State Duma of the Russian Federation, legislative power, actor, political ecosystem of citizens, institution of power, Smart Parliament, public authorities.

References

1. Artyukhin R. E. National projects – a qualitatively new level of state responsibility [Nacional'nye proekty – kachestvenno novyj uroven' otvetstvennosti gosudar-stva]. Public Service [Gosudarstvennaya sluzhba]. Vol. 20. No. 1. Moscow, 2020. P. 70–72. (In Russ).
2. Budarin Ya. S. Administracii Prezidenta Rossijskoj Federacii, kak osobyj element instituta vlasti [Administration of the President of the Russian Federation as a special element of the institute of power]. Aktual'nye problemy strategicheskogo upravleniya territorial'nym razvitiem : Materialy III Vserossijskoj (s mezhdunarodnym uchastiem) nauchno-prakticheskoy konferencii, Krasnodar, 20 maya 2021 goda [Actual problems of strategic management of territorial development 2021]. Kuban, 2021. p. 298. (In Russ).
3. Volodenkov S. V., Artamonova Yu. D. Informacionnye kapsuly kak strukturnyj komponent sovremennoj politicheskoj internet-kommunikacii [Information capsules as a structural component of modern political Internet communication]. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sociologiya.

ya. *Politologiya*. [Bulletin of Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Political science]. 2020. No. 53. P. 188–196. (In Russ).

4. *Grishin N. V.* Gosudarstvennaya politika identichnosti: novaya stavka v politicheskoy bor'be? [State identity policy: a new stake in the political struggle?]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sociologiya. Politologiya*. [Bulletin of Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Political science]. 2020. No. 55. P. 231–239. (In Russ).

5. *Isakov B.* Parlament, vlast', obshchestvo [Parliament, power, society]. *Parlamentarizm: problemy teorii, istorii, praktiki: sb. nauchnyh statej k 60-letiyu zaslužennogo yurista RF, doktora yuridicheskikh nauk, professora Isakova Vladimira Borisovicha*. [Parliamentarism: problems of theory, history, practice: collection of scientific articles for the 60th anniversary of the Honored Lawyer of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor Vladimir Borisovich Isakov] Moscow: Yurlitinform 2010. p. 304. (In Russ).

6. *Kuznetsov I. I.* Politicheskoe soznanie Rossijskogo studenchestva: obshchestvennaya solidar-nost', doverie, vzaimodejstvie [Political consciousness of Russian students: public solidarity, trust, in-teraction]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filoso-fiya. Sociologiya. Politologiya* [Bulletin of Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Political science]. 2021. No. 59. P. 237–252. (In Russ).

7. *Plato*. Gosudarstvo [The state]. Moscow: AST, 2020. p. 448. (In Russ).

8. *Sungurov A. Yu.* Zakonodatel'noe sobranie Sankt-Peterburga: uchastie ekspertov v podgotovke reshenij [Legislative Assembly of St. Petersburg: participation of experts in the prepara-tion of solutions]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filoso-fiya. Sociologiya. Politologiya* [Bulletin of Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Political science]. 2021. No. 59. P. 253–262. (In Russ).

9. *Dalgaard J. O., Bhatti Y., Hansen J. H.* To Live Together, to Vote Together: Voters Coming To-gether Before Elections Have A Higher Turnout. *British Journal of Political Science*. UK. O. 2021. P. 1–18 DOI:10.1017/S0007123420000691

10. *Global trends*. Office of the Director of National Intelligence. URL: <https://www.dni.gov/index.php/global-trends-home> (accessed: 11.05.2022)

11. *Reher S.* Do Disabled Candidates Represent Citizens With Disabilities? *British Journal of Po-litical Science*. UK. O. 2021. P. 1–15 DOI:10.1017/S0007123420000733

12. *Reuter O. J.* Online social networks and political awareness in authoritarian regimes. *British Journal of Political Science*. UK. O. 2013. P. 29–51 DOI:10.1017/S0007123413000203

Budarin Yaroslav Sergeevich. – expert, My country is my Russia, (Moscow, Russia), y.s.budarin@mail.ru

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ:

Бударин Я. С. Форсайт цифровой трансформации в законодательной власти, или «Ум-ный парламент Российской Федерации» / Я. С. Бударин // Социогуманитарные коммуника-ции. – 2022. – №2(2). – С. 7–17.

FOR CITATION:

Budarin Ya. S. Foresight of digital transformation in legislative power, or "Smart Parliament of the Russian Federation" [Forsajt cifrovoj transformacii v zakonodatel'noj vlasti, ili «Umnyj parla-ment Ros-sijskoj Federacii»]. *Socio-humanitarian communications* [Sociogumanitarnye kommu-nikacii]. 2022. №2(2). P. 7–17.

КОСМИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО С ЕВРОПЕЙСКИМ СОЮЗОМ КАК ИНСТРУМЕНТ «МЯГКОЙ СИЛЫ» РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Иванова А. М.

В данной статье рассмотрен аспект космического сотрудничества Российской Федерации и Европейского союза как инструмента «мягкой силы». «Мягкая сила» в настоящее время представляет собой наиболее оптимальный инструмент развития отношений России и Европы в условиях непростой политической обстановки. Поскольку на деятельность Европейского космического агентства нет прямого воздействия со стороны основных учреждений Европейского союза, сотрудничество двух сторон в сфере освоения космического пространства является продуктивным.

Ключевые слова: Российская Федерация, Европейский союз, мягкая сила, международные отношения, космическая политика, ESA, Роскосмос.

Введение

Поиск возможных точек соприкосновения с западными государствами, повышение значимости государства на международной арене, а также создание образа привлекательного партнера для сотрудничества являются одними из важных аспектов внешней политики Российской Федерации. В настоящее время это имеет особое значение, поскольку события последних десятилетий, в которых сталкивались интересы различных стран, оказали влияние на отношения – в первую очередь с государствами Европейского союза.

Отношения РФ с ЕС по многих сферах стали более отдаленными в том числе из-за отсутствия положительного образа государства в СМИ западных государств, которые, в свою очередь, складывались годами – начиная с того, что по сути Россия – преемник СССР, делая ее положение обособленным, агрессивным, не готовым идти навстречу и так далее. Тем не менее, даже сложившийся в западном мире образ, политические и экономические аспекты не всегда оказывают влияние на развитие сотрудничества двух сторон.

В ходе комплексного исследования, включившего анализ вторичных данных, были изучены нормативно-правовые акты, подписанные сторонами в рамках сотрудничества российской и европейской сторон, приведены статистические данные, которые позволяют сравнить бюджеты космических агентств, экономические показатели – стоимость запуска ракет российского и американского производства.

Основная часть

В этом плане примечательны отношения ЕС и РФ в сфере освоения космического пространства, которое реализуется агентствами – Европейским космическим агентством (ЕКА) и государственной корпорацией «Роскосмос». Научная новизна в данном случае обосновывается тем, что аспекты взаимодействия ЕС и РФ в сфере освоения космического пространства мало рассмотрены, хотя эта сфера по-прежнему является одной из наиболее продуктивных в российско-европейских отношениях. Несмотря на то, что в целом деятельность, реализуемая ЕКА, ориентируется на космическую политику Европейского союза, она остается вне влияния политической сферы. Таким образом, агентство активно сотрудничает с госкорпорацией «Роскосмос» и реализует ряд проектов даже в условиях кризиса в отношениях ЕС-РФ [1].

Космос стал одним из основных направлений реализации «мягкой силы» во внешней политике РФ, поскольку является преемником всех наработок СССР, и, как известно, Россия обладает одним из самых мощных космических потенциалов в мире. Тем самым российская сторона проводит политику «мягкой силы». В последние годы космическая отрасль значительно отстает – уменьшаются бюджет, масштабы проектов. На лидирующих позициях в сфере освоения космоса находятся США и Китай, чьи затраты на 2020 год составляли 47,7 и 8,9 млрд долларов США соответственно, а затраты ЕС и РФ – 4,9 и 3,6 млрд долларов США [5].

Имеющиеся достижения РФ в космической сфере делают ее привлекательным партнером для сотрудничества, а непосредственная географическая близость ЕС и РФ значительно упрощают логистику техники

(которая также является одним из проявлений «мягкой силы»), перемещение сотрудников из одной точки в другую и т. д. Сотрудничество России и Европы в сфере освоения космического пространства длится не одно десятилетие, начиная с 1980-х гг. [4].

Одним из ярких проявлений «мягкой силы» России также является проект поставки ракет-носителей «Союз-СТ» для реализации коммерческих полетов (например, проект запуска 6 спутников мобильной связи британской корпорации «OneWeb» в 2019 г.). Данные ракеты обладают большей грузоподъемностью по сравнению с большинством ракет, которые проектировала французская компания Arianespace: разумеется, есть флагман европейского ракетостроения «Ariane 5», однако он рассчитан на более крупные проекты, и поэтому «Союз» стал идеальным кандидатом для среднemasштабных спутников [5].

Также стоит отметить, что ракеты-носители российского производства по сей день активно используются ЕКА, поскольку их запуск в разы выгоднее, нежели, к примеру, запуск «Falcon 9» (с возможностью возврата первой ступени) – стоимость запуска ракеты варьируется от 90 до 140 млн долларов США, в то время как запуск российского «Союза» – от 40 до 80 млн долларов США [4].

Российская Федерация и Европейский союз подписали ряд соглашений, регулирующих совместную деятельность – проекты, обмен научными исследованиями и результатами и т. д.

На протяжении всего времени сотрудничества российской и европейской стороны был реализован ряд проектов, таких как проект «INTEGRAL» (2002) – орбитальная обсерватория для изучения космического пространства, миссия «VeraColombo», направленная на исследования Венеры и ее строения.

Также одним из крупнейших международных проектов является проект МКС, участие в которой приняли не только РФ, США, ЕС, но и Япония, Канада, Норвегия и многие другие – этот проект в будущем также является

площадкой для возможных коопераций, поисков путей решения и внедрения новых технологий, поскольку скоро ее срок эксплуатации закончится, и необходимо разработать новую орбитальную станцию, ничем не уступающую предыдущей.

Что касается непосредственно взаимодействия космических агентств в настоящее время, то проектом первостепенной важности является миссия «ExoMars», запущенная в 2016 г. Главной ее целью является изучение поверхности Марса на предмет наличия биологических признаков жизни. Для этой миссии российской стороной была предоставлена ракета «Протон-М», специально предназначенная для запуска непилотируемых миссий, а также разрабатывается посадочный модуль «Казачок» – он позволит начать миссию по исследованию европейского марсохода «Розалин Франклин». «Казачок» также будет полезен в съемке всех процессов, следить за климатической обстановкой, исследовать атмосферу, анализировать уровень радиации на планете, а также изучать распределение любых подземных вод на месте посадки и выполнять геофизические исследования [6].

Актуальность данного проекта крайне высока в век продолжающейся «космической гонки», главной целью которой является уже не Луна (хотя новый виток этой гонки вскоре будет начат, о чем США в последнее время все чаще заявляют, планируя новые миссии с 2025 г.), а Марс и его изучение.

Заключение

Подводя итоги, важно подчеркнуть, что у Российской Федерации имеется богатый потенциал для развития космической отрасли, поскольку является преемником достижений СССР. Технологии и наработки государства являются ценными, и во многом позволяют продвигать сотрудничество с Российской Федерацией по множеству различных проектов. Главной задачей РФ на данный момент является создание наиболее выгодного партнера для сотрудничества.

Список источников и литературы

1. *Калиниченко, П. А.* Правовые основы взаимоотношений между Россией и Европейским Союзом в сфере освоения космоса / П. А. Калиниченко, А. Х. Митрохина // Актуальные проблемы российского права. – 2018. – №5 (90). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovye-osnovy-vzaimootnosheniy-mezhdu-rossiey-i-evropeyskim-soyuzom-v-sfere-osvoeniya-kosmosa> (дата обращения: 31.01.2022).
2. *Разгонный блок «Фрегат» успешно вывел на орбиту все шесть спутников OneWeb* // ТАСС. – URL: <https://tass.ru/kosmos/6167702> (дата обращения: 31.01.2022).

3. *Сравнительная стоимость запуска полезного груза в космос на разных РН* // Журнал «Все о космосе». – URL: <https://aboutspacejournal.net/2016/03/07/сравнительная-стоимость-запуска-пол/> (дата обращения: 31.01.2022).

5. *Memorandum of Understanding Between the National Aeronautics and Space Administration of the United States of America and the European Space Agency Concerning Cooperation on the Civil International Space Station* // NASA. – URL: https://www.nasa.gov/mission_pages/station/structure/elements/nasa_esa.html (дата обращения: 31.01.2022).

4. *Seminari S. Government Space Budgets Surge Despite Global Pandemic* // ViaSatellite. – URL: <http://interactive.satellitetoday.com/via/march-2021/government-space-budgets-surge-despite-global-pandemic/> (дата обращения: 31.01.2022).

6. *Steady driving towards ExoMars launch* // ESA – URL: https://www.esa.int/Science_Exploration/Human_and_Robotic_Exploration/Exploration/ExoMars/Steady_driving_towards_ExoMars_launch (дата обращения: 17.02.2022).

Иванова Анна Михайловна – магистр, факультет политологии Санкт-Петербургского государственного университета (г. Санкт-Петербург, Россия), singularienn@gmail.com.

SPACE COOPERATION WITH THE EUROPEAN UNION AS AN INSTRUMENT OF "SOFT POWER" OF THE RUSSIAN FEDERATION

Ivanova A. M.

This article discusses the aspect of space cooperation between the Russian Federation and the European Union as an instrument of "soft power". "Soft power" currently represents the most optimal tool for the development of relations between Russia and Europe in a difficult political situation. Since the activities of the European Space Agency are not directly affected by the main institutions of the European Union, cooperation between the two parties in the field of space exploration is productive.

Keywords: Russian Federation, European Union, soft power, international relations, space policy, ESA, Roscosmos.

References

1. *Kalinichenko P. A., Mitrokhina A. Kh. Pravovye osnovy vzaimootnoshenij mezhdru Rossiej i Evropejskim Soyuzom v sfere osvoeniya kosmosa* [Legal foundations of relations between Russia and the European Union in the sphere of space exploration]. Aktual'nye problemy rossijskogo prava [Actual problems of Russian law]. 2018. №5 (90). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovye-osnovy-vzaimootnosheniy-mezhdru-rossiej-i-evropejskim-soyuzom-v-sfere-osvoeniya-kosmosa> (accessed: 31.01.2022).

2. *Razgonnyj blok «Fregat» uspešno vyvel na orbitu vse shest' sputnikov OneWeb* [Upper stage "Fregat" successfully put into orbit all six satellites OneWeb]. TASS [electronic resource]. URL: <https://tass.ru/kosmos/6167702> (date of access: 31.01.2022).

3. *Sravnitel'naya stoimost' zapuska poleznogo gruzu v kosmos na raznyh RN* [Comparative cost of launching a payload into space on different launch vehicles]. ZHurnal «Vse o kosmose» [Journal "All about space"]. – URL: <https://aboutspacejournal.net/2016/03/07/comparison-cost-launch-gender/> (accessed: 31.01.2022).

4. *Memorandum of Understanding Between the National Aeronautics and Space Administration of the United States of America and the European Space Agency Concerning Cooperation on the Civil International Space Station*. NASA – URL: https://www.nasa.gov/mission_pages/station/structure/elements/nasa_esa.html (accessed: 31.01.2022).

5. *Seminari S. Government Space Budgets Surge Despite Global Pandemic*. ViaSatellite. – URL: <http://interactive.satellitetoday.com/via/march-2021/government-space-budgets-surge-despite-global-pandemic/> (accessed: 31.01.2022).

6. *Steady driving towards ExoMars launch*. ESA. – URL: https://www.esa.int/Science_Exploration/Human_and_Robotic_Exploration/Exploration/ExoMars/Steady_driving_towards_ExoMars_launch (accessed: 17.02.2022).

Ivanova Anna Mikhailovna – Master's student, Faculty of Political Science, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russia), singularienn@gmail.com.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ:

Иванова, А. М. Космическое сотрудничество с Европейским союзом как инструмент «мягкой силы» Российской Федерации / А. М. Иванова // Социогуманитарные коммуникации. – 2022. – №2(2). – С. 18–20.

FOR CITATION:

Ivanova A. M. Space cooperation with the European Union as an instrument of "soft power" of the Russian Federation [Kosmicheskoe sotrudnichestvo s Eropеjskim soyuzom kak instrument «myagkoj sily» Rossijskoj Federacii]. Socio-humanitarian communications [Sociogumanitarnye kommunikacii]. 2022. №2(2). P. 18–20.

РОЛЬ США В УРЕГУЛИРОВАНИИ ПАЛЕСТИНО-ИЗРАИЛЬСКОГО КОНФЛИКТА В XXI в.

Перевозчикова В. А.

В статье рассматривается роль США в урегулировании палестино-израильского конфликта во время президентских сроков Джорджа Буша-младшего, Барака Обамы и Дональда Трампа. В работе проанализирована риторика трех американских администраций относительно противостояния израильтян и палестинцев, предложенные пути решения конфликта, результаты деятельности трех администраций США по данному направлению и различия в подходе к разрешению вопроса.

Ключевые слова: США, Израиль, Палестина, палестино-израильский конфликт, Джордж Буш-младший, Барак Обама, Дональд Трамп.

В настоящее время палестино-израильский конфликт остается одним из факторов напряженности и нестабильности на Ближнем Востоке. Международное сообщество следит за противостоянием израильтян и палестинцев и стремится найти приемлемый способ завершить данный конфликт. Соединенные Штаты Америки принимают активное участие в нормализации отношений между Израилем и Палестиной, предлагая свои подходы к урегулированию палестино-израильского противостояния.

Несмотря на попытки в конце XX столетия достигнуть мира на Ближнем Востоке, XXI в. начался с эскалации палестино-израильского конфликта, а именно в 2000 г. началась вторая интифада (вооруженное восстание палестинцев против Израиля).

В условиях нарастающего насилия, вызванного эскалацией конфликта, США были вынуждены искать новые подходы в решении данной проблемы.

Отметим, что в начале текущего столетия сменилось руководство как в США, так и в Израиле. 20 января 2001 г. пост президента Соединенных Штатов занял республиканец Джордж Буш-младший, 7 марта того же года пост премьер-министра израильского государства занял бывший военный, лидер партии Ликуд Ариэль Шарон.

Новый подход решения конфликта был найден в 2002 г., когда был сформирован Ближневосточный квартет, в состав которого вошли США, Россия, Европейский союз и ООН. Целью данной группы было урегулирование арабо-израильского конфликта, в котором «квартет» должен был играть посредническую роль.

В 2002 г. президент США Джордж Буш-младший выдвинул свои предложения, которые с некоторыми уточнениями были одобрены «квартетом» и названы «Дорожная карта».

В 2003 г. Ближневосточный квартет обнаружил данный план, направленный на урегулирование палестино-израильского конфликта. Цель плана – завершить противостояние израильтян и палестинцев посредством создания независимого палестинского государства и его дальнейшего мирного существования с Израилем и соседними государствами [2, с. 283]. «Дорожная карта» содержала в себе три этапа достижения поставленных целей. На первом этапе необходимо было завершить интифаду и сконцентрироваться на реформировании властных структур Палестины, Израиль должен был прекратить строительство своих поселений на территориях, которые международное сообщество считает оккупированными, необходимо было обеспечить свободу передвижения палестинцев и др. Второй этап «Дорожной карты» предполагал создание палестинского государства с временными границами. На третьем этапе предполагалось начать переговоры между Израилем и палестинцами с целью окончательного урегулирования конфликта. Планировалось, что нормализация отношений между конфликтующими сторонами будет достигнута в 2005 г. [2, с. 284].

Вскоре стало понятно, что реализовать данный план невозможно, по крайней мере в указанные сроки. И снова появилась необходимость искать пути решения палестино-израильского конфликта.

Стоит отметить, что в то же время, США, возглавляемые Джорджем Бушем-мл. были обеспокоены еще одной проблемой в ближневосточном регионе, а именно, Ираком, возглавляемым на тот момент Саддамом Хусейном. И хотя Израиль не принимал непосредственного участия в военной кампании Соединенных Штатов в 2003 г., но поддерживал американцев в данном вопросе и пред-

принял меры на случай угрозы собственной безопасности [2, с. 286].

В 2003 г. израильским премьер-министром Ариэлем Шароном был предложен план («План одностороннего размежевания») вывода Израиля с некоторых территорий, которые считаются оккупированными им. План предполагал вывод израильских поселений и сил армии обороны Израиля (ЦАХАЛ) из сектора Газа и с части территорий Западного берега реки Иордан. В 2004 г. после долгих обсуждений план был утвержден Кнессетом и реализован в 2005 г.

У американцев хоть и были некоторые претензии к плану А. Шарона, в целом, с некоторыми оговорками, США поддержали его. «План одностороннего размежевания» шел вразрез с планом «Дорожная карта», так как последний предполагал взаимные согласованные действия сторон, чему не отвечал план, реализованный израильской стороной. Тем не менее Соединенные Штаты стали рассматривать этот план как действия, направленные в сторону реализации «Дорожной карты» [3, с. 370].

В 2007 г. американская сторона провела конференцию в Аннаполисе (США), ориентированную на решение палестино-израильского конфликта. Премьер-министр Израиля Э. Ольмерт и глава Палестинской национальной администрации (ПНА) Махмуд Аббас договорились возобновить переговоры, ранее прерванные на несколько лет. Джордж Буш-мл. подтвердил свою приверженность идее создания двух государств: израильского и палестинского. Тем не менее данная конференция не принесла существенных сдвигов в палестино-израильском вопросе.

Стоит отметить, что за время нахождения Джорджа Буша-младшего на посту президента США, в ближневосточном регионе произошло изменение расклада сил, в том числе и на палестино-израильском направлении: сектор Газа в 2007 г. перешел под контроль радикального движения ХАМАС, после смерти Ясира Арафата в 2004 г. главой ПНА стал Махмуд Аббас, а иранский вопрос стал более актуальным.

Несмотря на попытки США под руководством администрации Джорджа Буша-младшего внести свой вклад в решение затяжного конфликта на Ближнем Востоке и окончательно его урегулировать, положительных сдвигов по данному вектору так и не произошло.

В 2009 г. 43-го американского президента сменил сенатор-демократ Барак Обама. Он,

как и его предшественник, продолжил активную деятельность на палестино-израильском направлении. В Израиле премьер-министром стал Биньямин Нетаньяху (партия Ликуд), сменивший на этом посту Эхуда Ольмерта (партия Кадима), находившегося в этой должности после ухода Ариэля Шарона. Так у власти в США и Израиле оказались политики, придерживающиеся разной политической линии.

Перед администрацией Барака Обамы одной из задач стояло улучшение отношений с мусульманским миром. Затяжная война в Афганистане, ввод войск в Ирак, сложные отношения с Ираном, неспособность внести существенный вклад в разрешение палестино-израильского конфликта, жесткая политика Дж. Буша-младшего, все это ухудшило имидж США в глазах исламского мира [2, с. 310].

Обратимся к речи Б. Обамы, произнесенной им 4 июня 2009 г. в Каире, ставшей шагом в улучшении образа Соединенных Штатов в мусульманском мире. Обращаясь к аудитории, 44-й президент США, среди других тем, не мог не затронуть и палестино-израильский конфликт, он выразил готовность участвовать в его урегулировании. Барак Обама намеревался выступать беспристрастным посредником, учитывающим интересы обеих сторон конфликта. Уже в каирской речи Обамы можно увидеть его обращение как к палестинцам, так и к израильтянам. Палестинцев он призвал признать Государство Израиль и прекратить насилие и террористические акты, совершаемые движением ХАМАС, а израильтян - прекратить строительство своих поселений на оккупированных территориях.

Риторика Барака Обамы относительно ряда аспектов ближневосточного конфликта, в частности израильских поселений, вызвала негативную реакцию со стороны израильтян, так как была неприемлема для Израиля, возглавляемого на тот момент лидером партии Ликуд Биньямином Нетаньяху. Требования американского президента прекратить строительство, внесло напряженность в американо-израильские отношения.

В своих выступлениях Барак Обама отмечал необходимость создания двух государств, однако прежде необходимо было урегулировать «болезненные» вопросы данного конфликта, такие как территориальные границы палестинского государства, статус Иерусалима, еврейские поселения. Несмотря на попытки США разрешить палестино-

израильский конфликт по данным вопросам, американской стороне так и не удалось добиться положительных результатов.

Одним из спорных вопросов, о котором заявлял американский лидер, было строительство Израилем поселений на территориях, которые считаются оккупированными, а именно Западный берег реки Иордан. По данному вопросу Соединенные Штаты, по всей видимости, предполагали, что израильская сторона пойдет на уступки, однако этого не случилось. И хотя Израиль все-таки ввел мораторий на строительство своих поселений в 2009 г. на десять месяцев, данный шаг со стороны израильского государства не возымел никаких результатов в достижении нормализации отношений между конфликтующими сторонами. Стоит отметить и то, что мораторий не охватывал строительство в Восточном Иерусалиме. Но в конечном итоге, в начале сентября 2010 г. начались переговоры между Израилем и ПНА. США приложили немалые усилия, чтобы усадить стороны за стол переговоров. Однако в конце сентября переговоры оказались под угрозой, так как заканчивался срок моратория на строительство поселений. В результате, возобновление переговорного процесса снова так и не принесло положительных сдвигов на палестино-израильском направлении [2, с. 312].

Очередную попытку примирить израильтян и палестинцев США предприняли в 2013 г., вновь предложив план по урегулированию конфликта (план Керри). Он был нацелен на возобновление переговоров между сторонами конфликта, но в конечном итоге не был принят ни израильтянами, ни палестинцами.

Несмотря на совершенные за два президентских срока попытки урегулировать конфликт, Бараку Обаме так и не удалось добиться положительных сдвигов в вопросе ликвидации противостояния между конфликтующими сторонами. 44-й американский президент изначально позиционировал себя как посредник в деле урегулирования, который не принимает чей-то стороны и учитывает интересы всех участников конфликта. Тем не менее, Соединенным Штатам так и не удалось выработать принципиально новый план, который смог бы положить конец борьбе израильтян и палестинцев и решить ключевые спорные вопросы между ними.

Своими политическими решениями Барак Обама внес определенную напряженность в американо-израильские отношения. На это повлияли как его действия по пале-

стино-израильскому направлению, так и его политика в отношении Ирана.

Однако, 20 января 2017 г. пост президента США занял республиканец Дональд Трамп. И если его предшественник старательно и последовательно стремился дистанцироваться от произраильского характера действий США в отношении ближневосточного конфликта, то 45-й американский лидер напротив, сразу же дал понять, что намерен быть другим израильскому государству.

В декабре 2017 г. Д. Трамп признал весь Иерусалим столицей Государства Израиль и поручил перенести в этот древний город американское посольство. Статус Иерусалима является одним из ключевых разногласий между палестинцами и израильтянами. После окончания арабо-израильской войны в 1949 г. и вплоть до Шестидневной войны 1967 г., Иерусалим находился под контролем Израиля и Иордании, западная часть города контролировалась израильским государством, а восточная – иорданским. После войны 1967 г. весь город перешел под контроль израильтян, с чем были не согласны не только противоборствующая с Израилем сторона, но и в целом международное сообщество. ООН призвала страны-участницы вывести свои дипломатические представительства из города, но несмотря на это Израиль и по сей день настаивает на том, что Иерусалим «единая и неделимая» столица израильского государства.

Учитывая спорный статус города и его значение для конфликтующих сторон, шаг Дональда Трампа не мог не вызвать соответствующей реакции не только у палестинцев, но и у всего мира. И хотя американский Конгресс принял закон о переносе дипмиссии в Иерусалим еще в 1995 г., никто из предшественников Д. Трампа не пошел на этот шаг [4, с. 154–158].

Некоторое время статус Иерусалима хоть и был спорным, но сохранялся неизменным, и, хотя другие государства не выразили желания последовать примеру США, тем не менее Д. Трамп задел болезненный вопрос и дал всему миру определенный сигнал. Хотя, объявляя о переносе дипломатической миссии, он отметил приверженность Соединенных Штатов мирному урегулированию в регионе.

18 декабря 2017 г. США, ожидаемо, наложили вето на резолюцию Египта в ООН, которая осуждала решение Соединенных Штатов признать Иерусалим столицей Израиля. Постоянный представитель США при ООН

раскритиковала данный документ и обвинила организацию во враждебности по отношению к израильскому государству [5].

14 мая 2018 г. американское дипломатическое представительство было перенесено в Иерусалим, что предсказуемо вызвало негативную реакцию с палестинской стороны. На границе Израиля и сектора Газа произошли столкновения палестинцев с израильской армией, приведшие к жертвам.

Трудно представить завершение палестино-израильского конфликта без разрешения вопроса относительно статуса Иерусалима. Решение Дональда Трампа, разумеется, было положительно встречено израильской стороной. Израиль уже не одно десятилетие добивается признания этого древнего города своей столицей и, хотя в основном, международное сообщество не поддержало США, тем не менее для Израиля это определенная политическая победа. Но данный вопрос по-прежнему остается нерешенным и Соединенным Штатам необходимо учитывать этот факт при выработке проектов по урегулированию конфликта на Ближнем Востоке.

За четыре года в должности президента США Дональд Трамп успел предложить и свой план по урегулированию палестино-израильского конфликта. В 2020 г. американская администрация представила план, который также называют «Сделка века». Среди пунктов данного плана: взаимное признание двух государств, необходимость отказа палестинских властей от поддержки радикальных движений ХАМАС, под контролем которого находится сектор Газа и др. Согласно «сделке» Соединенные Штаты готовы были выделить 50 млрд долларов США в качестве инвестиций.

«Сделка» прогнозируемо вызвала противоположную реакцию конфликтующих сторон. Израильцы положительно оценили план Д. Трампа, палестинцы, напротив, сочли его неприемлемым для себя. Неоднозначную реакцию инициатива Соединенных Штатов вызвала у государств региона. Так Турция и Иран (оппонент США и Израиля) отозвались о сделке в негативном ключе, более сдержанную реакцию продемонстрировали Египет и Иордания (государства арабского мира, имеющие дипломатические отношения с Израилем), положительно о плане Д. Трампа отозвалась Саудовская Аравия. В Европе инициатива Вашингтона также была встречена неоднозначно.

Верховный представитель Европейского союза по иностранным делам и политике безопасности Жозеп Боррель выразил сомнения, что данный план способен привести конфликтующие стороны за стол переговоров [1].

Тем не менее, можно сказать, что план, предложенный администрацией Д. Трампа, соответствовал той политической линии взаимодействия США и Израиля, которую выстраивал 45-й американский президент. Однако, Дональду Трампу, как и его предшественникам, не удалось добиться существенных сдвигов в вопросе урегулирования конфликта или добиться положительных изменений по его ключевым аспектам. Вместе с тем, 45-ому президенту США удалось успешно выступить в качестве посредника в налаживании отношений между Израилем и рядом арабских государств.

На сегодняшний день урегулирование палестино-израильского конфликта сохраняет свою крайнюю актуальность. Несмотря на попытки международного сообщества, и в частности, активное участие Соединенных Штатов в разрешении конфликта, так и не было предложено приемлемых для обеих сторон решений ключевых проблем, без которых невозможно закончить противостояние израильтян и палестинцев.

США на протяжении первой четверти текущего столетия выдвигали инициативы, нацеленные на способствование разрешения конфликта. Американские администрации выбирали различные подходы в данном вопросе, но тем не менее ни одна администрация так и не смогла выработать решения по ключевым аспектам противостояния на Ближнем Востоке и приблизить конфликтующие стороны к окончательному мирному соглашению. Возможно, что и расхождение национальных интересов США и Израиля в разные периоды времени, различное восприятие одних и тех же проблем, географическое расположение государств и разница в политическом весе также становятся барьерами в понимании текущей ситуации, актуальности проблем и, как следствие, в выработке необходимого для урегулирования конфликта плана. Можно предположить, что при сохранении текущих условий, следующие американские администрации продолжат участвовать в разрешении палестино-израильского конфликта и будут предлагать свои пути ликвидации противостояния между израильтянами и палестинцами, так как данный вопрос сохраняет свою актуальность.

Список источников и литературы

1. *Боррель сомневается, что "сделка века" Трампа приведет к возобновлению диалога* // ТАСС: Новости в России и мире. – URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/7738975> (дата обращения: 18.02.2022).
2. *Звягельская И. Д.* История Государства Израиль / И. Д. Звягельская. – Москва: Аспект Пресс, 2012. – 359 с.
3. *Карасова Т. А.* Израиль и США: Основные этапы становления стратегического партнерства (1948–2014) / Т. А. Карасова. – Москва: Издательство «Аспект Пресс», 2015. – 464 с.
4. *Перевозчикова В. А.* Перенос посольства США из Тель-Авива в Иерусалим в период президентства Дональда Трампа // Гуманитарные чтения в Политехническом университете. В 2 ч. Ч. 1: сборник трудов Всероссийской научно-практической конференции. – 2021. – С. 154–158.
5. *США наложили veto на резолюцию Совбеза по Иерусалиму* // Организация Объединенных Наций. – URL: <https://news.un.org/ru/story/2017/12/1320462> (дата обращения: 16.02.2022).

Перевозчикова Варвара Алексеевна – преподаватель кафедры истории и регионоведения, Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича (г. Санкт-Петербург, Россия), greenapple2509@mail.ru,

THE ROLE OF THE USA IN RESOLVING THE PALESTINIAN-ISRAELI CONFLICT IN THE 21ST CENTURY

Perevozchikova V. A.

The article examines the role of the United States in resolving the Palestinian-Israeli conflict during the presidential terms of George W. Bush, Barack Obama and Donald Trump. The paper analyzes the rhetoric of three US administrations regarding the confrontation between Israelis and Palestinians, the proposed ways to resolve the conflict, the results of the activities of the three US administrations in this area and differences in approach to resolving the issue.

Keywords: USA, Israel, Palestine, Palestinian-Israeli conflict, George W. Bush, Barack Obama, Donald Trump.

References

1. *Borrel' somnevaetsya, chto "sdelka veka" Trampa privedet k vozobnovleniyu dialoga* [Borrell doubts Trump's 'deal of the century' will lead to renewed dialogue]. TASS: Novosti v Rossii i mire. – URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/7738975> (accessed: 18.02.2022).
2. *Zvyagel'skaya I. D.* Istoriya Gosudarstva Izrail' [History of the State of Israel]. Moscow: Aspekt Press. 2012. 359 p. (In Russ.)
3. *Karasova T. A.* Izrail' i SSHA: Osnovnye etapy stanovleniya strategicheskogo partnerstva (1948–2014) [Israel and the USA: The main stages of the formation of a strategic partnership (1948–2014)]. Moscow: Izdatel'stvo «Aspekt Press». 2015. 464 p. (In Russ.)
4. *Perevozchikova V. A.* Perenos posol'stva SSHA iz Tel'-Aviva v Ierusalim v period prezidentstva Donal'da Trampa [Moving of the US Embassy from Tel Aviv to Jerusalem during Donald Trump's presidency]. Gumanitarnye chteniya v Politekhničeskome universitete. V 2 ch. CH. 1: sbornik trudov Vserossijskoj nauchno-praktičeskoj konferencii. 2021. P. 154–158. (In Russ.)
5. *SSHA nalozhili veto na rezolyuciyu Sovbeza po Ierusalimu* [US vetoes Security Council resolution on Jerusalem]. Organizaciya Ob"edinennyh Nacij [United Nations]. – URL: <https://news.un.org/ru/story/2017/12/1320462> (accessed: 16.02.2022).

Perevozchikova Varvara Alekseevna – lecturer, the St. Petersburg State University of Telecommunications prof. M. A. Bonch-Bruevich (St. Petersburg, Russia), greenapple2509@mail.ru

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ:

Перевозчикова, В. А. Роль США в урегулировании палестино-израильского конфликта в XXI в. / В. А. Перевозчикова // Социогуманитарные коммуникации. – 2022. – №2(2). – P. 21–25.

FOR CITATION:

Perevozchikova V. A. Rol' SSHA v uregulirovanii palestino-izrail'skogo konflikta v XXI v. [The role of the USA in resolving the Palestinian-Israeli conflict in the 21st century]. Socio-humanitarian communications [Sociogumanitarnye kommunikacii]. 2022. №2(2). P. 21–25.

УДК 94 (471.66): 321.019.5

ВОЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ В ЧЕЧНЕ В КОНЦЕ 1994 г. ГЛАЗАМИ РОССИЙСКОЙ ПЕЧАТИ

Тумаков Д. В.

Статья посвящена описанию первых недель чеченской войны 1994–1996 гг. в изложении крупнейших российских периодических изданий. Освещаются стычки между российскими войсками и чеченскими боевиками, а также повседневная жизнь в Грозном в это время. Уделено внимание морально-психологическому состоянию Вооруженных Сил России на чеченском фронте. Автором сделаны выводы о всестороннем подходе центральных масс-медиа к освещению военных действий, а также о сложных взаимоотношениях журналистов и российских военнослужащих. Итогом стало поражение федеральных войск в информационной войне.

Ключевые слова: Северный Кавказ, Чечня, первая чеченская война, Россия, боевые действия, пресса, сепаратизм, армия.

Вооруженное противостояние федерального Центра с отрядами чеченских сепаратистов в 1994–1996 гг., официальное именовавшееся «операцией по восстановлению конституционного порядка в Чеченской республике», а среди широкой общественности известное как «первая чеченская война», стало первым в отечественной истории конфликтом, получившим всемерное информационное освещение. Репортажи из мятежной Чечни в те годы выходили на первых полосах практически всех крупных периодических изданий России. Однако исследовательский интерес к операции в Чечне часто ограничивается боевыми действиями в Грозном, в то время как ввод Объединенной группировки войск (ОГВ) в республику и первые стычки российских военных с незаконными вооруженными формированиями (НВФ) зачастую игнорируются. Именно этому аспекту чеченской проблематики и посвящено настоящее исследование.

Корреспонденты ведущих российских и мировых СМИ впервые массово прибыли в Чечню именно в конце 1994 г., после неудачной силовой попытки местной оппозиции при поддержке Центра свергнуть режим генерала Д. М. Дудаева. Хотя аэропорт Грозного уже не принимал самолеты, представители прессы могли сравнительно легко попасть в новую «горячую точку» через соседние республики Северного Кавказа [22, с. 7; 23]. Оставленные ими описания жизни в городе выглядели глубоко трагичными. Журналисту польского издания *Życie Warszawy* Я. Ружджинскому Грозный напомнил «страшный, догорающий город из научно-фантастического романа» [31, с. 8]. В том же ключе из Чечни писали в те дни и многие российские журналисты. В частности, неза-

долго до ввода в республику федеральных войск агентство «Интерфакс» передавало, что в результате военных действий 26 ноября в Грозном перестало функционировать центральное отопление. Во многих кварталах города исчезло горячее и холодное водоснабжение, возникли трудности с подачей газа и электричества в жилые дома. Даже в президентском дворце выбитые окна пытались закрыть целлофановой пленкой, слабо защищавшей от холода. При этом вода из поврежденных водопроводных труб вылилась на улицы и замерзла, что создавало серьезные препятствия для движения автотранспорта [35].

О крахе коммунальных служб и инфраструктуры Грозного в конце 1994 г. сообщали и другие печатные источники. Специальный корреспондент столичной газеты «Труд» В. Натыкин утверждал, что к концу первой декады декабря чеченская столица была завалена черным снегом, который в течение длительного времени не убирался. Из-за отсутствия электроэнергии и обледенения рельсов в Грозном перестали работать трамваи, некоторые многоэтажные дома на въезде в город были повреждены снарядами во время боев, а средние общеобразовательные школы полностью перестали работать [24]. О городских дорогах, похожих на ледовые каменоломни, и «промерзших» коридорах президентского дворца в Грозном писал в те дни и корреспондент еженедельного журнала «Новое время» В. П. Дубнов [12, с. 11].

После ввода в Чечню федеральных сил 11 декабря 1994 г. положение в Грозном, который быстро стал прифронтовым городом, продолжало ухудшаться. Посетивший чеченскую столицу 22–24 декабря фотокорреспондент агентства ИТАР-ТАСС А. Морковкин

утверждал, что в четырехэтажной гостинице «Грознефти» в те дни жили только он и его коллега А. Е. Немёнов. В городе по-прежнему не работали жизненно важные коммуникации, а температура в помещении не превышала –3 градуса по Цельсию, поэтому спать им приходилось в верхней одежде. Для освещения использовались керосиновые лампы. Помимо холода и других бытовых неудобств, отдых журналистов мешали частые бомбардировки города со стороны ВВС России. Их результаты Морковкин и Немёнов лично видели во 2-м микрорайоне Грозного, где ракетными ударами были уничтожены многоэтажные жилые дома и свыше 10 легковых автомашин. В центре города, по утверждению Морковкина, «полыхал целый квартал», то есть здания госбанка, универмага «Детский мир» и два жилых дома. При этом у местных пожарных быстро закончилась вода, потому потушить огонь они не смогли [22, с. 8]. Российская штурмовая авиация атаковала с недостижимой для ПВО сепаратистов высоты и не имела потерь.

Об общем числе жертв среди гражданского населения столицы Чечни автор публикации в журнале «Эхо планеты» не знал, но упомянул факт гибели фоторепортера из США С. Эльбаум и утверждал о гибели за время чеченской операции в общей сложности 3 и ранении 5 представителей прессы [22, с. 9]. Похожие оценки обстановки в городе присутствовали и в статье журналиста столичного журнала «Огонек» В. Персиянова. По его данным, 21 декабря авиация ОГВ сбросила восемь бомб в районе Нефтяного института Грозного, в результате чего погибли 15 мирных жителей города, а на следующий день во время «беспорядочной бомбардировки» микрорайона Минутка по ошибке были уничтожены жилой дом и не менее восьми легковых автомашин. Боевики при этом понесли минимальные потери. Виновниками жертв среди гражданского населения он считал дудаевцев, размещавших зенитные орудия на крышах жилых домов и стрелявших оттуда по российским самолетам [28, с. 7]. Находившийся в столице Чечни корреспондент «Комсомольской правды» А. Евтушенко также утверждал об интенсивных авиаударах по Грозному: лишь в ночь на 22 декабря в течение двух часов на город было сброшено до 60 бомб [14].

Примечательно, что подобные характеристики СМИ полностью разделялись непосредственными очевидцами событий из числа представителей тогдашней российской политической элиты. Так, депутат Государствен-

ной думы РФ от фракции «ЯБЛОКО» В. В. Борщёв в телефонном интервью «Литературной газете» из Грозного утверждал о массовой воздушной бомбардировке чеченской столицы 22 декабря. Ракетно-бомбовые удары по городу наносились через каждые 5–10 минут, позднее на перекрестке улицы Горина и проспекта Кирова народный избранник насчитал свыше 70 полностью или частично разрушенных жилых домов, 10 уничтоженных автомобилей и 12 погибших мирных жителей. Еще 8 человек, получивших ранения во время налета авиации, позднее скончались в местной больнице, среди них были дети. Борщёв полагал целью атак ВВС России те районы Грозного, где ранее располагались военные казармы, однако утверждал, что эти здания уже давно пустовали [7].

В аналогичной беседе с редакцией столичной газеты «Труд» находившийся в Грозном Уполномоченный по правам человека в РФ, председатель Комиссии по правам человека при Президенте РФ С. А. Ковалёв опровергал информацию командования ОГВ об уничтожении укреплений и бронетехники сепаратистов и утверждал о постоянных бомбардировках жилых кварталов города российской авиацией. В частности, в ночь на 20 декабря при воздушной атаке на здание Департамента государственной безопасности непризнанной Ичкерии пострадали также Нефтяной институт и 20 жилых домов, расположенные поблизости. По данным Ковалёва, с 26 ноября по 19 декабря в столице Чечни и ее пригородах погибли в общей сложности 42 и были ранены 352 человека. При этом, как считал он, в действительности число жертв могло быть значительно больше, поскольку мусульмане-чеченцы хоронили погибших быстро, без доставки тел в морг [17]. Депутат Государственной Думы от фракции КПРФ Л. Н. Петровский также заявил, что за трое суток пребывания в Грозном видел только трупы гражданских лиц, а не боевиков. Его коллега из фракции «Выбор России» М. М. Молоствов по степени трагизма даже сравнивал налеты на столицу Чечни с бомбардировками советских городов нацистами в годы Великой Отечественной войны, но полагал, что нередкие ошибки российских летчиков не были преднамеренными, а объяснялись сильным туманом и плохой видимостью [17].

Масс-медиа освещали и сам ход боевых действий на подступах к Грозному. Иностранные издания стремились при этом подчеркнуть явное превосходство российской

стороны в живой силе и технике. 15 декабря 1994 г. на первой странице номера столичных «Известий» была опубликована фотография репортера агентства Reuters Ш. Рэмзи, героями которой были два чеченца в гражданской одежде и с ручными гранатами, которые пытались переждать артиллерийский обстрел российской армии под бетонным перекрытием моста по дороге на Грозный, чтобы затем вступить в бой с военными. Газета сообщала, что это событие имело место 13 декабря в 5 км от административной границы Чечни. Вышеупомянутый польский журналист Я. Руждзинский при сопоставлении военного потенциала обеих сторон писал о бесконечных колоннах техники ОГВ и вооруженных чем попало чеченцах [32, с. 38–39], сделав вывод о том, что российская армия обладает 10-кратным перевесом в живой силе [31, с. 9]. Но сепаратисты оказали серьезное противодействие федеральным силам. Работавшие в Грозном корреспонденты ведущих зарубежных изданий сообщали о тяжелых боях с применением стрелкового оружия, танков, артиллерии и авиации у станиц Первомайская и Ассиновская, селения Давыденко и райцентра Ачхой-Мартан, а также об атаках вертолетов ОГВ на станицу Серноводскую или на отдельные машины на дорогах республики. Иногда из автомобилей или кабин тракторов сепаратисты вели ответный огонь по авиации федеральных сил из пулеметов [16, с. 292–293; 31, с. 9].

Российские журналисты в декабре 1994 г. также были свидетелями активных боевых действий в западных районах мятежной республики, причем чаще они находились на позициях сепаратистов, которых в публикациях того времени обычно именовали «ополченцами». Так, специальный корреспондент «Известий» Н. Гритчин в репортаже с чеченского поста у села Алхан-Юрт сообщал о звуках близкой артиллерийской канонады, а также об обстрелах федеральной автотрассы Ростов-Баку и леса у села Шаами-юрт российской авиацией и САУ. Из его подробной статьи следовало, что большую часть воюющих чеченцев составляют не кадровые военные, а обычные мирные жители, взявшиеся за оружие после ввода федеральных войск на территорию республики. Местные активисты создавали вооруженный отряд и дежурили на окраинах населенных пунктов, а односельчанки регулярно обеспечивали их горячей пищей на позиции. Уроженцев других сел Чечни в таких группах было мало [9]. Упомянутый выше журналист ИТАР-ТАСС

Морковкин 23 декабря 1994 г. тоже был свидетелем столкновения сепаратистов с войсками у города Аргун и снимал, как раненых и тела погибших боевиков выносят из-под танкового обстрела и вывозят на попутных автомобилях. Водители редко отказывали боевикам в подобных просьбах [22, с. 8].

Как и их иностранные коллеги, многие журналисты центральных СМИ подробно описывали эклектичное и подчас раритетное вооружение противников российской армии. К примеру, житель селения Закан-Юрт С. А. Сулейманов продемонстрировал корреспонденту Гритчину знаменитую винтовку-трехлинейку, которую его дед якобы добыл в бою еще в 1917 г. [9]. В другом репортаже тот же автор утверждал, что около половины взрослых бойцов, прибывших из сельской местности на защиту Грозного, совсем не имели оружия, а другие были оснащены не только современным стрелковым вооружением, но и самодельными автоматами, охотничьими двустволками и карабинами. Неудивительно, что разъяренная толпа сторонников Д. М. Дудаева в декабре 1994 г. безуспешно требовала от силовых структур самопровозглашенной Ичкерии выдать им настоящее боевое оружие [8]. Любопытно, что даже незадолго до штурма Грозного, по данным из чеченских источников, некоторые из сепаратистов использовали в столкновениях с российскими военными антикварные винтовки Маузера [23]. При этом приобретение оружия в осажденном городе не представляло сложности: как передавали журналисты «Известий», на уличных рынках граната Ф-1 стоила 30 тысяч рублей, цена на автомат Калашникова колебалась в пределах 500–600 тысяч, а стоимость гранатомета доходила до 1 млн рублей [23].

В Грозном и Ачхой-Мартане среди боевиков представителями масс-медиа были замечены даже чеченские подростки 12–14 лет, чье вооружение состояло из бутылок с зажигательной смесью. Как передавал фотокорреспондент Морковкин, больше всего они мечтали получить автомат [22, с. 8]. Как правило, эти люди не участвовали в бою, а лишь подносили патроны взрослым боевикам [8]. Журналист «Труда» Натякин писал также, что чеченские мальчишки ставили противотанковые мины в подворотнях улиц, от них через дорогу протягивали проволоку. Когда танки ОГВ подъезжали ближе, несовершеннолетние боевики подтаскивали мину под гусеницы и подрывали ее [24]. Все эти факты

демонстрировали единство чеченцев перед лицом военной угрозы со стороны Центра.

Уже в первых столкновениях с регулярной армией сепаратисты понесли заметный урон. Как писал Гритчин, «хирурги грозненского госпиталя работают не покладая рук»: всего за полчаса его пребывания в данном лечебном учреждении туда привезли 6 раненых из станицы Первомайская. Среди пострадавших оказались его коллеги с республиканского телевидения Г. Часыгов и А. Межидов. Все они попали под ракетный обстрел российской штурмовой авиации в тот момент, когда привезли продовольствие и медикаменты жителям полуразрушенной в ходе боев станицы [9]. Его утверждение о больших потерях НВФ вполне согласуется со свидетельствами российских военных, сражавшихся в Чечне. Так, Герой России полковник Р. М. Клупов вспоминал, что в бою у населенного пункта Первомайское у подножия Терского хребта его рота разгромила чеченский отряд из 100 бойцов, усиленный танками и противотанковыми орудиями. У военных получил ранение один человек, а один танк был поврежден, но позднее отремонтирован и возвращен в строй. Потери сепаратистов оказались намного выше. Хотя точных данных в воспоминаниях Клупова не приводится, по словам офицера, «боевики, кто смог, разбежались, а кто не смог – так и остались там, где их настиг смертоносный металл». Также в бою были подбиты танк и два орудия НВФ [11]. Примечательно, что и квалификацию противника Клупов оценил низко, так как дудаевский отряд прибыл на грузовом автотранспорте и разгружался на виду у бойцов 131-й Майкопской бригады. В такой ситуации, как вспоминал мемуарист, военнослужащим «даже стрелять было как-то совестно – как будто по безоружным» [11].

В условиях столь явного технического превосходства федеральных сил аргументами чеченцев могли стать лишь отчаянная решимость и высокий боевой дух. О проявлениях ими этих качеств часто писали «Известия». Так, полевой командир И. Асхабов, чей отряд занимал позиции у въезда в Грозный, утверждал, что готов не только остановить, но и уничтожить российские танковые колонны у столицы республики, а боевик С.-М. Дубаев из Алхан-Юрта утверждал, что «встретит смерть как невесту» [9]. Пополнению рядов сепаратистов способствовали частые ошибки федеральных сил, приводившие к жертвам и пострадавшим среди гражданского населения республики. Так, получивший ранение в плечо при обстреле его автомобиля с верто-

лета заведующий мастерской госхоза имени XX партсъезда Р. Газимагоматов обещал журналисту «Известий», что после выздоровления обязательно вступит «в ряды защитников Грозного» [10]. Аналогичное желание высказал водитель И. Хазаев, лишившийся левой руки в результате ошибочного обстрела российских войск [13]. Их примеры оказались далеко не единственными: вечером 17 декабря специальный корреспондент «Известий» наблюдал в столице республики «бесконечную вереницу машин с вооруженными людьми», то есть приехавшими на защиту города жителями чеченских селений [10].

Публикации из мест дислокации федеральных сил также встречались на страницах крупнейших столичных СМИ. Авторами таких репортажей чаще выступали военные журналисты, однако их тональность тоже была тревожной. В частности, журналисты «Известий» Н. В. Бурбыга и В. Б. Белых, проделавшие вместе с колонной бронетехники федеральных сил долгий путь по Надтеречному району Чечни, сообщали, что реакция местного населения на их появление оказалась весьма противоречивой. При этом напомним, что речь шла о наиболее лояльном по отношению к федеральному Центру регионе мятежной республики. На гребне Терского хребта корреспонденты наблюдали базовый лагерь ВВ МВД РФ, в котором под охраной бронетехники располагались десятки бензовозов, грузовиков с различными припасами и ремонтных «летучек». Неподалеку располагалась цепь САУ, державших под прицелом пригороды Грозного. На передовых позициях ОГВ соблюдалась жесткая светомаскировка: солдатам было запрещено разводить костры, включать фары машин или пользоваться фонарями. В боевом охранении одновременно находились примерно две трети бойцов, отражавших регулярные нападения дудаевцев. Чтобы не попасть под обстрел противника, военные даже в условиях холода и бытовых неудобств не ставили палаток, ночевали в авто- и бронетехнике и часто меняли место расположения. Несмотря на это, ВВ не испытывали серьезных продовольственных трудностей [5].

Кроме описания жизни тыловых частей, военные корреспонденты давали подробный рассказ и о действиях авангарда федеральных сил. Несмотря на мороз и обстрел реактивной артиллерии сепаратистов, по пояс в ледяной воде, войска под командованием начальника инженерных войск СКВО генерал-майора С. А. Тертышникова смогли

быстро построить понтонную переправу через Терек. Прежний мост боевики успели взорвать, но ВВ МВД после форсирования реки создали плацдарм у станицы Червленая. Как утверждали Бурбыга и Белых, позиции оперативно-тактической группы сил МВД были усилены бронетехникой и зенитными установками, за короткое время созданы огневые точки, ходы сообщения, блиндажи, окопы в полный рост и даже минные поля [5]. Подобные факты лишь укрепляли читателей и подписчиков «Известий» в том, что в Чечне идет полномасштабная война, а не полицейская акция по восстановлению правопорядка и законности.

Еще более значимым аргументом в пользу такого восприятия операции на Северном Кавказе мог служить приведенный в статье рассказ командира ВВ МВД о провале диалога с местными старейшинами и ночной атаке крупного отряда боевиков. По словам российского офицера, противник прибыл на автотранспорте и атаковал позиции военных в течение трех часов, причем решающую роль в отражении нападения сыграла артиллерия. Однако и в последующие ночи чеченцы регулярно обстреливали плацдарм и пытались его уничтожить [5]. Очень точно тактику действий НВФ в беседе с московским журналистом объяснил чеченец Ш. Бисултанов – пенсионер-инвалид, отец пяти детей, чей старший сын сражался на передовой: «Ночь для нас (боевиков – *Авт.*) самое удобное время действовать. С вертолета нас не заметят и не расстреляют. Поэтому с наступлением темноты окрестные поля заполняются бойцами, которые направляются к российским позициям» [9]. Офицеры ОГВ также всерьез опасались мести чеченцев своим родным, поскольку о телефонных угрозах такого рода, равно как и о распространенных в Чечне слухах о подготовке новой депортации или массовых изнасилованиях местных женщин военными, писали ведущие столичные издания. Дудаевская пропаганда активно высказывала подобные мысли [3].

Важным аспектом в публикациях центральных СМИ из Чечни в декабре 1994 г. был анализ морально-психологического состояния Вооруженных Сил РФ, составлявших ядро ОГВ. Это было неудивительно, так как первые столкновения с сепаратистами привели к существенным потерям федеральных войск. Для получения информации журналисты пытались интервьюировать как самих военных, так и всех ответственных лиц, побывавших в зоне «операции по восстановлению конституционной законности». Например,

председатель Комитета по организации работы Государственной Думы, член фракции «Выбор России» В. А. Бауэр в интервью «Литературной газете» высказал убежденность, что военнослужащие ОГВ, равно как и представители властных органов или мирное население Северного Кавказа, выступают «исключительно за мирное разрешение проблемы, за использование до конца возможностей переговоров». Депутат полагал также, что армия не понимает целей силовой операции в Чечне, так как отрезана от объективной информации о положении дел. Такое стало возможным в силу того, что институт политических работников в Вооруженных Силах РФ уже был ликвидирован, а командиры не могли внятно объяснить солдатам причину их пребывания на Северном Кавказе. В силу этого, заключал Бауэр, были возможны рост социальных аномалий в армейских рядах или насилия по отношению к гражданскому населению Чечни со стороны военных [33].

К аналогичному выводу после беседы с вернувшимися из новой «горячей точки» российскими авиаторами пришел и известный военный журналист О. М. Блоцкий. Диалог произошел вечером 24 декабря в буфете гостиницы Ростова-на-Дону. Анонимные вертолетчики утверждали, что обстановка в Чечне сложнее, чем в Афганистане, так как «не поймешь, где свои, где чужие». Позицию местного населения они охарактеризовали лаконичной фразой «днем друзья, а ночью стреляют». Военные единодушно считали, что их противник воюет нечестно, в частности, прикрывается мирными жителями республики или создает огневые точки в населенных пунктах, у жилых домов и школ. В силу этого армия не могла полностью использовать огневую мощь против дудаевцев и несла неоправданные потери. Как утверждали собеседники Блоцкого, за пять дней военных действий были потеряны 2 экипажа, поэтому пилоты были противниками операции в Чечне и считали, что она затянется. Идентичной точки зрения придерживались и российские мотострелки, встреченные им на базе федеральных войск в Моздоке [4]. Специальный корреспондент «Комсомольской правды» А. Хохлов, тесно общавшийся с офицерами группировки ВДВ и ВВ МВД РФ на Северном Кавказе, также утверждал, что его собеседники выступают против сугубо военных методов решения чеченского кризиса. При этом они единогласно поддерживали официальный тезис о территориальном единстве страны, опасаясь, что, в случае отделения

Чечни, аналогичные тенденции могут возникнуть и в остальных национальных республиках, но отдавали приоритет диалогу с Дудаевым [36].

Журналисты центральных масс-медиа, не имевшие возможности общаться с участниками чеченской операции непосредственно на фронте, прибегали к телефонной связи с базой ОГВ в Моздоке. Такого рода опросы были достаточно информативны. Анонимный офицер-танкист в беседе с обозревателем популярного еженедельника «Аргументы и факты» А. Прасоловым утверждал, что «армию в очередной раз подставляют, чтобы прикрыть грехи политиков», поэтому охарактеризовал моральное состояние войск в Чечне как подавленное. Главной причиной столь неутешительного положения являлась резко враждебная реакция на ввод федеральных сил со стороны значительной части населения республики. Как следствие, российский офицер предупреждал о возможных в скором будущем кровавых эксцессах во взаимоотношениях армии с простыми чеченцами, так как войска «огнем будут поливать все, что движется». По его информации, военнослужащие не ремонтировали вышедшую из строя или подбитую технику, а лишь оттащивали ее на обочину дорог. Более того, танкист считал, что командование группировки даже не решится на штурм Грозного, поскольку в его распоряжении находятся малочисленные подразделения разных министерств и ведомств, взаимодействие между которыми налажено слабо [29].

В другом репортаже того же периодического издания критиковалась «подкупающая спартанская простота», то есть крайне неблагоустроенный быт ОГВ в Чечне. Хотя армия располагала в общей сложности 58 походными лагерями (брезентовые утепленные палатки, помещения для складирования военного имущества, боеприпасов и т. д.), на территории мятежной республики таких было мало. В силу этого российские солдаты, как писал со ссылкой на «утверждения информированных военных» обозреватель «АиФ», были вынуждены ночевать в пустующих зданиях, вырытых землянках или бронетехнике, а также договаривались о постое с местной администрацией. Провизией и медикаментами бойцы были обеспечены по обычному штату, в расчете на месяц. Питание по высшему разряду получали пилоты, которым полагались к выдаче даже молоко и шоколад, затем шли подразделения Воздушно-десантных и

Сухопутных войск, а хуже всех снабжались части ВВ МВД России [30].

Такая ситуация не способствовала росту боевого духа ОГВ, поэтому автор статьи не скрывал, что единственным мотивом российских военнослужащих могли стать крупные финансовые выплаты. По неофициальным данным, ежемесячная зарплата армейского офицера в новой «горячей точке» достигала 1 млн рублей, солдата контрактной службы – от 500 до 600 тысяч, а у «срочника» не превышала 100 тысяч. К успехам военного ведомства при организации операции в Чечне журналист Прасолов отнес хорошее снабжение ОГВ боеприпасами, переброшенными из тыловых округов [30]. Другой известный военный обозреватель, многолетний ведущий телепередачи «Аты-баты» И. Серебряков, на страницах «АиФ» выражал удивление тем, «как быстро и четко Павел Грачев сумел собрать вокруг Чечни так много войск» [29]. В Моздоке в те дни был развернут большой военный лагерь, где располагались сведенные в единый центр 4 командных пункта, госпиталь более чем на 100 коек с двумя операционными и склады [30].

Об антивоенном настроении населения приграничных с мятежной Чечней районов Ставропольского края, Дагестана, Северной Осетии и Ингушетии сообщала специальный корреспондент «Литературной газеты» Л. И. Леонтьева. Накануне нового 1995 г. она обвиняла российские власти в сокрытии информации о жертвах среди военнослужащих и мирного населения, при этом называя имена погибших в первые дни операции в Чечне двух бойцов 21-й Ставропольской воздушно-десантной бригады. Хотя стычки ОГВ с дудаевскими боевиками происходили ежедневно, журналистка все еще надеялась на политическое урегулирование кризиса, так как видела «небывалый по масштабу, пропитавший все слои общества антивоенный настрой» [21]. В подтверждение своих слов Леонтьева приводила собственные наблюдения о тяжелом морально-психологическом состоянии армии, неприязни младших офицеров и рядовых солдат к командованию группировки и военно-политическому руководству России. Писала она и о серьезном антивоенном протесте многонационального населения дагестанского райцентра Хасавюрт, жители которого выстроились в цепь вдоль автотрассы с плакатом «Россия, помнись!» [21].

Наиболее последовательными противниками военного решения конфликта в Чечне, как следовало из публикаций СМИ,

стали жители родственной ей Ингушетии. Специальный корреспондент «Труда» Ф. Емченко, побывавший в республике накануне начала военных действий, упоминал о тревожной обстановке и антироссийских настроениях среди ее жителей. Ингуши обвиняли федеральный Центр в помощи осетинам во время вспышки межэтнического конфликта осени 1992 г., упрекали его в тяжелых условиях жизни беженцев из Пригородного района и напоминали о трагической депортации вайнахов в 1944 г. Население райцентра Карабулак 9-10 декабря из-за предчувствия скорого ввода федеральных сил в Чечню было крайне возбуждено и даже вечером не желало расходиться по домам. Делегаты Съезда репрессированных народов Кавказа в Назрани не только критиковали Центр в невыполнении закона 1991 г. «О реабилитации репрессированных народов», но и выражали надежду на политическое урегулирование взаимоотношений между Москвой и официальным Грозным. Даже женщины в общении с журналистом столичной газеты обещали «вместе с детьми лечь под гусеницы» танков ОГВ и не пустить военных в Чечню «убивать наших братьев». В целом Ингушетия напомнила Емченко растревоженный улей: на главных дорогах были заготовлены бетонные блоки для перекрытия движения на Грозный, дежурили патрули из местных жителей. Словно в подтверждение готовности ингушей стоять до конца, невзирая на человеческие жертвы, корреспондент писал о захоронении на кладбище близ Назрани до 300 их соплеменников – жертв осетино-ингушского конфликта [15].

Тем не менее, 11 декабря российские войска выдвинулись в Чечню с запада именно через территорию Ингушетии, где столкнулись с яростным противодействием жителей. В репортаже «Литературной газеты» специальный корреспондент Леонтьева утверждала, что «видела беспощадную, тяжелую поступь войны», в результате которой еще на подступах к Чечне российская армия понесла существенные потери. В течение 11-12 декабря народная толпа сдерживала продвижение танковых колонн ОГВ на федеральной автотрассе Ростов-Баку. Корреспондент обвиняла федеральную армию в неспровоцированной стрельбе по безоружным жителям Ингушетии с применением ракетно-артиллерийского вооружения, в результате чего имели место человеческие жертвы, разрушения жилого сектора и культурных сооружений в селах [20]. Оговоримся, что ее точку зрения не разделяли непосред-

ственные очевидцы событий из числа российских военных различного ранга. Уже названный в репортаже «АиФ» офицер-танкист со ссылкой на сослуживцев однозначно утверждал, что ингуши стреляли в бойцов ОГВ и сожгли несколько машин [28]. О массовом, хотя и не вооруженном, сопротивлении населения Ингушетии, включая женщин и подростков, спустя четверть века вспоминал и рядовой 693-го гвардейского мотострелкового полка В. Лошаков [18, с. 18–22]. Только по официальным данным, в Ингушетии «в результате бесчинства местного населения» было полностью или частично утрачено 68 единиц вооружения и военной техники [2, с. 97].

Тем не менее, после начала операции в Чечне к кавказской политике Кремля были критично настроены даже представители номенклатуры Ингушетии. Так, бывший председатель народного суда Сунженского района П. Модебадзе в беседе с Леонтьевой обвинял командование ОГВ в «полнейшей бездарности» из-за утраты большого количества боевой техники на территории Ингушетии. Оговоримся, что этот человек в целом поддерживал решение Президента РФ о наведении правопорядка в Чечне, но критиковал армию за его неудачное исполнение. По мнению Модебадзе, ингуши оценивали действия военных не иначе как «российскую акцию устрашения». Для политических реалий середины 1990-х гг. было весьма показательным, что некоторые ингушские чиновники в интервью с корреспондентом «Литературки» назвали силовые действия демократически избранных властей новой России на Северном Кавказе «типичным большевистским разрешением проблемы» [20].

Подводя итог, отметим, что операция в Чечне в декабре 1994 г. довольно подробно и в основном информативно освещалась в российской центральной печати. Журналисты ежедневно сообщали о ходе боевых действий, причем имея возможность для работы по обе стороны фронта, рассказывали о трагедии мирного населения республики, а также предоставляли возможность для выражения собственной точки зрения как российским военным, так и чеченским боевикам. В репортажах с Кавказа крупнейшие центральные СМИ в целом старались избегать оценочных суждений, но их взаимоотношения с двумя сторонами конфликта в это время складывались по-разному. Сепаратисты разрешали московским журналистам свободно перемещаться по всей территории Чечни, оперативно передавали свежую ин-

формацию с места боев, подсказывали безопасную дорогу до того или иного населенного пункта, а в личном общении не скрывали своих имен, фамилий и даже места жительства [10; 26]. В результате из публикаций крупнейших столичных газет и журналов складывалось ощущение начала новой Кавказской войны. Добавим к этому, что в 1994 г. в глазах не только СМИ, но и основной массы российских военнослужащих чеченские боевики выглядели еще не врагами, а обманутыми соотечественниками и не вызывали ненависти [34, с. 596].

В то же время федеральные силовики в публикациях российской прессы практически всегда были анонимны. Военные не только редко делились со СМИ важными сведениями или категорически запрещали беседовать с врачами или ранеными в госпиталях и фотографировать различные объекты, но даже ксерокопировали написанные журналистами тексты и регулярно обвиняли их в сознательном завышении военных потерь [25, 37]. Корреспонденты ряда крупных столичных изданий находились на базе в Моздоке и тщетно ожидали попадания на передовую, исключение для них делало лишь командование ВВ [6, 25]. В итоге на первых

полосах некоторых масс-медиа прозвучали обвинения в том, что «нам то и дело не дают сказать правду» [26], адресованные федеральной армии, или предположения, что военно-политическое руководство России хочет «гнуть журналистов в бараний рог и гнать отовсюду» [27]. Российский военный журналист полковник Г. Т. Алёхин позднее объяснял данные факты «тенденцией негативного отношения к армии» в некоторых изданиях и утратой доверия к прессе в целом со стороны генералитета и офицерства [1, с. 122].

Итогом таких взаимоотношений журналистов и печати стало поражение федерального Центра в информационном противостоянии с чеченскими сепаратистами, которое министр внутренних дел РФ генерал армии А. С. Куликов в августе 1996 г. охарактеризовал печально известной фразой о том, что «чеченец Мовлади Удугов в одиночку переиграл весь пропагандистский аппарат Российской Федерации» [19, с. 292]. Фундамент этой неудачи был заложен именно в первые недели боевых действий в Чечне, когда в глазах общественности сепаратисты казались защитниками родной земли, а сама операция – странной войной с непонятными целями [23].

Список источников и литературы

1. Алёхин, Г. Т. По ту сторону чеченской войны / Г. Т. Алёхин. – Москва: Вече, 2017. – 304 с.
2. Асташкин, Н. С. По волчьему следу. Хроники чеченских войн / Н. С. Асташкин. – Москва: Вече, 2005. – 416 с.
3. Белых, В. Войскам мешают боевики и плохая погода / В. Белых, Н. Бурбыга // Известия. – 1994. – 21 декабря.
4. Блоцкий, О. На войне как на войне / О. Блоцкий. // Литературная газета. – 1994. – 28 декабря.
5. Бурбыга, Н., Белых, В. Грозный в танковых прицелах / Н. Бурбыга, В. Белых. // Известия. – 1994. – 20 декабря.
6. Веленгурин, В. Идет чеченская война / В. Веленгурин, Д. Бабич. // Комсомольская правда. – 1994. – 16–19 декабря.
7. 80-летняя старушка как стратегический объект // Литературная газета. – 1994. – 28 декабря.
8. Гритчин, Н. Грозный собирает все, что может стрелять и взрываться / Н. Гритчин. // Известия. – 1994. – 15 декабря.
9. Гритчин, Н. Грозное небо / Н. Гритчин. // Известия. – 1994. – 16 декабря.
10. Гритчин, Н. Когда истекал срок ультиматума / Н. Гритчин // Известия. – 1994. – 20 декабря.
11. Грозный. Новогодний штурм от первого лица // Новая газета. – 2022. – 12 января.
12. Дубнов, В. Цену мира спроси у пленных... / В. Дубнов // Новое время. – 1994. - № 50. С. 11.
13. Евтушенко, А. Последние надежды раздавлены танками / А. Евтушенко // Комсомольская правда. – 1994. – 20 декабря.
14. Евтушенко, А. Бомбежка Грозного: прелюдия к штурму? / А. Евтушенко // Комсомольская правда. – 1994. – 23–26 декабря.
15. Емченко, Ф. Ждали третий день... / Ф. Емченко // Труд. – 1994. – 14 декабря.
16. Зарахович, Ю. Чеченская война глазами журналистов американских изданий (1993–1996 гг.) / Ю. Зарахович // Чечня и Россия: общества и государства. – Москва: «Полинформ-Талбури», 1999. – С. 290–307.

17. Карпов, Б. Кровавая жатва войны / Б. Карпов // Труд. – 1994. – 22 декабря.
18. Коршунов, О. Черный снег Грозного. Ч. 1. / О. Коршунов. – Москва: Филинь, 2020. – 267 с.
19. Куликов, А. С. Тяжелые звезды / А. С. Куликов. – Москва: Изд. «Война и мир букс», 2002. – 568 с.
20. Леонтьева, Л. Когда у соседей война / Л. Леонтьева // Литературная газета. – 1994. – 21 декабря.
21. Леонтьева, Л. Под бомбами. / Л. Леонтьева // Литературная газета. – 1994. – 28 декабря.
22. Морковкин, А. Лицо войны / А. Морковкин // Эхо планеты. – 1995. - № 3. С. 7–10.
23. Мостовщиков, С. Странная война / С. Мостовщиков, А. Желудков // Известия. – 1994. – 27 декабря.
24. Натыкин, В. Здесь воюют даже мальчишки / В. Натыкин // Труд. – 1994. – 14 декабря.
25. Натыкин, В. Кровавые всходы / В. Натыкин // Труд. – 1994. – 16 декабря.
26. Натыкин, В. От журналистов отбивались, как умели / В. Натыкин // Труд. – 1994. – 20 декабря.
27. Павлов, А. Лишь новогоднее чудо может остановить эту войну / А. Павлов // Комсомольская правда. – 1994. – 28 декабря.
28. Персиянов, В. Свидетельские показания / В. Персиянов // Огонек. – 1994. – № 50–51. – С. 7.
29. Прасолов, А. Чечня: интервью из танка / А. Прасолов // Аргументы и факты. – 1994. – № 50.
30. Прасолов, А. Быт солдата / А. Прасолов // Аргументы и факты. – 1994. – № 51.
31. Руждзинский, Я. Раз увидеть... / Я. Руждзинский // Новое время. – 1994. – № 51. – С. 8–10.
32. Руждзинский, Я. Тост зоотехника / Я. Руждзинский // Новая Польша. – 2013. – № 1. – С. 36–40.
33. Солдаты не знали, зачем их послали в Чечню – считает председатель Комитета по организации работы Госдумы Владимир Бауэр, побывавший в Чечне и Ингушетии во главе думской наблюдательной комиссии // Литературная газета. – 1994. – 21 декабря.
34. Тумаков, Д. В. Начало первой чеченской войны 1994–1996 гг. в освещении российской официальной печати / Д. В. Тумаков. // Исторический путь России: из прошлого в будущее: материалы международной научной конференции: в 3 т. Санкт-Петербург, 2 апреля 2021 года / под ред. С. И. Бугашева, А. С. Минина. Т. 1. – Санкт-Петербург: ФГБОУВО «СПбГУПТД», 2021. – С. 592–600.
35. Холодное эхо бомбежек // Труд. – 1994. – 8 декабря.
36. Хохлов, А. Истину знают танки? / А. Хохлов // Комсомольская правда. – 1994. – 14 декабря.
37. Яков, В. Большие маневры анонимных полководцев / В. Яков // Известия. – 1994. – 16 декабря.

Тумаков Денис Васильевич – к.и.н., доцент кафедры истории и философии, Ярославский государственный медицинский университет (г. Ярославль, Россия), denistumakov@yandex.ru

MILITARY OPERATIONS IN CHECHNYA AT THE END OF 1994 THROUGH THE EYES OF THE RUSSIAN PRESS

Tumakov D. V.

The article is devoted to the description of the first weeks of the Chechen war in 1994–1996, in the presentation of the largest Russian periodicals. It covers clashes between Russian troops and Chechen militants, as well as everyday life in Grozny at this time. Attention is paid to the moral and psychological state of the Armed Forces of Russia on the Chechen front. The author draws conclusions about the comprehensive approach of the central media to the coverage of military operations, as well as about the complex relationship between journalists and Russian military personnel. The result was the defeat of federal troops in the information war.

Keywords: Northern Caucasus, Chechnya, the First Chechen campaign, Russia, war, press, separatism, army.

References

1. *Alyokhin, G. T.* Po tu storonu chechenskoj vojny [Beyond the Chechen War]. Moscow: Veche, 2017. 304 p. (In Russ.)
2. *Astashkin, N. S.* Po volchyemu sledu. Khroniki chechenskyh vojn [On the wolf trail. Chronicles of the Chechen Wars]. Moscow: Veche, 2005. 416 p. (In Russ.)
3. *Belykh, V., Burbyga, N.* Vojskam meshayut boeviki I plokhaja pogoda [Troops are hampered by militants and bad weather]. *Izvestia*. 1994. December 21. (In Russ.)
4. *Blotsky, O.* Na vojne kak na vojne [In war as in war]. *Literaturnaja gazeta*. 1994. December 28. (In Russ.)
5. *Burbyga, N., Belykh, V.* Grozny v tankovykh pricelakh [Grozny in tank sights]. *Izvestia*. 1994. December 20. (In Russ.)
6. *Velengurin, V., Babich, D.* Idyot chechenskaja vojna [The Chechen war is underway]. *Komsomolskaja pravda*. 1994. December 16–19. (In Russ.)
7. 80-letnyja starushka kak strategicheskij obyekt [80-year-old old woman as a strategic object]. *Literaturnaja gazeta*. 1994. December 28. (In Russ.)
8. *Gritchin, N.* Grozny sobiraet vsyo cto mozhet strelyat I vzryvatsya [Grozny collects everything that can shoot and explode]. *Izvestia*. 1994. December 15. (In Russ.)
9. *Gritchin, N.* Groznoje nebo [Menacing sky]. *Izvestia*. 1994. December 16. (In Russ.)
10. *Gritchin, N.* Kogda istekal srok ultimatum [When the ultimatum expired]. *Izvestia*. 1994. December 20. (In Russ.)
11. Grozny. Novogodnyj shturm ot pervogo litsa [Grozny. New Year's Storm in the First Person]. *Novaya gazeta*. 2022. January 22. (In Russ.)
12. *Dubnov, V.* Tsenu mira sprosi u plennykh... [Ask the prisoners for the price of peace...]. *Novoye vremya*. 1994. №50. P. 11. (In Russ.)
13. *Yevtushenko, A.* Poslednije nadezhdy razdavleny tankami [Last Hope Crushed by Tanks]. *Komsomolskaja pravda*. 1994. December 20. (In Russ.)
14. *Yevtushenko, A.* Bombyozhka Groznogo: prelyudia k shturmu? [The Bombing of Grozny: A Prelude to the Assault?]. *Komsomolskaja pravda*. 1994. December 23–26. (In Russ.)
15. *Yemchenko, F.* Zhdali tretij den... [We waited for the third day...]. *Trud*. 1994. December 14. (In Russ.)
16. *Zarakhovich, Y.* Chechenskaya vojna glazami zhurnalistov amerikanskikh izdaniy (1993–1996 gg.) [The Chechen War through the Eyes of Journalists of American Publications (1993–1996)]. *Chechnya I Rossiya: obshchestva I gosudarstva*. Moscow: Polinform-Talbury, 1999. P. 290–307. (In Russ.)
17. *Karpov, B.* Krovavaya zhatva vojny [The Bloody Harvest of War]. *Trud*. 1994. December 22. (In Russ.)
18. *Korshunov, O.* Chernyj sneg Groznogo. Ch. 1 [Black snow of Grozny. P. 1.]. Moscow: Filin, 2020. 267 p. (In Russ.)
19. *Kulikov, A. S.* Tyzhelyje zvezdy [Heavy Stars]. Moscow: Voyna I mir books, 2002. – 568 p. (In Russ.)
20. *Leontieva, L.* Kogda u sosedej vojna [When Neighbors Have War]. *Literaturnaja gazeta*. 1994. December 21. (In Russ.)
21. *Leontieva, L.* Pod bombami [Under the Bombs]. *Literaturnaja gazeta*. 1994. December 28. (In Russ.)
22. *Morkovkin, A.* Litso vojny [The Face of War]. *Ekho planety*. 1995. №3. P. 7–10 (In Russ)
23. *Mostovshikov, S., Zheludkov, A.* Strannaja vojna [Strange War]. *Izvestia*. 1994. December 27. (In Russ.)
24. *Natykin, V.* Zdes voyuyut dazhe malchishki [Even boys fight here]. *Trud*. 1994. December 14. (In Russ.)
25. *Natykin, V.* Krovavyje vskhody [Bloody shoots]. *Trud*. 1994. December 16. (In Russ.)
26. *Natykin, V.* Ot zhurnalistov otbivalis kak umeli [Journalists were fought back as best they could]. *Trud*. 1994. December 20. (In Russ.)
27. *Pavlov, A.* Lish novogodnee chudo mozhet ostanovit etu vojnu [Only a New Year's miracle can stop this war]. *Komsomolskaja pravda*. 1994. December 28. (In Russ.)
28. *Persyanov, V.* Svidetelskije pokazaniya [Testimony]. *Ogonyok*. 1994. №50-51. P. 7. (In Russ.)
29. *Prasolov, A.* Chechnya: interview iz tanka [Chechnya: an interview from a tank]. *Argumenty I fakty*. 1994. №50. (In Russ.)
30. *Prasolov, A.* Byt soldata [Life of a soldier]. *Argumenty I fakty*. 1994. №51. (In Russ.)
31. *Ruzdzhynsky, J.* Raz uvidet... [Once you can see...]. *Novoye vremya*. 1994. №51. P. 8–10. (In Russ.)

32. *Ruzdzhynsky, J.* Tost zootekhnika [Toast zootechnics]. Novaya Polsha. 2013. №1. P. 36–40. (In Russ.)
33. *Soldaty ne znali zachem ih poslali v Chechnyu, schitaet predsdatel Komiteta po organizacii raboty Gosdumy Vladimir Bauer, pobывавший v Chechne i Ingushetii vo glave dumskoj nabliudatelnoj komissii* [The soldiers did not know why they were sent to Chechnya, says Vladimir Bauer, chairman of the State Duma Committee for the Organization of Work, who visited Chechnya and Ingushetia at the head of the Duma supervisory commission]. Literaturnaja gazeta. 1994. December 21. (In Russ.)
34. *Tumakov, D.V.* Nachalo pervoj checenskoj vojny 1994–1996 v osveschenii rossijskoj oficialnoj pečati [The beginning of the first Chechen war in 1994–1996 in coverage of the Russian official press]. Istoricheskij put Rossii: iz proshlogo v budushee. Saint-Petersburg: SPBGUPTD, 2021. P. 592–600. (In Russ.)
35. *Holodnoe echo bombyozhek* [Cold Echo of Bombing]. Trud. 1994. December 8. (In Russ.)
36. *Khokhlov, A.* Istinu znayut tanki? [Do tanks know the truth?]. Komsomolskaja pravda. 1994. December 14. (In Russ.)
37. *Yakov, V.* Bolshie manevery anonimnykh polkovodcev [Great maneuvers of anonymous generals]. Izvestia. 1994. December 16. (In Russ.)

Tumakov Denis Vasilevich – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of History and Philosophy, Yaroslavl State Medical University (Yaroslavl, Russia), denis-tumakov@yandex.ru

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ:

Тумаков, Д. В. Военные действия в Чечне в конце 1994 г. глазами российской печати / Д. В. Тумаков // Социогуманитарные коммуникации. – 2022. – №2(2). – С. 26–35.

FOR CITATION:

Tumakov D. V. Voennyje dejstvija v Chechne v kontse 1994 g. glazamy rossijskoj pečati [Military operations in Chechnya at the end of 1994 through the eyes of the Russian press]. Socio-humanitarian communications [Sociogumanitarnye kommunikacii]. 2022. №2(2). P. 26–35.

ЭКОНОМИКА

УДК 339.727

СОВРЕМЕННОЕ ИНВЕСТИЦИОННОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО ФРГ И СТРАН АСЕАН

Спиридонов А. А., Чисталёва Т. А., Эйдемиллер К. Ю.

В данной статье авторы проанализировали инвестиционные отношения между Германией и ЮВА и пришли к выводу, что ФРГ считает ряд стран перспективными для укрепления сотрудничества, а другие – чаще использует в качестве ресурсных баз. В работе описаны причины подобного распределения средств, выделены основные направления сотрудничества для самых крупных стран-реципиентов, описаны проекты, осуществляемые двумя государствами. Также в статье описывается динамика инвестиций из ФРГ в страны АСЕАН и причины ее колебания.

Ключевые слова: ФРГ, Юго-Восточная Азия (ЮВА), инвестиции, АСЕАН, ТНК, Партнерство в целях развития.

Введение

Юго-Восточная Азия (ЮВА) со своей стремительно растущей экономикой привлекает все больше и больше внимания развитых стран из всех частей света. Большой интерес регион представляет для Европы благодаря своим текущим инициативам и экономическим перспективам. На европейском континенте одной из самых развитых и инновационных экономик является Германия, ее экономические и политические связи охватывают весь мир, в том числе ЮВА. В ЮВА самым крепким институтом, который объединяет государства региона является АСЕАН – в поле его деятельности сочетаются политические, экономические и культурные связи. Для ФРГ, которая заинтересована в сотрудничестве с регионом, весьма привлекательно налаживать связи с организацией и вести многосторонний диалог. При этом, страны АСЕАН тоже относятся к перспективе сотрудничества с ФРГ крайне положительно.

В 2016 г. на встрече министров иностранных дел стран-участник АСЕАН во Вьентьяне отношения между АСЕАН и ФРГ были провозглашены партнерством в целях развития (development partnership). На протяжении дальнейших лет отношения развивались и становились все более и более оформленными. В 2018 г. государствами был разработан план сотрудничества по различным отраслям (Practical Cooperation Areas, PCA) на период 2018–2022 гг. Важно отметить, что партнерство предполагается совершенно диверсифицированным – к областям сотрудничества относится безопасность, проти-

водействие терроризму, защита прав человека, торговля, инвестиции, обеспечение энергетической безопасности, развитие технологий и инноваций, поддержка туризма, социокультурные коммуникации в сфере образования, устойчивого развития и защиты окружающей среды. Особый интерес представляет партнерство в области развития технологий, торговли ими и немецких инвестиций в азиатскую промышленность. В современном мире технологический потенциал государства играет очень большую роль, ведь уровень цифровой трансформации и развития цифровой экономики влияет на положение государства на международной арене. С этой точки зрения, для ФРГ крайне привлекательна ЮВА, где уже второе десятилетие подряд развиваются подобные процессы, а внимание государства к ним очень велико, что выражается в постоянной финансовой и административной поддержке. Более того, экономика Германии во многом основана на инновациях, согласно Глобальному индексу инноваций, ФРГ находится на 10 месте, а в ЮВА производится около 15 % мирового объема ИКТ [1]. Также в странах АСЕАН очень высок потенциал стартап-инициатив благодаря незанятости этой доли рынка, большой численности населения и государственной поддержке. Особую значимость представляют льготные и крайне привлекательные условия стран АСЕАН для иностранцев в сфере инвестиций и открытия бизнеса. Неудивительно, что сотрудничество между двумя блоками весьма плодотворное, ведь странам есть что предложить друг другу и чем обменяться.

Наиболее продуктивным в сотрудничестве между ФРГ и АСЕАН стал 2015 г. – тогда объем ПИИ увеличился в 6 раз, а многие крупные немецкие корпорации открыли в регионе свои филиалы. Неудивительно, что именно в 2016 г. между блоками было установлено партнерство в целях развития. Однако в 2016 г. произошел небольшой спад в общем объеме торговли между регионами, но в последующих годах он вернулся к прежнему уровню и даже немного вырос. Стоит отметить, что торговые отношения между ФРГ и АСЕАН практически сбалансированы лишь с небольшим перевесом в сторону АСЕАН, а что касается торгового оборота ИКТ, то тут перевес в сторону АСЕАН уже очень существенный.

В 2017 г. объем ПИИ из Германии в АСЕАН составил больше 3,3 млрд долларов, в 2018 г. – чуть больше 2 млрд. Это, кстати, происходило на фоне увеличения количества совместных проектов ФРГ и КНР, а также роста немецких инвестиций в Китай. ФРГ также входит топ-10 крупнейших инвесторов к экономике КНР. Однако АСЕАН также является для Германии важным торговым партнером, Германия – одна из самых активных стран ЕС, сотрудничающих с ЮВА и инвестирующих в нее, при этом прогнозируемый объем инвестиций должен постоянно увеличиваться.

Основная часть

Одним из самых развитых в плане взаимоотношений рынков является Сингапур. В 2016 г. ФРГ инвестировала в страну больше 74 млн долларов, в 2017 г. их объем упал до 63,6 млн, но это по-прежнему самый крупный показатель в регионе. Стоит также учитывать, что на долю Сингапура, в принципе, приходится большая часть всех инвестиций АСЕАН. Более того, между государствами развита торговля с перевесом в пользу Сингапура, основными статьями экспорта в ФРГ является химическое сырье и ИКТ. Во всем регионе стран-участниц АСЕАН именно в Сингапуре сосредоточено наибольшее количество немецких компаний – их здесь более 1500. Кроме того, многие немецкие компании, занимающиеся инновационными разработками, признают потенциал Сингапура в этой сфере и развивают с ним отношения, модель которых планируют перенести и на соседние страны. Особо охотно немецкие инвесторы вкладываются в высокотехнологичное медицинское оборудование и сектор ИКТ, который ежегодно растет и расширяется, к тому же,

Сингапур все необходимые условия для привлечения иностранного капитала. Также ФРГ планирует поддержать и принять участие в сингапурских проектах, посвященных созданию «умной нации» (smart nation). Развитию отношений между двумя странами будет также способствовать Соглашение о свободной торговле между Сингапуром и ЕС, подписанное в 2018 г.

Еще одним популярным направлением для немецких инвестиций является Малайзия со своей развитой экономикой, инфраструктурой и высоким уровнем цифровой трансформации. В этой стране ситуация схожа с Сингапуром – самым щедрым на инвестиции ФРГ оказался 2016 г. (видимо, присвоение отношениям ФРГ и АСЕАН статуса партнерства во имя сотрудничества сыграло свою роль), когда сумма инвестиций превысила 13,4 млн долларов, в 2017 г. их сумма составила 9,5 млн. Торговые отношения между двумя странами развиваются очень активно и непрерывно, при этом в 2018 г. произошел значительный рост экспорта из Малайзии в ФРГ. В общем, в торговле преобладает перевес в сторону Малайзии. Основной статьей импорта ФРГ из Малайзии являются ИКТ и запчасти для них, а вот для экспорта из ФРГ большую роль играет медицинское оборудование – крайне важное для Малайзии, которая претендует на звание центра медицинского туризма в регионе. Особую значимость во взаимоотношениях двух стран представляет развитие технологий и инноваций. В Малайзии так же, как и в Сингапуре, многие крупные немецкие корпорации открыли свои филиалы; особый интерес к подобной деятельности проявила Бавария – один из самых крупных инновационных центров в ФРГ. Германия крайне заинтересована в малазийских программах трансформации промышленности и общества, таких как Industry 4.0, и видит множество перспектив в развитии отношений в этом направлении. В частности, малазийские специалисты приглашаются к участию разработке немецких технологий для обмена опытом, а немецкие технологии и инвестиции принимают активно участие в строительстве аэропорта Субанг в Куала-Лумпуре, который должен стать самым крупным транспортным узлом в ЮВА. Кроме того, уже не первый десяток лет в программах развития Малайзии, например, Vision 2020, одной из основных задач провозглашается развитие страны в рамках устойчивого развития, благодаря чему Малайзия проявляется интерес к альтерна-

тивной энергетике – для ФРГ с ее опытом данная сфера является привлекательной для сотрудничества.

Ситуация с инвестициями во Вьетнам отличается от предыдущих – здесь объем немецких инвестиций стабильно увеличивается, пусть и не на слишком большую сумму. Вероятно, это связано с непрерывным ростом производительности промышленности в СРВ, который происходил в последние несколько лет. Торговые отношения между странами также развиты очень хорошо, это можно связать с двумя факторами. Во-первых, с диверсифицированной промышленностью Вьетнама, которая активно производит и различное оборудование, и текстиль, и пищевую продукцию. Во-вторых, с низкой степенью локализации производства в СРВ, что обуславливает зависимость от импорта и увеличивает спрос государства на различные ресурсы. Несмотря на то, что экспорт из Вьетнама в ФРГ превышает импорт почти в 2,5 раза, для Вьетнама крайне важны качественные технологии, машинное оборудование и альтернативные энергетические ресурсы (солнечные панели и ветряные электростанции), импортируемые из Германии. Некоторые немецкие компании открыли во Вьетнаме свои филиалы или перенесли их сюда из КНР – аргументом стала дешевая рабочая сила и удобное географическое положение страны. Также ФРГ знаменита своим опытом в экологических проектах, что также представляет большой интерес для СРВ, где из-за стремительного роста производства назревает проблема загрязнения. Однако эксперты советуют не увеличивать чрезмерно объемы вложений, так как низкоквалифицированная рабочая сила, ориентированная преимущественно на экспорт экономика и зависимость от ПИИ не позволяют считать Вьетнам надежным партнером в долгосрочной перспективе.

График немецких инвестиций в Таиланд отличается сильной нестабильностью, буквально каждый год в последнее десятилетие происходил либо их упадок, либо резкий подъем. Это можно объяснить нестабильной политической ситуацией в стране, которая в последнее десятилетие несколько раз менялась. Например, в 2016 г., несмотря на заключение договора о партнерстве и значительного роста вложений в другие страны АСЕАН, объем инвестиций ФРГ в Таиланд был рекордно низким – свою роль сыграла смерть короля и конституционный референдум, зато в 2017 г., когда ситуация

стала стабильнее, увеличился сразу в 3 раза. Подобная ситуация произошла и двумя годами ранее: в 2014 г. во время военного переворота объем вложений упал в 3 раза по сравнению с 2013 г., а в 2015 г. увеличился почти в 2 раза. До 2014 г. вложения Германии в Таиланд стабильно росли благодаря благоприятному инвестиционному климату в стране. Объем торговли ФРГ и Таиланд уступает по значению некоторым другим странам в ЮВА, а перевес Таиланда совсем невелик. Здесь можно сослаться на тесные торговые отношения Таиланда с КНР, Китай – практически главный торговый партнер для королевства. Основной статьей экспорта в ФРГ также являются технологии и запчасти для них. При этом, Таиланд представляет интерес для автомобильных компаний ФРГ, которые переносят туда свои фабрики, чтобы быть ближе к району производства автомобильных запчастей, чем тоже знаменито Королевство. Более того, медицинский туризм и программы цифровой трансформации государства открывают возможности экспорта оборудования из Германии. В общем, перспективные программы цифровизации Таиланда, такие как Thailand 4.0 и The National Digital Economic Masterplan 2016–2020, представляют интерес немецких инвесторов и открывают перспективы сотрудничества в различных сферах, включая робототехнику, телемедицину, биоинженерию и аэрокосмическую отрасль. Кроме того, в планы правительства Таиланда входит увеличение доли альтернативных источников энергии в общей структуре, что обеспечивает еще одно направление сотрудничества двух стран. Также несомненным преимуществом Таиланда является лучшая квалификация рабочей силы по сравнению с большинством стран региона, однако и стоимость ее выше.

Индонезия – один из самых перспективных рынков в регионе, согласно Market Potential Index она уступает по показателям лишь Сингапуру и Вьетнаму и одним из самых крупных потребителей инвестиций в регионе, уступая тем же странам. В последнее десятилетие ФРГ увеличивала свои вложения в Индонезию, однако в 2016 г. произошел их резкий упадок – вероятно, это связано с чрезмерной активностью исламских фундаменталистов в стране, что могло быть остро воспринято Германией, страдающей от похожей проблемы терроризма. В 2017 г. объем вложений вырос сразу в 4 раза. Объем товарооборота между странами не очень велик, однако для ФРГ значимы поставки сырья

из Индонезии, а для Индонезии благодаря развитию цифровой трансформации – импорт оборудования и технологий из ФРГ. В принципе, стабильный и быстрый экономический рост и увеличение уровня дохода в стране обеспечивают стабильный спрос на немецкие товары. Некоторые компании из Германии открыли и здесь свои офисы, чтобы быть ближе к рынкам сырья, пользоваться преимуществами особых экономических зон и дешевой рабочей силы. Для Индонезии крайне важны инвестиции ФРГ в сферу строительства, туризма и энергетики, потому что позволяют обеспечивать этим секторам высокие темпы роста. Кроме того, большая часть автомобилей в Индонезии импортные, особой популярностью пользуются автомобили маленького размера и мощности, так как облагаются меньшим налогом – это хорошая возможность для ФРГ и ее продукции потеснить Японию на данном рынке. Однако квалификация рабочей силы, ситуация с коррупцией в стране и регулярно изменяющееся торговое законодательство и пошлины затрудняют развитие отношений между странами, что и обуславливает низкий уровень вложений ФРГ по сравнению с другими странами АСЕАН.

Инвестиции ФРГ в Филиппины иллюстрируют стабильный рост в последние несколько лет благодаря их промышленному росту, созданию благоприятных условий для инвестиций и улучшению квалификации рабочей силы. Торговый оборот между двумя странами хоть и не так велик сейчас, но для торговли двух стран существуют явные перспективы. Особенно это касается немецкого машинного оборудования, особенно медицинского, потому что на Филиппинах нет местных производителей и государство предпочитает импортировать товары высокого качества, что благоприятно для Германии. При этом рост среднего класса и заработной платы в стране обеспечит продукт спросом. Также квалифицированная и дешевая рабочая сила, владеющая английским языком, а еще рынки сырья и районы производства обуславливают создание филиалов здесь немецкими компаниями. Благодаря особому географическому положению перспективной отраслью сотрудничества является альтернативная энергетика, а также сфера строительства и инфраструктурные проекты, которым Германия может предложить оборудование и химические продукты. Филиппины, в принципе, являются быстро растущей и очень перспективной экономикой, однако их правовое

обеспечение существенно отстает от других стран: здесь весьма распространены коррупция, мошенничество и воровство на предприятиях, а также регулярные правонарушения со стороны различных субъектов.

Несмотря на то, что у Лаоса один из самых высоких прогнозируемых темпов роста среди стран АСЕАН, главными направлениями инвестиций для Германии являются Сингапур, Малайзия, Вьетнам и Филиппины. На долю Лаоса приходится не слишком большой объем инвестиций, хотя они и практически стабильно увеличиваются, а в 2017 г. вообще произошел их резкий рост. Тем не менее, оборот торговли невелик, к тому же, в 2017 г. он сократился почти в 3 раза. Такие нестабильные взаимоотношения могут быть связаны с общим устройством рынка в Лаосе. Несмотря на высокие темпы роста экономики Лаоса в течение последних лет до инновационных проектов ему далеко. Преимущества Лаоса заключаются в дешевой рабочей силе, близком географическом положении к рынку Китая, высокой производительности текстильной промышленности и энергетическом потенциале. Однако даже несмотря на дешевую рабочую силу немецкие компании предпочитают размещаться в Китае, за редким исключением перенося свои представительства в Лаос из-за увеличения оплаты труда в КНР. В принципе, сама Республика очень зависима от ПИИ из Китая, а рынок страны занят китайскими товарами. Тем не менее, здесь есть острая потребность в машинном оборудовании, так как его местное производство не налажено – это открывает возможности входа на рынок для ФРГ. Также в перспективе Германия может поддержать энергетический потенциал Лаоса и его проекты по экспорту энергии в соседние страны.

Прогнозируемый рост экономики Мьянмы тоже является одним из самых высоких в регионе. Тем не менее, объем инвестиций ФРГ в страну не слишком велик, хотя он, конечно, намного выше уровня Лаоса и близок к объему вложений в Таиланд и Индонезию, при этом он почти стабильно растет. Мьянма из себя тоже представляет индустриальную экономику, однако заметны движения правительства в сторону модернизации. Либерализация рынка и создание особых экономических зон положительно сказалось на привлечении иностранных инвесторов, особенно в сферу текстильной промышленности. Для Германии текстильная промышленность является перспективной не только с точки зрения импорта продукции (данная

статья экспорта является самой крупной в двусторонней торговле), но и с точки зрения экспорта оборудования для фабрик в Мьянме. Также открываются перспективы по экспорту немецкого оборудования для обеспечения нефтяных месторождений и сотрудничества в сфере развития альтернативной энергетики. Более того, Мьянма претендует на звание регионального промышленного хаба, сотрудничая в этом направлении с КНР, Индией, Камбоджей и Таиландом. Конечно, экономика Мьянмы тоже весьма зависима от Китая, но в меньшей степени, чем Лаос, при этом амбициозные проекты страны привлекают иностранных инвесторов, в том числе, и из Германии.

Хотя Камбоджа традиционно не связывается со стремительным экономическим ростом, Market Potential Index оценивает перспективы ее рынка весьма неплохо, при том, что здесь тоже ожидаются одни из самых высоких темпов роста в ЮВА. Проблемой Камбоджи является ее географическое положение между Таиландом и Вьетнамом – одними из самых крупных экономических субъектов АСЕАН. При этом, вложения ФРГ в Камбоджу не так уж малы – они близки по объему к вложениям в Индонезию, хотя и стабильностью не отличаются. Камбоджа представляет собой индустриальную экономику и обширный рынок сырья. Объем промышленности обеспечивает спрос на оборудование и технику, поставляемые из ФРГ, а дешевая рабочая сила, сырье и близость к границе Таиланда, где расположены многие предприятия, заставляют многие компании присматриваться к Камбодже как к месту размещения своего производства. Перспективами для сотрудничества с Камбоджей можно назвать рост уровня жизни и оплаты труда, большое количество инфраструктурных проектов, потребность в медицинском оборудовании, увеличение количества особых экономических зон (особенно на границе с Таиландом) и стремительный рост энергетического сектора. Однако низкая квалификация рабочей силы, в которой пока что не ожидается изменений, и ненадежность проектов за пределами особых экономических зон существенно затрудняют партнерство.

Бруней традиционно не являлся популярным направлением для инвестиций несмотря на то, что он занимает одно из лидирующих положений в рейтинге по простоте ведения бизнеса. Инвестиции играют очень большую роль в экономике Брунея, од-

нако объем инвестиций из ФРГ совсем мал и на протяжении последних нескольких лет он стабильно падал, однако в 2017 г. резко вырос. Экспорт из Германии в Бруней в 2017 г., наоборот, сократился почти в 3 раза, импорт из Брунея в Германию тоже – это связано со снижением добычи углеводородов в стране, которые являются основой импорта страны. В то же время спрос Брунея на немецкое оборудование и машины является стабильным. В последние годы Бруней планирует сократить свою зависимость от экспорта энергетического сырья и перейти на инновационную экономику, что открывает перспективы для сотрудничества двух государств, с учетом высококвалифицированной рабочей силы, благоприятного инвестиционного климата и низких издержек по сравнению с Сингапуром. В одной из программ, Wawasan Brunei 2035, государство делает акцент на цифровой трансформации, в том числе, создании электронного правительства, разработке инноваций и технологий в различных сферах, включая биоинженерию – для ФРГ это отличная возможность реализовать свою технику и поделиться опытом. Кроме того, преимуществом Брунея является его выгодное географическое положение, что привлекает крупные логистические компании. К тому же Pulau Muara Besar Project по созданию крупного транспортного узла с глубоководной бухтой и технопарком повышает привлекательность государства в глазах потенциальных инвесторов.

Заключение

Рынок ЮВА с развитой и крупной промышленностью и растущим интересом к цифровой трансформации крайне привлекателен для ФРГ как рынок сбыта и торговый партнер. У каждой страны региона есть свои перспективы для сотрудничества с Германией, видимо, поэтому Германия входит в топ-10 инвесторов стран АСЕАН [8]. Также важно отметить, что объемы инвестиций ФРГ во многом обуславливаются крайне благоприятным инвестиционным климатом в регионе. Однако обратной динамики не наблюдается – инвестиции стран АСЕАН в ФРГ крайне малы. Вероятно, это обусловлено неравномерным развитием региона и сравнительной бедностью некоторых стран, все же более крупные экономики, например, Малайзия и Сингапур совершают вложения в немецкую промышленность и инновации [8]. Более того, регионы реализуют совместные проекты в сфере инновационного развития и программы обмена специалистами. К тому же, много

мультинациональных корпораций в ЮВА созданы с участием немецкого капитала, при этом доля Германии весьма велика; многие немецкие компании по производству ИКТ, запчастей для них, автомобилей и фармацевтики открыли или планируют открыть свои филиалы или фабрики в регионе. Особую значимость представляют рынки сырья, производство составляющих в странах АСЕАН и

дешевая рабочая сила по сравнению с Европой. Текущие обстоятельства отношений, политический климат, экономическая динамика и взаимный интерес обуславливают условия плодотворного и длительного сотрудничества между странами АСЕАН и ФРГ, которое будет взаимовыгодным в совершенно разнообразных областях.

Список источников и литературы

1. *Цветкова, Н. Н.* Страны Юго-Восточной Азии в глобальных цепочках стоимости: производство электронного и компьютерного оборудования, 1995–2015 гг. / Н. Н. Цветкова. // Восточная аналитика. – 2018 – №1-2 – С. 7–21.
2. *ASEAN, Germany cement stronger ties* // The ASEAN Post – URL: <https://theaseanpost.com/article/asean-germany-cement-stronger-ties> (дата обращения: 19.05.2021).
3. *ASEAN Investment Report 2018* // UNCTAD – URL: https://unctad.org/en/PublicationsLibrary/unctad_asean_air2018d1.pdf (дата обращения: 21.05.2021).
4. *German FDI in ASEAN Part I: Brunei and Cambodia* // ASEAN Briefing – URL: <https://www.aseanbriefing.com/news/german-fdi-asean-part-brunei-cambodia/> (дата обращения 20.05.2021).
5. *German FDI in ASEAN Part II: Indonesia and Laos* // ASEAN Briefing – URL: <https://www.aseanbriefing.com/news/german-fdi-asean-part-ii-indonesia-laos/> (дата обращения 20.05.2021).
6. *German FDI in ASEAN Part III: Malaysia and Myanmar* // ASEAN Briefing – URL: <https://www.aseanbriefing.com/news/german-fdi-asean-part-iii-malaysia-myanmar/> (дата обращения 20.05.2021).
7. *German FDI in ASEAN Part IV: The Philippines and Singapore* // ASEAN Briefing – URL: <https://www.aseanbriefing.com/news/german-fdi-asean-part-iv-philippines-singapore/> (дата обращения 20.05.2021).
8. *German FDI in ASEAN Part V: Thailand and Vietnam* // ASEAN Briefing – URL: <https://www.aseanbriefing.com/news/german-investment-in-asean-part-v-thailand-and-vietnam/> (дата обращения 20.05.2021).
9. *World Investment Report 2019: Special Economic Zones* // UNCTAD – URL: https://unctad.org/en/PublicationsLibrary/wir2019_en.pdf (дата обращения: 21.05.2021).

Спиридонов Андрей Алексеевич – магистр экономического факультета Санкт-Петербургского государственного университета (г. Санкт-Петербург, Россия), ispbandrei@gmail.com

Чисталёва Татьяна Александровна – бакалавр факультета международных отношений, Санкт-Петербургский государственный университет (г. Санкт-Петербург, Россия), t.chistalyova@gmail.com

Эйдемиллер Константин Юрьевич – к.г.н., старший преподаватель кафедры международных гуманитарных связей, Факультет международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета (г. Санкт-Петербург, Россия), keidemiller@gmail.com

MODERN INVESTMENT COOPERATION BETWEEN GERMANY AND ASEAN COUNTRIES

Spiridonov A. A., Chistalyova T. A., Eidemiller K. Yu.

In this paper, the authors have analyzed the investment relations between Germany and South-east Asia and came to the conclusion that Germany considers a number of countries promising for strengthening cooperation, while others are more often used as resource bases. The paper describes the reasons for such a distribution of funds, highlights the main areas of cooperation for the largest recipi-

ent countries, describes the projects implemented by the two states. The paper also describes the dynamics of investments from Germany to ASEAN countries and the reasons for its fluctuations.

Keywords: Germany; Southeast Asia; investments; ASEAN; multinational corporations; Development partnership.

References

1. *Tsvetkova, N.N.* Strani Yugo-Vostochnoy Azii v global'nih tsepotchkah stoimosti: proizvodstvo elektronnoy i komputernogo oborudovaniya, 1995–2015 gg. [Southeast Asian countries in global value chains: production of electronic and computer equipment, 1995–2015]. *Vostochnaya analitika*. 2018. №1-2. P. 7–21. (In Russ.)
2. *ASEAN, Germany cement stronger ties.* The ASEAN Post – URL: <https://theaseanpost.com/article/asean-germany-cement-stronger-ties> (accessed: 19.05.2021).
3. *ASEAN Investment Report 2018.* UNCTAD – URL: https://unctad.org/en/PublicationsLibrary/unctad_asean_air2018d1.pdf (accessed: 21.05.2021).
4. *German FDI in ASEAN Part I: Brunei and Cambodia.* ASEAN Briefing – URL: <https://www.aseanbriefing.com/news/german-fdi-asean-part-brunei-cambodia/> (accessed: 20.05.2021).
5. *German FDI in ASEAN Part II: Indonesia and Laos.* ASEAN Briefing – URL: <https://www.aseanbriefing.com/news/german-fdi-asean-part-ii-indonesia-laos/> (accessed: 20.05.2021).
6. *German FDI in ASEAN Part III: Malaysia and Myanmar.* ASEAN Briefing – URL: <https://www.aseanbriefing.com/news/german-fdi-asean-part-iii-malaysia-myanmar/> (accessed: 20.05.2021).
7. *German FDI in ASEAN Part IV: The Philippines and Singapore.* ASEAN Briefing – URL: <https://www.aseanbriefing.com/news/german-fdi-asean-part-iv-philippines-singapore/> (accessed: 20.05.2021).
8. *German FDI in ASEAN Part V: Thailand and Vietnam.* ASEAN Briefing – URL: <https://www.aseanbriefing.com/news/german-investment-in-asean-part-v-thailand-and-vietnam/> (accessed: 20.05.2021).
9. *World Investment Report 2019: Special Economic Zones.* UNCTAD – URL: https://unctad.org/en/PublicationsLibrary/wir2019_en.pdf (accessed: 21.05.2021).

Spiridonov Andrei Alekseevich – Master of the Faculty of Economics of the Saint-Petersburg State University (St. Petersburg, Russia), ispbandrei@gmail.com

Chistalyova Tatiana Aleksandrovna – Bachelor of the Faculty of International Relations, Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russia), t.chistalyova@gmail.com

Eidemiller Konstantin Yurievich – Candidate of Geographical Sciences, Senior Lecturer of the Department of International Humanitarian Relations, Faculty of International Relations of St. Petersburg State University, (St. Petersburg, Russia), keidemiller@gmail.com

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ:

Спиридонов, А. А. Современное инвестиционное сотрудничество ФРГ и стран АСЕАН / Т. А. Чисталёва, К. Ю. Эйдемиллер, А. А. Спиридонов // Социогуманитарные коммуникации. – 2022. – №2(2). – С. 36–42.

FOR CITATION:

Spiridonov A. A., Chistalyova T. A., Eidemiller K. Yu. Investitsionnoe sotrudnichestvo FRG i stran ASEAN [Investment relations between Germany and ASEAN countries]. *Socio-humanitarian communications [Sociogumanitarnye kommunikacii]*. 2022. №2(2). P. 36–42.

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 93

ПОСОЛЬСТВО РУСОВ 839 г. И ОКСЮМОРОН «РУССКИЙ КАГАНАТ»

Губарев О. Л.

В употребление, несмотря на справедливую критику данного термина, вошло понятие «Русский каганат». Оно относится к гипотетическому вождеству из которого прибыли послы в 839 г. ко двору Людовика Благочестивого. Поскольку основным требованием терминологии как науки является соответствие сути термина его наименованию, целью данной статьи является показать, что в этом термине сочетается несочетаемое и он является оксюмороном, непригодным для использования.

Ключевые слова: Каган, Хакон, Русский каганат, локализация, мореходы, кочевники, оксюморон.

Оксюморон – до кажущейся нелепости заостренное выражение, образное сочетание противоречащих друг другу понятий
Википедия

История вопроса

Вопросу о свеонской Руси IX в. посланной в 839 г. вместе с византийским посольством императора Феофила своих послов в империю франков посвящена обширная литература. Поскольку это свидетельство Бертинских анналов является первым достоверным доказательством существования народа Rhos уже в начале IX в.

С недавнего времени в научный обиход историков, занимающихся вопросом о Начальной Руси IX в. вошел термин «Русский каганат». Термин этот впервые использован еще в XIX в. С. А. Геденовым в его «Отрывках из исследований о варяжском вопросе». И понятно, почему именно этот термин использовал антинорманист Геденов.

«Существование русского хаганата в IX в. (839–871 г.) неопровержимый исторический факт, а вместе с ним и совершенно чуждое скандинавскому началу, существование в соседстве Хазар и Аваров народа Rhos» [7, с. 105–106].

Разбираясь в данной проблеме, нужно постараться разделить два вопроса. Первый вопрос – о титуле «каган» или об имени вождя русов-скандинавов Хакон. Второй вопрос – о возглавляемом этим вождем протогосударственном образовании, которое многие историки, следуя за Геденовым, обозначают термином «Русский каганат».

Правда, нужно сказать, что в работах некоторых историков эти два вопроса взаимо-

связаны и их трудно разделить. Целью данной работы является показать неудовлетворительность данного термина, не способствующего прояснению вопроса, а наоборот, запутывающего его.

По вопросу о титуле вождя русов «каган» большинство историков, как указывает А. П. Толочко [25, с. 117], принимают это как установленный факт без дальнейшего обсуждения. В качестве примера можно привести ряд статей на данную тему [4; 5; 6; 13; 14; 22; 23]. Ранее речь о том, что послы народа Rhos называли франкам имя своего вождя Хакон, шла только в очень редких случаях [2, с. 17.].

Однако после опубликования статьи И. Гарипзанова относительно того, что в сообщении Бертинских анналов скорее всего упомянут не титул вождя народа Rhos, а имя Хакон [32], известный историк И. Г. Коновалова снова повторила основные доводы в пользу титула «каган» [14, с. 117–119].

«Основное же возражение против попыток реанимировать давно отвергнутое в историографии предположение заключается в и том, что сообщение Бертинских анналов о приеме послов народа Rhos следует рассматривать не само по себе, но, имея в виду всю традицию применения титула «каган» по отношению к древнерусским князьям в источниках IX–XII вв., включая собственно древнерусские памятники, где некоторые русские князья XI–XII вв. названы каганами» [14, с. 118]. Примерно те же доводы приводит

А. В. Назаренко относительно гипотезы, «которая, во всеоружии напрасной учености, недавно была вновь высказана И. Гарипзановым» [19, с. 16].

Мнение Гарипзанова пока не получило большой поддержки, хотя ряд историков стал склоняться к тому, что речь в сообщении Бертинских анналов все же, кажется, идет об имени вождя Хакон [30, с. 159]. Убедительная критика гипотезы о титуле вождя русов была высказана Толочко [25, с. 112–135], где он разобрал все доводы в пользу гипотезы о титуле или имени вождя русов.

По вопросу о «Русском каганате», его истории и локализации имеется также обширная литература. В качестве примера можно привести ряд работ [20, с. 127–142; 21, с. 78–82; 22, с. 3–15; 27, с. 275–281; 33, с. 77–97].

Статья К. Цукермана о «Русском каганате» [28, с. 55–77] вызвала дискуссию на страницах научных журналов [10, с. 15–19; 21, с. 78–82; 23, с. 3–14; 26, с. 101–103]. Вполне понятно, что часть работ пересекается с работами по вопросу о титуле «каган» вождя русов.

Критика В. Я. Петрухиным [20, с. 127–142; 21, с. 78–82], Т. М. Калининой [10, с. 15–19] и Толочко [25] и Д. А. Мачинским [17, с. 500] термина «Русский каганат» представляется весьма уместной и заслуживающей внимания. Из зарубежных авторов неудовлетворительность данного термина отмечает В. Дучко [31, с. 29].

Общие принципы выбора терминов

Если мы говорим о терминологии, то обычно для обозначения того или иного понятия выбирают термин, наиболее точно отражающий суть этого понятия, его основные, наиболее важные черты. Используемые термины должны помогать понять суть явления, а не фиксировать его чисто внешние, второстепенные признаки.

Рассмотрим с этой точки зрения одиозный термин «Русский каганат». Первая часть термина «Русский» относится к русам-скандинавам, народу мореходу. Ибн-Русте отмечает, что русы «на коне смелости не проявляют и все свои набеги и походы совершают на кораблях». Походы русов на Византию совершаются морем [1, с. 139–145].

В ПВЛ содержатся сведения о народах, сидящих по берегам морей, что характерно для народа, совершающего морские набеги и путешествия [3, с. 11]. Таким образом, первая часть термина говорит нам о морском народе, совершающем набеги на кораблях

и занимающемся дальней торговлей по морю и крупным рекам.

Вторая часть термина – «каганат» – обозначает империю кочевого народа, степняков, покоровших ряд других народов. Властитель такой империи носил титул «кагана» – сакрального хана ханов, властителя, олицетворявшего для кочевников божество.

Нет ничего более противоположного, чем кочевники и народ-мореход. Тогда данный термин уже сам по себе сочетает несочетаемое, содержит в себе противоречивую информацию. По сути, данный термин является оксюморном. Замечу, что если посмотреть работы большинства историков, считающих русов скандинавами – то термин «Русский каганат» используется ими очень осторожно, а чаще не упоминается вовсе и речь идет только о титуле вождя русов «каган».

Зато в работах историков-антинорманистов данный термин используется на каждом шагу. И, как правило, вынесен в заголовок статьи или книги. Поскольку вольно или невольно ставит Русь в ряд кочевых народов, точно так же как в ПВЛ летописец поставил Русь в ряд скандинавских народов и отождествил ее с варягами. Собственно именно использование данного термина позволило ренанимизировать давно отвергнутую гипотезу М. В. Ломоносова о происхождении руси от рокс/рухс-алан [4, 5].

Неудовлетворительность термина «Русский каганат»

Убедительно критикует использование термина «Русский каганат» Т. М. Калинина. «Остается неясным, почему исследователь, да и не только он (здесь можно назвать и имена таких видных ученых, как В. В. Седов, П. Б. Голден, О. Прицак, Дж. Шепард, и имена молодых таких как Е. С. Галкина, в работах которой следует отметить весьма агрессивное невежество как в вопросах восточного источникововедения, так и в отношении замечательных ученых-востоковедов), полагают, что если верховный властитель некоего народа назван неким титулом, то государство, которым он управляет, обязательно должно содержать его титулатуру в названии: ведь не называем же мы Византию «басилеей» или Швецию «кунунгией»» [10, с. 17].

Профессиональные историки чувствуют неудовлетворительность данного термина. Назаренко в ходе своей полемики с Петрухиным, лукаво замечает, что первое протогосударственное образование народа Rhos от 839 г.: «в историографии иногда именуют не-

сколько вольным (Sic!) термином «Русский каганат» IX в. Не станем под ним подписываться, но и не будем столь придирчивы, чтобы протестовать против подобного неологизма. Все-таки некое политическое образование, в котором организующую роль играл скандинавский этнический компонент по имени *русь*... во главе которого стоял правитель с титулом «каган» – такое образование налицо. Почему бы ему не именоваться «Русским каганатом»?» [19, с. 35].

Историк здесь, мне кажется, лукавит, делая вид, что не понимает противоречия между термином и обозначаемым данным термином понятием. А по сути, понимает, раз говорит о «несколько вольном» использовании данного термина.

Ответ, на вопрос Назаренко прост. Потому что данный термин на первое место ставит второстепенную черту описываемого объекта – а именно, то, что вождь русов, возможно, по каким-то своим соображениям принял титул, характерный для кочевников и назвал себя «каганом». Скрывая при этом суть объекта, т. е. то, что создано данное вождество или протогосударственное образование русами-скандинавами, народом-мореходом, ничего общего с кочевниками не имеющим и более того, враждебным им. Вся последующая история Руси прошла под знаком борьбы со степняками, сначала печенегами, торками и берендеями, потом с половцами.

Критика гипотезы о титуле вождя русов «каган» и «Русском каганате»

А теперь разберем насколько использование данного термина отвечает исторической реальности.

1. В источниках вообще нет упоминаний о «каганате» русов. Но, поскольку это аргумент *Ex silentio*, то в целом он не является неопровержимым. Неопровержимым его делает отсутствие хоть каких-либо прямых или косвенных упоминаний о «Русском каганате» у тех народов, что согласно письменным источникам должны были сталкиваться с русами непосредственно, торгуя с ними или воюя или вступая в какие-то иные контакты. О «Русском каганате» не упоминают ни византийцы, ни мусульманские писатели и географы. Речь всегда идет только о гипотетическом титуле вождя «каган».

2. Сам титул вождя русов «каган» носит гипотетический характер. Как показал в своей статье Гарипзанов [32, с. 7–11] это вполне может быть имя вождя русов – Хакон. Данное имя одно из наиболее распространенных в

скандинавском именовании. Возражения против гипотезы Гарипзанова основываются на упоминании «кагана норманнов» в письме Людовика II Василию I. А также на упоминании «кагана-рус» у Ибн-Русте и поздних упоминаниях «каганов Руси» в «Слове о Законе и Благодати» митрополита Иллариона и на граффито в софийском соборе.

3. Академик А. А. Куник, на ранних работах которого основывается гипотеза о титуле вождя русов, в одной из последних работ заключил: «...Мы все же не можем с уверенностью принять ни того, что в *Chaganus* скрывается северное имя: Гакон, ни подозревать в нем тюркский титул: хаган» [15, с. 73–84]. К сожалению, современные историки продолжают основываться на его ранней интерпретации этого сообщения Бертинских анналов.

Наиболее детальная и развернутая критика данного термина содержится в работе Толочко [25, с. 112–135]. Ее основные положения сводятся к следующему.

1. Гипотеза о том, что вождь Начальной Руси был признан византийцами «каганом» и мог соперничать своими притязаниями с мощнейшей Хазарской державой, невольно льстила национальному самолюбию историков.

2. Современные исследователи уже не считают нужным доказывать принятие вождем русов титула «каган» и считают данный вопрос решенным.

3. На деле гипотеза о титуле «каган» вождя Начальной Руси «покоится, по существу, на *lectio difficilior*, то есть на проблемном чтении Бертинских анналов, не поддающемся однозначной интерпретации».

4. Южные локализации ранней Руси 839 г. были в основном связаны с титулом вождя русов «каган», так или иначе, по мнению исследователей, связанного с Хазарией.

5. Для того чтобы узурпировать титул «каган» нужно было быть частью степного мира, усвоить политическую культуру кочевников, обладать социальными структурами характерными для кочевников.

6. Как указывает Толочко в степи в разные времена был один и только один каган. Одновременное существование двух каганов не известно. Так как с этим титулом было связано представление о верховной, божественной власти. Правда тюркологи указывают, что это неверно и в Центральной Азии и на Дальнем Востоке во времена тюркского каганата могло быть несколько каганов. Но в хазарском каганате, с которым обычно

сравнивают и сопоставляют так называемый «Русский каганат» мог быть только один каган.

7. Узурпация титула была бы возможна только при уничтожении предыдущего каганата и гибели кагана.

8. Титул «каган» был аналогом императорского. Чтоб стать каганом нужно было подчинить ряд народов. Невозможно было стать императором, не разделяя соединенной с титулом политической традиции или, более того, не имея о ней представления. То есть невозможно было стать каким-нибудь «ладожским» императором.

Относительно нескольких упоминаний «кагана русов» в арабских и древнерусских источниках, что считается основным доказательством, поддерживающим данную гипотезу [25, с. 132–133], Толочко рассматривает каждый случай отдельно.

Толочко не считает в отличие от Назаренко, что в ответе Людовика II на письмо Василия I ««норманнам», управлявшимся собственным каганом, не видно никакого иного соответствия, кроме руси» [19, с. 17].

1. Толочко считает, что с точки зрения логики вовсе необязательно чтобы «всем отрицаниям в письме Людовика симметрично соответствовали положительные утверждения в письме Василия» как обычно это предполагается.

2. Толочко указывает, что Людовик мог поддерживать мнение Василия, только проявляя при этом большую эрудицию. Он отмечает, что так и произошло с титулом вождя болгар. «Цитирование письма Людовика, как правило, обрывают как раз перед этим утверждением, чтобы избежать неловкости: пришлось бы признать, что Василий I утверждал, будто византийский двор признает за болгарским монархом титул каган. Этого не было: Константинополь определял ранг болгарского владетеля как князя (архонта), да и в самой Болгарии, ни в тюркской, ни в славянской номенклатуре титул каган неизвестен» [25, с. 130].

На это же указывает Петрухин [20, с. 141]. Правда на это Назаренко возражает, что из ответа Людовика следует, что в письме Василия I вождя болгар был, якобы, назван *princeps*, а чему соответствовал этот титул непонятно [19, с. 16–17]. Тем не менее, возражения Толочко и Петрухина кажутся достаточно убедительными. Кроме того Толочко отмечает, что сопоставление *nortmanni* из письма Людовика с русью вероятно, но не обязательно верно. В завершение дискуссии То-

лочко напоминает, что «источниковедение несуществующих текстов невозможно», поэтому обсуждать содержание не дошедшего до нас письма Василия I бессмысленно.

3. Относительно упоминания «кагана русов» у Ибн-Русте и в «Худуд-аль-Алам» Толочко считает, что у мусульман бытовало какое-то предание о вожде русов как «кагане». Но считать эти известия достоверными мешает сообщение Ибн-Хордадбеха, датированное именно IX в., где в каталоге различных титулов правителей разных стран каганами названы только властители тюрок, тибетцев и хазар. Отметим, что титул «владыки ас-Сакалиба» у Хордадбеха – *knaz*. А если соотносить это с дискуссией о том, что обозначал термин ас-Сакалиба арабских писателей и географов, то возможно речь идет именно о скандинавах-русах. По мнению Толочко речь вообще может идти в сообщении Бертинских анналов о признании русами, торговавшими на территории Хазарии, власти хазарского кагана.

4. Что же касается наделения титулом «кагана» русских князей в «Слове о Законе и Благодати» Иллариона и в «Слове о полку Игореве», то после завоевания Хазарии Святославом и включения хазар в число поданных русских князей, такой титул вполне понятен, хоть и редко употребим.

Кроме того, кроме И. Г. Семенова [24, с. 3], кажется, никто не обратил внимания на то, что принятие титула «кагана» вождем эфемерного скандинавского вожества было самоубийственной политикой. Особенно при южной локализации этой руси. При тесных отношениях Византии и Хазарии принятие такого титула вождем-самозванцем должно было сразу стать известным в Хазарии и могло послужить прекрасным *casus belli* и немедленно вызвать ответную военную акцию хазар. При северной локализации свеонской руси принятие такого титула было безопаснее, поскольку хазары едва ли пошли бы в лесную зону. Но тогда менее вероятным становится принятие хазарского титула северным вождем, едва ли имеющим представление о кагане хазар.

Пожалуй, наиболее оправданным данный сомнительный термин мог бы быть при принятии гипотезы Голдена о бегстве на Русь последнего хазарского кагана. Хотя все остальные возражения против использования данного термина остаются справедливыми и при этой гипотезе.

Можно по-разному относиться к данной критике термина «Русский каганат», но то, что

в этом термине сочетается несочетаемое делением. ет его, на мой взгляд, непригодным к употреб-

Список источников и литературы

1. *Азбелев, С. Н.* Совершались ли сухопутные походы Руси на Константинополь / С. Н. Азбелев // Труды Первой Международной конференции "Начала Русского мира", состоявшейся 28–30 октября 2010 года. – Санкт-Петербург, 2011. – С. 139–145.
2. *Александров, А. А.* О руссах на Западе и на Востоке: от Ингельхайма до Могилевского кладя / А. А. Александров // Гістарычна археалагічны зборнік. – 1997. – № 12. – С. 17–23.
3. *Барсов, Н. П.* Очерки русской исторической географии: география начальной (Несторовой) летописи / исслед. Н. П. Барсова, э. о. проф. и библиотекаря Имп. Варшавского ун-та. – 2-е изд., испр. и доп. алф. указ. – Варшава : Тип. К. Ковалевского, 1885. – 371 с.
4. *Галкина, Е. С.* Тайны Русского каганата / Е. С. Галкина. – Москва, Вече, 2002. – 432 с.
5. *Галкина, Е. С.* Русский каганат. Без хазар и норманнов / Е. С. Галкина. – Москва: Издательство Алгоритм, 2012. – 336 с.
6. *Галкина, Е. С.* Росский каганат и остров русов / Е. С. Галкина // Славяне и Русь: Проблемы и идеи. Концепции, рожденные трехвековой полемикой, в хрестоматийном изложении / сост. А. Г. Кузьмин. – Москва, 1998. – С. 456–481.
7. *Гедеонов, С. А.* Отрывки из исследований о варяжском вопросе / С. А. Гедеонов // Записки Императорской Академии наук. – 1862. – Т. 1. – С. 105–106.
8. *Жих, М. И.* Древняя Русь и ее степные соседи: К проблеме Русского каганата. Рец. на кн.: Галкина Е.С. 1) Тайны Русского каганата. Москва, 2002; 2) Номады Восточной Европы: этносы, социум, власть (I тыс. н.э.) / М. И. Жих // Международный исторический журнал «Русин» [Кишинёв]. 2009. – № 3 (17). – С. 147–157.
9. *Иванов, С. А.* Гипотеза К. Цукермана и византийские источники о христианизации Руси в IX в / С. А. Иванов // Славяноведение. – 2003. – № 2. – С. 20–22.
10. *Калинина, Т. М.* Восточные источники о древнерусской государственности (К статье К. Цукермана «Два этапа формирования Древнерусского государства») / Т. М. Калинина // Славяноведение. – 2003. – №2. – С. 15–19.
11. *Климов, У. В.* Титулатура правителя в Древней Руси / У. В. Климов // Вопросы истории. – 2013. – № 8. – С. 153–157.
12. *Комар, О. В.* Про час і обставини прийняття титулу “хакан” правителем русів / О. В. Комар // Дружинні старожитності Центрально-Східної Європи VIII–XI ст. Чернігів, 2003. – С.102–107.
13. *Коновалова, И. Г.* О возможных источниках заимствования титула «каган» в Древней Руси // Славяне и их соседи. – 2001. – Вып. 10: Славяне и кочевой мир. – С. 108–135.
14. *Коновалова, И. Г.* Еще раз о кагане русов Бертинских анналов / И. Г. Коновалова // Восточная Европа в древности и средневековье. Политические институты и верховная власть. XIX Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР Владимира Терентьевича Пашуто (Москва, 16–18 апреля 2007 г.). Материалы конференции. Москва, 2007. – С.117–119.
15. *Куник, А. А.* Замечания / А. А. Куник // Записки императорской Академии наук. – 1864. – Т. VI. – Приложение № 2. – С. 53–84.
16. *Лисюченко, И. В.* Титулатура правителей Руси и хазарское влияние: между христианством и язычеством (князь, каган или король) // Вестник Ставропольской духовной семинарии. – 2015. – Вып. 2 (2). – С. 72–89.
17. *Мачинский Д. А.* Некоторые предпосылки, движущие силы и исторический контекст сложения Русского государства в середине VIII – середине XI в. // Сложение русской государственности в контексте раннесредневековой истории Старого Света. Труды Государственного Эрмитажа. – 2009. – Вып. XLIX. – С. 460–616.
18. *Мельникова, Е. А.* «Князь» и «каган» в ранней титулатуре Древней Руси / Е. А. Мельникова // Древняя Русь и Скандинавия. Избранные труды. – Москва: Ун-т Дмитрия Пожарского, 2011. – С. 114–122.
19. *Назаренко, А. В.* Русь IX века: обзор письменных источников / А. В. Назаренко // Русь в IX–X веках. Археологическая панорама / РАН, Ин-т археологии, Рос. гуманитар. науч. фонд ; отв. ред. Н. А. Макаров. – Москва; Вологда : Древности Севера, 2012. – 496 с.
20. *Петрухин, В. Я.* «Русский каганат», скандинавы и Южная Русь: средневековая традиция и стереотипы современной историографии // Древнейшие государства Восточной Европы. – Москва. – 1999. – С.127–142.
21. *Петрухин, В. Я.* О «Русском каганате», начальном летописании, поисках и недоразумениях в новейшей историографии / В. Я. Петрухин // Славяноведение. – 2001. – №4. – С. 78–82.
22. *Седов, В. В.* Русский каганат IX в. / В. В. Седов // Отечественная история. – 1998. – № 4. –

С. 3–15.

23. *Седов, В. В.* О руссах и Русском каганате IX в. (В связи со статьей К. Цукермана «Два этапа формирования Древнерусского государства») / В. В. Седов // *Славяноведение*. – 2003. – №2. – С. 3–14.

24. *Семенов, И. Г.* К вопросу об отношениях Руси и Хазарского каганата в IX первой половине X века / И. Г. Семенов // *Славяноведение*. – 2010. – № 2. – С. 3–11.

25. *Толочко, А. П.* Очерки начальной руси / А. Толочко. – Киев; Санкт-Петербург: Лаурус, 2015. – 336 с.

26. *Толочко, П. П.* Русь изначальная // *Археология*. Киев. / А. Толочко. – 2003. – №1. – С. 101–103.

27. *Томсинский, С. В.* «Блуждающий каганат русов»: перспективы дальнейшей полемики / С. В. Томсинский // *Stratum plus*. – 2013. – №5. – С.275–281.

28. *Цукерман, К.* Два этапа формирования древнерусского государства / К. Цукерман // *Славяноведение*. – 2001. – №4. – С.55–77.

29. *Шинаков, Е. А.* Три первых упоминания русов (росов) конца 30 - начала 40-х гг. IX в. в международном аспекте / Е. А. Шинаков // *Вестник Брянского государственного университета*. – 2014. – № 2. – С. 158–165.

30. *Щавелев, А. С.* Племя северян и хазарские крепости: еще раз о геополитике юга Восточной Европы первой половины IX века / А. С. Щавелев // *Книга картины Земли. Сборник статей в честь Ирины Геннадиевны Коноваловой*. / под ред. Т. Н. Джаксон и А. В. Подосинова. Москва: Издательство «Индриу», 2014. – С. 323–329.

31. *Duczko, W.* Viking Rus: Studies on the Presence of Scandinavians in Eastern Europe. The Northern World, V. 12. / W. Duczko. – Leiden: Brill Academic Pub, 2004. – 326 p.

32. *Garipzanov, I.* The annals of St.Bertin (839) and Chacanus of the Rhos // *Ruthenica*. – 2006. – №5. – P.7–11.

33. *Golden, P. B.* The Question of the Rus' Qaganate // *АЕМА*. – 1982. – Т. II. – P. 77–97.

Губарев Олег Львович – независимый исследователь, историк (г. Санкт-Петербург, Россия), lvovich@rambler.ru

EMBASSY OF THE RUSS IN 839 AND OXYMORON "RUSSIAN KHAGANATE "

Gubarev O. L.

Despite the fair criticism of this term, the concept of "Russian Khaganate" came into use. It refers to a hypothetical chiefdom from which ambassadors arrived in 839 to the court of Louis the Pious. Since the main requirement of terminology as a science is the correspondence of the essence of the term to its name, the purpose of this article is to show that this term combines the incompatible and is an oxymoron unsuitable for use.

Keywords: Khagan, Nakon, Russian Khaganate, localization, sailors, nomads, oxymoron.

References

1. *Azbelev S. N.* Sovershalis li suhoputnye pohody Rusi na Konstantinopol [Did land campaigns of Russia against Constantinople take place]. Trudy Pervoj Mezhdunarodnoj konferencii "Nachala Russkogo mira", sostoyavshejsya 28–30 oktyabrya 2010 goda. Sankt-Peterburg., 2011. P. 139–145. (In Russ.)

2. *Aleksandrov A. A.* O russah na Zapade i na Vostoke: ot Ingelhajma do Mogilevskogo klada [About Russes in the West and in the East: from Ingelheim to the Mogilev treasure]. Gistarychna arhealagichny zbornik, (12), Minsk, 1997. P. 17–23. (In Russ.)

3. *Barsov N. P.* Oчерки russkoj istoricheskoy geografii : geografiya nachalnoj (Nestorovoj) letopisi [Essays on Russian Historical Geography : the geography of the initial (Nestorian) Chronicle]/ issled. N. P. Barsova, e. o. prof. i bibliotekarya Imp. Varshavskago un-ta. - 2-e izd., ispr. i dop. alf. ukaz. Varshava : Tip. K. Kovalevskogo, 1885. (In Russ.)

4. *Galkina E. S.* Tajny Russkogo kaganata [Secrets of the Russian Khaganate]. Moscow, Veche, 2002. (In Russ.)

5. *Galkina E. S.* Russkij kaganat. Bez hazar i normannov [Russian Khaganate. Without Khazars and Normans]. Moscow: Izdatelstvo Algoritm, 2012. (In Russ.)

6. *Galkina E.S., Kuzmin A.G.* Rosskij kaganat i ostrov rusov [The Ross Khaganate and the island of Rus]. Slavyane i Rus: Problemy i idei. Konceptii, rozhdennye trehvekovoj polemikoj, v hresto-

- matijnom izlozhenii [Slavs and Russia: Problems and ideas. Concepts born of three centuries of controversy, in a textbook presentation]. Moscow, 1998. P. 456–481. (In Russ.)
7. *Gedeonov S. A.* Otryvki iz issledovanij o varyazhskom voprose [Excerpts from research on the Varangian question]. Zapiski Imperatorskoj Akademii nauk [Notes of the Imperial Academy of Sciences.]. T. 1. 1862. P. 105–106. (In Russ.)
8. *Zhih M. I.* Drevnyaya Rus i ee stepnye sosedi: K probleme Russkogo kaganata. [Concerning the Problem of the «Russian Kaganate»: Medieval Rus' and its Neighbors of the Steppe] Rec. na kn.: Galkina E.S. 1) Tajny Russkogo kaganata. Moskva, 2002; 2) Nomady Vostochnoj Evropy: etnosy, socium, vlast (I tys. n.e.) / M.I. Zhih // Mezhdunarodnyj istoricheskij zhurnal «Rusin» [Kishinyov] [International historical journal "Rusin" [Chisinau].]. № 3 (17), 2009. P. 147–157 (In Russ.)
9. *Ivanov S. A.* Gipoteza K. Cukermana i vizantijskie istochniki o hristianizcii Rusi v IX v [K.Zuckerman's Concept and Byzantine Sources about the Conversion of Russia Christianity in IX Century]. Slavyanovedenie [Slavic studies.]. 2003. №2. P. 20–22. (In Russ.)
10. *Kalinina T. M.* Vostochnye istochniki o drevnerusskoj gosudarstvennosti (K state K.Cukermana «Dva etapa formirovaniya Drevnerusskogo gosudarstva») [Oriental Sources on the Russian Statehood (to the K. Zuckerman's Article "Two Stages of Old Russian State Establishment"). Slavyanovedenie [Slavic studies.]. 2003. №2. P. 15–19. (In Russ.)
11. *Klimov U. V.* Titulatura praviteley v Drevnej Rusi [Title of ruler in ancient Russia]. Voprosy istorii [Questions of history]. 2013. № 8. P. 153–157. (In Russ.)
12. *Komar O. V.* Pro chas i obstavini priinyattya titulu "hakan" pravitelem rusiv [About the time and circumstances of the adoption of the title "hakan" by the ruler of the Rus]. Druzhinni starozhitnosti Centralno-Shidnoyi Yevropi VIII-HI st. Chernigiv [Druzhinni old-timers of Central Europe VIII-XI Chernigiv]. 2003. P. 102–107. (In Russ.)
13. *Konovalova I. G.* O vozmozhnyh istochnikah zaimstvovaniya titula «kagan» v Drevnej Rusi [About possible sources of borrowing the title "Kagan" in Ancient Russia]. Slavyane i ih sosedi [Slavs and their neighbors]. 2001. V. 10: Slavyane i kochevoj mir. P. 108–135. (In Russ.)
14. *Konovalova I. G.* Eshe raz o kagane rusov Bertinskih annalov [Once again about the kagan of the Russ of the Bertin Annals]// Vostochnaya Evropa v drevnosti i srednevekove. Politicheskie instituty i verhovnaya vlast. XIX Chteniya pamyati chlena-korrespondenta AN SSSR Vladimira Terentevicha Pashuto (Moskva, 16–18 aprelya 2007 g.). Materialy konferencii. Moscow, 2007. P. 117–119. (In Russ.)
15. *Kunik A. A.* «Zamechaniya» [na M. Pogodin. G. Gedeonov i ego sistema] ["Comments" [on M. Pogodin. G. Gedeonov and his system]]. Zapiski Imperatorskoj Akademii nauk [Notes of the Imperial Academy of Sciences]. 1864. N° 2. P. 73–84. (In Russ.)
16. *Lisyuchenko I. V.* Titulatura pravitelej Rusi i hazarskoe vliyanie: mezhdru hristianstvom i yazychestvom (knyaz', kagan ili korol') [Notes of the Imperial Academy of Sciences]. Vestnik Stavropolskoj duhovnoj seminarii [Bulletin of the Stavropol Theological Seminary.]. 2015. Issue. 2(2). P. 72–89. (In Russ.)
17. *Machinsky D. A.* Nekotorye predposylki, dvizhushie sily i istoricheskij kontekst slozheniya Russkogo gosudarstva v seredine VIII - seredine XI v. [Some prerequisites, driving forces and historical context for the formation of the Russian state in the middle of the VIII - the middle of the XI centuries]. Slozhenie russkoj gosudarstvennosti v kontekste rannesrednevekovoj istorii Starogo Sveta. Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha. Vyp. XLIX. Sankt-Peterburg [The formation of Russian statehood in the context of the early medieval history of the Old World. Proceedings of the State Hermitage]. 2009. Issue. XLIX. P. 460–616. (In Russ.)
18. *Melnikova E. A.* "Knyaz" i "kagan" v rannej titulature Drevnej Rusi ["Prince" and "kagan" in the early titles of Ancient Russia]. Drevnyaya Rus i Skandinavija. Izbrannye Trudy [Ancient Russia and Scandinavia. Selected works]. – Moscow: Un-t Dmitriya Pozharskogo, 2011. P. 114–122. (In Russ.)
19. *Nazarenko A. V.* Rus IX veka: obzor pismennyh istochnikov [Russia of the IX century: a review of written sources]// Rus v IX - X vekah. Arheologicheskaya panorama / RAN, In-t arheologii, Ros. gumanit. nauch. fond ; otv. red. N. A. Makarov. – Moscow; Vologda, 2012. (In Russ.)
20. *Petrukhin V. Ya.* "Russkij kaganat", skandinav i Yuzhnaya Rus: srednevekovaya tradiciya i stereotipy sovremennoj istoriografii ["Russian Kaganate", Scandinavians and Southern Russia: Medieval Tradition and Stereotypes of Modern Historiography]. Drevnejshie gosudarstva Vostochnoj Evropy [Ancient states of Eastern Europe]. – 1999. – Moscow: "Vostochnaya literatura" RAN, 2001. P. 127–142. (In Russ.)
21. *Petruhin V. Ya.* O «Russkom kaganate», nachalnom letopisanii, poiskah i nedorazumeniyah v novejshej istoriografii [About the "Russian kaganate", Early Chronicles, Search and Misunderstanding in Modern Historiography]. Slavyanovedenie [Slavic studies]. 2001. №4. P. 78-82. (In Russ.)
22. *Sedov V. V.* Russkij kaganat IX v.[The Russian Khaganate in IX century]. Otechestvennaya istoriya [Domestic History]. 1998. № 4. P. 3–15. (In Russ.)

23. *Sedov V. V.* O russah i Russkom kaganate IX v. (V svyazi so statej K. Cukermana «Dva etapa formirovaniya Drevnerusskogo gosudarstva») [Russes and Russian Kaganate in IX Century (to the K. Zuckerman's Article "Two Stages of Old Russian State Establishment")]. *Slavyanovedenie* [Slavic studies]. 2003. №2. P. 3–14. (In Russ.)

24. *Semyonov I. G.* K voprosu ob otnosheniyah Rusi i Hazarskogo kaganata v IX pervoj polovine X veka [On the Relationships Between Russia and Khazaria in IX - Fir4st Half of the X centuries]. *Slavyanovedenie* [Slavic studies]. 2010. № 2. P. 3–11. (In Russ.)

25. *Tolochko A. P.* Ocherki nachalnoj rusi [Essays on early Russia]. Kiev; Sankt-Peterburg: Layrus, 2015. (In Russ.)

26. *Tolochko P. P.* Rus iznachalnaya [original Russia]. *Arheologiya*. Kiev [Archeology. Kyiv]. 2003. №1. P. 101–103.

27. *Tomsinsky S. V.* «Bluzhdayushij kaganat rusov»: perspektivy dalnejshej polemiki ["The Wandering Khaganate of Russ": prospects for further controversy]. *Stratum plus*. №5, 2013. P. 275–281. (In Russ.)

28. *Zuckerman K.* Dva etapa formirovaniya drevnerusskogo gosudarstva [Two stages of the formation of ancient Russian state]. *Slavyanovedenie* [Slavic studies]. 2001. №4. P. 55–77. (In Russ.)

29. *Shinakov E. A.* Tri pervyh upominaniya rusov (rosov) konca 30 - nachala 40-h gg. IX v. v mezhdunarodnom aspekte [The first three mentions of the Rus (Ros) of the late 30s - early 40s of the IX century in the international aspect]. *Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Bryansk State University]. 2014. № 2. P. 158–165. (In Russ.)

30. *Shchavelev A. S.* Plemya severyan i hazarskie kreposti: eshe raz o geopolitike yuga Vostochnoj Evropy pervoj poloviny IX veka [The tribe of Severians and the Khazar fortresses: once again about the geopolitics of the South of Eastern Europe in the first half of the IX century]. *Kniga kartiny Zemli. Sbornik statej v chest Iriny Gennadievny Konovalovoj. Pod redakciej T. N. Dzhakson i A. V. Podosinova* [The book of the picture of the Earth. Collection of articles in honor of Irina Gennadievna Konovalova. ed. by T. N. Jackson and A. V. Podosinov]. Moscow: Izdatelstvo «Indrik», 2014. P. 323–329. (In Russ.)

31. *Duczko W.* Viking Rus: Studies on the Presence of Scandinavians in Eastern Europe. *The Northern World*, V. 12. Leiden: Brill Academic Pub, 2004. 326 p.

32. *Garipzanov I.* The annals of St.Bertin (839) and Chacanus of the Rhos. *Ruthenica*. 2006. №5. P. 7–11.

33. *Golden R. V.* The Question of the Rus' Qaganate. *AEMA*. 1982. T. II. P. 77–97.

Gubarev Oleg Lvovich – independent researcher, historian (St. Petersburg, Russia), Ivovichg@rambler.ru

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ:

Губарев, О. Л. Посольство русов 839 г. и оксюморон «русский каганат» / О. Л. Губарев // Социогуманитарные коммуникации. – 2022. – №2(2). – С. 43–50.

FOR CITATION:

Gubarev O. L. Posol'stvo rusov 839 g. i oksyumoron "russkij kaganat" [Embassy of the Russ in 839 and oxymoron "Russian khaganate"]. *Socio-humanitarian communications* [Socio-humanitarnye kommunikacii]. 2022. №2(2). P. 43–50.

УДК 82(480)

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ХОЛЬГЕРА ШИЛЬДТА И ЕЕ ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ ЛИТЕРАТУРНОЙ ЖИЗНИ ФИНЛЯНДИИ 1910–1920-х гг.

Дорофеева Е. А.

В статье рассматривается жизнь и деятельность известного финляндского издателя Хольгера Шильдта (1889–1964), оказавшего большое влияние на формирование литературных вкусов 1910–1920-х гг. и развитие издательского дела в Финляндии. Благодаря литературному чутью и смелости Шильдта впервые были изданы произведения шведоязычных писателей-модернистов (Э. Сёдергран, Х. Ульссон, Э. Диктониус, А. Мёрне и другие), намного позже получившие признание читателей и критиков.

Отдельного внимания заслуживают достижения Х. Шильдта в издательском деле: как коммерческие находки, в том числе до сих пор практикуемая в Финляндии технология совместных со шведскими издательствами проектов по выпуску некоторых книг, так и революционная для Скандинавии, и, в особенности, Финляндии начала века деятельность в области авторского права.

Ключевые слова: Хольгер Шильдт, издательская деятельность, авторские права в Скандинавии и Финляндии.

Хольгер Шильдт (Holger Schildt, 1889–1964) – человек удивительной судьбы, во многом опередивший свое время. Основанное им в 1913 г. издательство и сегодня носит его имя, однако о жизни и деятельности этого человека известно не так много.

Прирожденный книгоиздатель, Хольгер Шильдт многие годы активно участвовал в формировании литературных вкусов своего времени, причем не только в Финляндии, но и в Швеции. Именно благодаря его литературному чутью, смелости и известной доле авантюризма шведоязычные писатели-модернисты были изданы и услышаны. Официальное признание, как критиков, так и широкой пуб-

лики, пришло к ним гораздо позже. А достижения Шильдта в издательском деле – как коммерческие находки, так и революционные для Финляндии начала века проекты в области авторского права – заслуживают отдельного внимания.

В феврале 2012 г. в издательском мире Финляндии произошло достаточно важное событие: объединились два старейших издательства, специализирующиеся главным образом на шведоязычной литературе, – издательство Шильдта (Schildts Förlag) и издательство Сёдерстрёма (Söderströms förlag). Новое издательство Schildts & Söderströms (рис. 1) получило красивый логотип - обращенные друг к другу буквы «S»,

SCHILDTS & SÖDERSTRÖMS

Рис. 1. Логотип Schildts&Söderströms

напоминающие, с одной стороны, лебединые шеи, с другой, – сердце. Однако отношения между издательствами, во главе которых изначально стояли родственники, были в свое время очень драматичными. Около ста лет тому назад подобное объединение и даже партнерство, вряд ли кто-то мог себе представить.

В 1891 г. Вернер Сёдерстрём (Werner Söderström, 1860–1914), сын книготорговца Густава Леопольда Сёдерстрёма, основал издательство Söderströms förlag. Его племянник Хольгер Шильдт, со школьных лет увлеченный книгами, не представлял себе будущей профессии вне книготоргового дела. В 1911 г. молодой человек закончил двухгодичную высшую шведскую экономическую школу в Гельсингфорсе. Поработав немного в магазине Академкнига, в 1912 г. молодой отправился в Швецию, решив стать волонтером в известном стокгольмском издательстве Albert Bonners förlag. Все это помогло Хольгеру Шильдту приобрести опыт, а также контакты издательской сфере, которые впоследствии окажутся очень полезными.

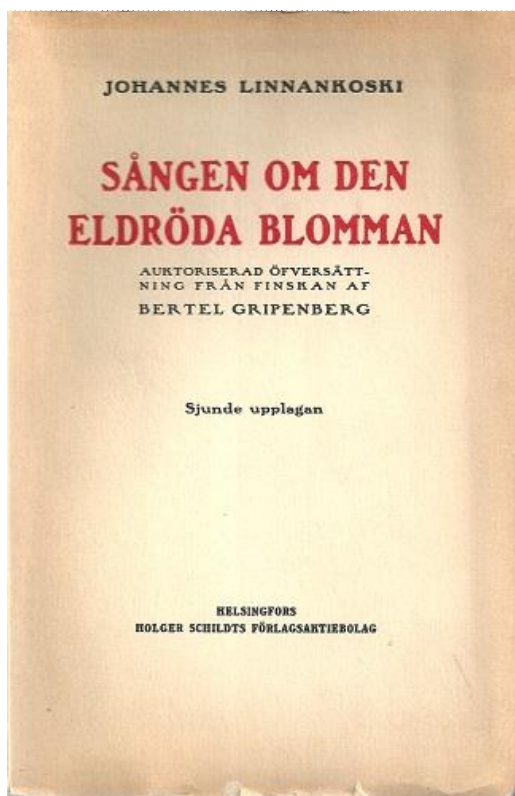

Рис. 2. «Песнь об огненно-красном цветке» (обложка книги)

Вернувшись в Гельсингфорс, Шильдт чувствовал себя полностью готовым к работе в издательстве. Он обратился к ближайшему родственнику, своему дяде, успешному

издателю, Вернеру Сёдерстрёму. Однако получил отказ. Молодому человеку с образованием и опытом работы в крупном шведском издательстве не нашлось здесь места. Но 24-летний Хольгер Шильдт не стал унывать, и уже через год, в 1913 г., открыл собственное издательство.

Первой изданной Шильдтом книгой стало известное произведение финского писателя Йоханнеса Линнанкоски (Johannes Linnankoski, 1869–1913) «Песнь об огненно-красном цветке» (рис. 2) в шведском переводе Бертеля Грипенберга (Bertel Gripenberg, 1878–1947).

Х. Шильдт купил права на этот перевод у небольшого издательства Helios, в котором книга вышла в 1906 г., через год после финского издания, но осталась практически незамеченной. Интуиция не подвела начинающего издателя, это была удача! Книга имела огромный успех, как в Финляндии, так и в Швеции, один тираж выходил вслед за другим (в 1919 г. появилось уже пятое переиздание!) Благодаря этому изданию на шведском языке книга финского писателя стала известна не только в Швеции, появились переводы и на другие европейские языки. В 1919 г. известным финско-шведским режиссером Мауритцем Штиллером (Mauritz Stiller, 1883–1928) был снят одноименный фильм – *Sången om den eldröda blomman* (1919), который имел огромный успех у публики.

Первый издательский проект Шильдта показал, что молодой человек обладал не только интуицией, но и талантом в области коммерции. Уже в следующем году он переезжает в г. Борго, где издает двадцать книг. В число его авторов входят Арвид Мёрне (Arvid Mörne), Ярл Хеммер (Jarl Hemmer), Рагнар Экелунд (Ragnar Ekelund), Туре Янссон (Ture Jansson), кузен Рунар Шильдт (Runar Schildt), Ялмар Прокопе (Hjalmar Procope). Причем некоторых из них он «перекупает» у Сёдерстрёма, становясь тем самым его главным конкурентом. Хольгер Шильдт с самого начала ставит своей целью издавать качественные книги. Через несколько лет он попытался даже выкупить часть акций издательства Сёдерстрёма. Шильдт интересовался игрой на бирже, ценными бумагами, известно, что это помогло ему увеличить свой капитал во время первой мировой войны.

Ситуация на издательском рынке Финляндии на рубеже веков была непростая. В 1890-е гг. существовало строгое разделение: одни издательства занимались исключительно

но шведоязычной литературой, другие (в первую очередь, основанная в 1890 г. Отава/Otava) издавали книги только на финском языке. Хольгер Шильдт попытался преодолеть это разграничение, что впоследствии едва не обернулось для него катастрофой. Но это случилось позднее, а в 1915–1916 гг. Шильдт преуспевал.

С каждым годом количество изданных им книг росло. Круг авторов пополнился такими именами, как Эдит Сёдергран (Edit Södergran), Хагар Ульссон (Hagar Olsson), позднее Элмер Диктониус (Elmer Diktonius). Шильдт не считал себя сведущим в поэзии, и потому нанял своего племянника Рунара Шильдта (Runar Schildt, 1888–1925) консультантом по поэтическим вопросам. Так, именно последний принял решение рекомендовать стихотворения Эдит Сёдергран к публикации. В начале 1916 г. никому неизвестная Сёдергран написала письмо Хольгеру Шильдту и предложила ознакомиться со своим дебютным лирическим сборником. Не получив ответа, в мае того же года она написала лично Рунару Шильдту, который заинтересовался ее стихотворениями. Возможно, именно он смог предвидеть, что эта подлинная, страстная поэзия штормовым ветром ворвется в шведскую лирику и займет в ней свое особое место.

Но это случилось намного позднее. А в середине 1910-х гг. подобные издания не приносили ни прибыли, ни славы. К примеру, первый сборник Сёдергран «Стихотворения» (*Dikter*, 1916) вышел тиражом 500 экземпляров, но доходы от продаж не покрывали расходов. Однако аналитическая работа Шильдта при составлении ассортимента издательства приносила свои плоды. Он выстроил определенную стратегию. Им были куплены исключительные права на издание шведоязычной финской классики. Собрания сочинений и юбилейные издания Й. Л. Рунеберга, С. Топелиуса, новые издания К. А. Тавастшерны, Ю. Векселля, – все это приносило не слишком большой, но стабильный доход. Шильдт также расширял ассортимент за счет отдельных изданий учебной и научно-популярной литературы.

Хольгер Шильдт стал автором важного нововведения: он начал практиковать совместные со шведскими издательствами проекты по изданию некоторых книг (так называемые *delupplagor*), практика, которая продолжается по сей день. Молодой издатель в первую очередь возобновил свои деловые контакты с Albert Bonniers Förlag. Шильдт

прекрасно понимал, что в Финляндии читательская аудитория, интересующаяся книгами на шведском языке, невелика, и численность ее будет только уменьшаться. Партнерские отношения со шведским издательством давали возможность увеличения тиража, а также, что не менее важно, дополнительного рынка. Таким образом, у шведоязычной финской литературы, а также отдельных произведений финской литературы в шведских переводах появилась многочисленная дополнительная аудитория шведских читателей. Так, вышеупомянутая «Песнь об огненно-красном цветке» имела большой успех в Швеции, издание оказалось очень успешным с коммерческой точки зрения.

Чрезвычайно важными, можно сказать, революционными для Финляндии стали проекты Хольгера Шильдта в области авторского права. Знаменитая Бернская конвенция 1886 года об охране литературных и художественных произведений была принята Швецией в 1904 г., а Финляндией только в 1928 г. Х. Шильдт уже в 1920 г. в качестве эксперимента купил права на детскую книгу норвежской писательницы Барбры Ринг (Barbra Ring, 1870–1955), которые потом продал одному шведскому издательству. Через пару лет эта деятельность стала приносить немалый доход. Шильдт выбирал произведения иностранных авторов, которые могли представлять интерес для шведского читателя, покупал на них права, а затем успешно перепродавал их.

Все эти коммерческие проекты разрабатывались параллельно с интенсивной издательской деятельностью. В эти годы Хольгер Шильдт процветал. Со своей супругой Матильдой (урожденной Шаупп), родители которой переселились в Борго из Эльзаса, он переехал в 1917 г. в Гельсингфорс. Он вел роскошный образ жизни: приобрел дом в лучшем квартале города, типографию, ездил на книжные выставки за границу. Так, Шильдт был первым издателем из Финляндии, посетившим книжную ярмарку в Лейпциге. Сохранилась фотография, на которой он запечатлен со своим кузенком Рунаром Шильдтом во время поездки на ярмарку (на мерседесе, принадлежавшем издательству).

Хольгер Шильдт вторгся в только еще зарождавшийся в Скандинавии бизнес продажи авторских прав. Неизвестный финский издатель неожиданным образом стал одним из крупных игроков на этом рынке. Главным скандинавским литературным агентом того

времени и первопроходцем в этой области был датчанин – доктор Давид Грюнбаум (David Grünbaum, 1888–1976), основавший в 1912 г. в Копенгагене первое в Скандинавии литературное агентство. Грюнбаум был преподавателем гимназии, доцентом и переводчиком. Агентство по авторским правам Bookman стало чрезвычайно успешным проектом, в который Грюнбаум (рис. 3) долгие годы вкладывал свои силы и невероятную энергию. В 1950-е гг. он был вынужден отойти от дел из-за серьезных проблем со зрением. В 1960-х гг. написал ряд газетных статей с воспоминаниями об авторах и издателях, а в 1970 г. вышла в свет книга его мемуаров «День за днем. Несколько мгновений долгой жизни» [2]. Интересно, что Bookman Literary Agency существует по сей день, и руководит им дочь сотрудницы агентства, работавшей там 1950-е гг. еще при Д. Грюнбауме!

Рис. 3. Давид Грюнбаум

Однако вернемся в Финляндию 1920-х гг. В 1926 г. Шильдт встретился с Грюнбаумом в Копенгагене и договорился о принципах сотрудничества. Кроме того, оказалось, что оба компаньона – заядлые филателисты, что еще больше укрепило их деловые отношения. Часто письма Шильдта заканчивались припиской: «Прошу принять в качестве подарка прилагаемую марку, которой не было в Вашей коллекции» [3].

В 1925–1926 гг. Хольгер Шильдт подписал десятки контрактов о правах на публикации переводов зарубежной литературы через агентство Грюнбаума и стал его важнейшим клиентом. Шведские издательства оказались в непростой ситуации. Когда они отправляли запросы на публикации новых английских или американских романов, то часто получали от Давида Грюнбаума совет обратиться к господину Хольгеру Шильдту в Гельсингфорс, который владеет правами на

произведения данных англоязычных авторов.

Литературное чутье Шильдта было уникальным. Он буквально открывал новые имена шведской и финской публике. Романы Эрнеста Хемингуэя, Дона Пассоса, Шервуда Андерсона и других американских писателей становились настоящим событием, меняли культурную жизнь современников финляндского издателя.

Вскоре Хольгер Шильдт решил покупать права и на финские переводы. Он взял в помощники журналиста и писателя Эйно Тикканена (Eino Tikkanen, 1889–1953), который вращался в кругу молодых финских писателей и мог быть консультантом в этом вопросе. Так, в издательстве Шильдта были впервые опубликованы новеллы не известного тогда молодого писателя Мика Валтари (Mika Waltari, 1908–1979). Книга называлась «Мертвые глаза» («Kuolleet silmät») и вышла в свет в 1926 г. под псевдонимом Кристиан Корппи (Kristian Korppi). Интересно, что Валтари в юности хотел стать поэтом и предлагал свои стихотворения для публикации. Но консультант издательства посоветовал молодому писателю обратиться к прозе. М. Валтари последовал совету и написал сборник новелл.

Хольгер Шильдт успел издать тридцать книг на финском языке, прежде чем ему пришлось оставить любимое им дело. Как уже отмечалось, в те годы крупные издательства по некоему негласному соглашению делились на шведоязычные и финноязычные. Хольгер Шильдт попытался преодолеть это разделение. Известно, что в начале декабря 1925 г. он написал письма руководству крупнейшего шведоязычного издательства Werner Söderström OY и крупнейшего финноязычного издательства Otava. Письмо содержало информацию о том, что в ближайшие годы Schildt собирается осуществить ряд публикаций на финском языке, в первую очередь переводной литературы, на издание которой у

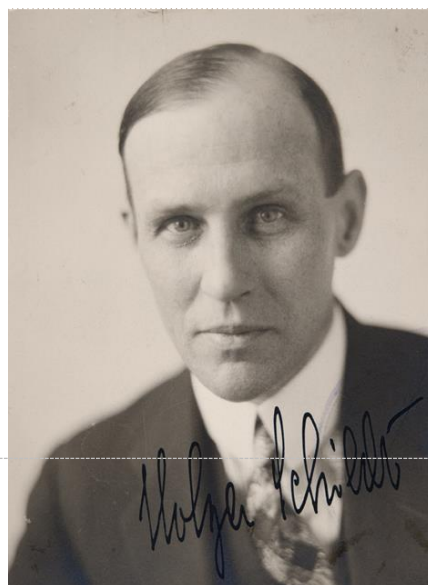

Рис. 4. Хольгер Шильдт (1930-е гг.)

Х. Шильдта имелись авторские права. И делается это не для того, чтобы увеличить конкуренцию, а вызвано совсем иными причинами. Он надеется на понимание и возможность решения всех конфликтных ситуаций путем соглашения. Ответная реакция доподлинно неизвестна (ответных писем не сохранилось), но последующие события показали, что она была крайне негативной и жесткой. Последовали жалобы на издательство Шильдта в Союз книгоиздателей, а затем бойкот со стороны коллег и книготорговцев.

У Хольгера Шильдта (рис.4) начались финансовые проблемы. Он был вынужден продать свою типографию, отменить поездки на международные книжные ярмарки. Шильдта не устраивало такое положение вещей. Он не видел возможности разрешить этот конфликт и принял решение продолжить заниматься издательским бизнесом в Швеции.

Так, в 1928 г., несмотря на предостережения друзей, Хольгер Шильдт официально переезжает в Швецию. Там его хорошо знали, интервью с известным издателем из Финляндии было опубликовано на первой полосе газеты Хювудстадсбладет (Huvudstadsbladet) [4]. В Стокгольме он покупает издательство «Vohlin&Co» и возлагает большие надежды на восстановление деловых контактов со шведскими издательствами. Но последние были уже не столь рады сотрудничеству, ведь теперь финский издатель стал для них не партнером, а конкурентом.

Таким образом, блестящей карьеры в Швеции с новым издательством не получилось. Впоследствии Хольгер Шильдт работал на другие издательства. Финский издатель Ярл Хеллеманн (Jarl Hellemann, 1920–2010) на первых страницах своей книги «Хольгер Шильдт. Авантюрист в двух странах» (2003) описывает свою неожиданную встречу с Шильдтом в издательстве «Wahlström&Widstrand» в Стокгольме в 1946 г.: «...Пока я сидел и просматривал свежую газету, я увидел, как из глубины коридора

большими широкими шагами ко мне приближается человек, черты лица которого мне показались знакомыми. Он подошел ко мне и протянул руку: «Я только хотел поздороваться с земляком, – сказал он. – Я – Хольгер Шильдт» [3].

В Швеции у Хольгера Шильдта не получилось блестящей карьеры. Он работал в разных издательствах, и довольно успешно, всегда интересовался и был в курсе того, что происходит в издательском мире Финляндии. Но, безусловно, его звездный час пришелся на период 1915–1925 гг. Ведь именно в те годы, благодаря его интуиции и смелости были впервые опубликованы замечательные произведения шведоязычной финской литературы, впоследствии получившие мировое признание.

Издательству Schildts Förlag удалось пережить трудные 1930-е годы, прежде всего благодаря усилиям нового владельца – Евгения Нюгрена (Eugène Nygrén, 1878–1960). Уроженец Петербурга, промышленник и меценат, с 1906 г. владевший типографиями в Або, затем в Гельсингфорсе, ставший одной из ключевых фигур в финской графической промышленности 1920–1930-х гг., Нюгрэн многие годы трудился на благо приобретенного им издательства Хольгера Шильдта. Одним из удачных проектов стал объявленный издательством конкурс, победил в котором роман писательницы с Аландских островов Салли Салминен (Sally Salminen, 1906–1976) «Катрина». Изданный в 1936 г., роман имел огромный успех, был переведен на 20 языков, что помогло издательству выйти из кризиса. Еще большей удачей стало издание в послевоенные годы книг Туве Янссон о муми-троллях. Затем, однако, вновь последовали годы испытаний. В 2013 г. в объединенном издательстве Schildts&Söderströms вышла книга, приуроченная к 100-летию со дня основания издательства Schildts и посвященная его драматичной истории [1].

Список источников и литературы

1. *Ekberg, H.* Frisinne och kvalitet. Ett sekel med Schildts / H. Ekberg. – Helsingfors: Schildts & Söderströms, 2013. – 137 s.
2. *Grünbaum, D.* Som dagene gik.Spredte glimt fra et langt liv / D. Grünbaum. – København: Det Schønbergske Forlag, 1970. – 133 s.
3. *Hellemann, J.* Holger Schildt: äventyrare i två länder / J. Hellemann. – Esbo : Schildts, 2003. – 53 p.
4. *Holger Schildts förlag debuterar I Stockholm // Huvudstadsbladet.* – 1928. – № 303.

Елена Аркадьевна Дорофеева – литературовед, переводчик, специалист по литературе Финляндии (г. Москва, Россия), elenador25@yandex.ru

THE PUBLISHING ACTIVITIES OF HOLGER SCHILDT AND ITS IMPORTANCE FOR THE LITERARY LIFE OF FINLAND IN THE 1910s–1920s

Dorofeeva E. A.

The article is devoted to life and work of the famous Finnish publisher Holger Schildt, who had a great influence on the formation of literary tastes of the 1910s–1920s and on the development of publishing in Finland. Thanks to Schildt's literary instinct and courage, the works of Swedish-speaking modernist writers (E. Södergran, H. Olsson, E. Dictionius, A. Mörne and others) were first published, much later recognized by readers and critics.

Special attention should be paid to the achievements of H. Schildt in the publishing industry: both commercial discoveries, including the technology of joint projects with Swedish publishers to produce some books, and revolutionary for Scandinavia, and, in particular, Finland at the beginning of the century, activities in the field of copyright.

Keywords: Holger Schildt, publishing activities, foreign rights in Scandinavia and Finland

References

1. *Ekberg H.* Frisinne och kvalitet. Ett sekel med Schildts. Helsingfors: Schildts & Söderströms, 2013. 137 s.
2. *Grünbaum D.* Som dagene gik. Spredte glimt fra et langt liv. København: Det Schønbergske Forlag, 1970. 133 s.
3. *Hellemann J.* Holger Schildt: äventyrare i två länder. – Esbo : Schildts, 2003. 53 p.
4. *Holger Schildts förlag debuterar I Stockholm.* Huvudstadsbladet. 1928. № 303.

Elena Arkadjevna Dorofeeva – literary critic, translator, specialist in the field of Finnish literature (Moscow, Russia), elenador25@yandex.ru

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ:

Дорофеева, Е. А. Издательская деятельность Хольгера Шильдта и ее значение для литературной жизни Финляндии 1910–1920-х гг. / Е. А. Дорофеева // Социо-гуманитарные коммуникации. – 2022. – № 2. – С. 51–56.

FOR CITATION:

Dorofeeva E. A. Izdatel'skaya deyatel'nost' Hol'gera SHil'dta i ee znachenie dlya literaturnoj zhizni Finlyandii 1910–1920-h gg. [The publishing activities of Holger Schildt and its importance for the literary life of Finland in the 1910s–1920s]. Socio-humanitarian communications [Sociogumanitarnye kommunikacii]. 2022. №2(2). P. 51–56.

ЭЙНАР ДЮ РИ (1895–1967): К БИОГРАФИИ УЧЕНОГО

Цверинаншвили И. А.

Статья обращается к биографии известного биолога, эколога и общественного деятеля Густафа Эйнара Дю Ри (1895–1967), видного представителя Уппсальской научной школы, лишенолога, члена Королевской академии наук, участника многочисленных научных экспедиций.

Ключевые слова: Эйнар Дю Ри, биология, Швеция, Уппсала, наука, общественная деятельность.

Густаф Эйнар Дю Ри родился 25 апреля 1895 г. в семье директора химического предприятия Stockholms Benmjölsfabrik Яльмара Дю Ри (1864–1941) и его супруги, Шарлотты Софии Матильды (1867–1909), урожденной Кульльман, и был вторым ребенком в семье, родившись двумя годами позже своего старшего брата Харальда (1893–1985). Своей необычной для скандинавской страны фамилией Дю Ри обязаны предку – медику Грегуару Франсуа Дю Ри (1607–1682), уроженцу северной Франции, – который переедет в Швецию по предложению королевы Кристины (1626–1689) в 1642 г., а через восемнадцать лет будет возведен в дворянское сословие [16, s. 1111]. Именно его потомком и будет являться будущий прославленный ученый. Родившись в западном районе Стокгольма Бромме, детство и юность Эйнара проведет в столице страны, но после получения аттестата зрелости отправится поступать в Уппсальский университет.

Увлеченный биологией Дю Ри получит степень бакалавра в 1917 г., а следующие 6 лет он будет работать ассистентом преподавателя в родном университете, защитив в 1921 г. магистерскую диссертацию, а годом позже – кандидатскую [15, s. 283]. На протяжении учебы, студенты и преподаватели отмечали разносторонние интересы Эйнара в биологии, особенно в области лишенологии, науки о лишайниках [4], которые он изучал в полевых условиях на побережье Балтийского моря и острове Бло-Юнгфрун в проливе Кальмарсунд [3]. В возрасте двадцати лет Дю Ри становится учеником Рутгера Сернандера (1866–1944), начав помогать ему на кафедре биологии растений в Уппсальском университете [1]. Талант Дю Ри как аналитика и классификатора оказал немалую помощь Сернандеру в его научной работе. С этого времени юный исследователь начинает активно публиковаться, как в соавторстве [10], так и в одиночку [12], притом уже с первых статей Дю Ри многие признавали их глубокий научный потенциал. В 26 лет Эйнар Дю Ри защитил

диссертацию, вызвавшую восторг в научном сообществе страны, где он не только представил собственные выводы о так называемой «социологии растений», но и критически осмыслил работы предшественников, а также современные научные методы коллег-биологов. Диссертация была написана на немецком языке, общепринятом в академической скандинавской среде того времени, и издана по экономическим соображениям в Австрии [2]. Ученик Дю Ри, профессор Хуго Шёрс, замечает, что и спустя много десятилетий работа ученого осталась во многом актуальной и стала большим достижением уппсальской биологической школы и называет ее «памятником исследовательской радости» [13].

В 1924 г. Дю Ри получает должность куратора в ботаническом музее Уппсалы, где он будет работать до 1926 г. В том же году состоялась свадьба Эйнара Дю Ри и дочери его учителя Рутгера Сернандера, Греты (1891–1981). Грета Сернандер – Дю Ри стала первой женщиной-лишенологом в Швеции, не получила формального университетского образования, но благодаря отцу стала блестящим биологом, и вплоть до развода с Эйнаром в 1951 г., сопровождала супруга в экспедициях, помогала со сбором и сохранением коллекций [11]. В браке родилось четверо детей, однако, своего первенца супруги потеряли в младенчестве. Во второй половине 1920-х гг. Дю Ри активно участвует в научной и общественной жизни – активно публикуется [7], принимает участие в создании Шведского фитографического общества и его альманаха «Acta Phytogeographica Suecica» [8]. В 1926–1927 гг. Дю Ри принимает участие в ряде зарубежных экспедиций, посетив Новую Зеландию, Австралию, острова Ява и Суматра, Соединенные Штаты Америки. Наибольшую ценность представлял его визит в Новую Зеландию. В конце июля 1926 г. биолог с супругой отплыли из Швеции на другой конец света ради целого ряда научных целей: открытия и описания новых видов лишайников и иных растений, сбора коллекций, проверки ряда гипотез, внесения исправлений в суще-

ствующую классификацию и т. д. В ноябре супруги высадились в порту Веллингтона, а местные газеты окрестили его всемирно известным ученым, работающим в «мастерской самого Линнея» [14] (т. е. Уппсале). На протяжении семи месяцев Эйнар и Грета собирали обширную коллекцию растений (более 3000 видов), охотно давали интервью новозеландским СМИ, взаимодействовали с местным академическим сообществом, например, членом Лондонского королевского общества, фитогеографом Леонардом Кокейном (1855–1934) и биологом и педагогом Гарри Алланом (1882–1957). Возвращение в Швецию в 1927 г. было омрачено интригами в родном университете, из-за чего коллекции, собранные в ходе экспедиций, долгое время оставались нетронутыми [6]. Борьба вокруг руководства кафедрой биологии растений, с которой уходил его тесть Рутгер Сернандер, забрала много сил и времени у ученого, который в спешном порядке вынужден был написать три монографии, чтобы сохранить работу. В 1934 г. Эйнару Дю Ри было присвоено профессорское звание, и он будет работать на кафедре биологии растений бесперерывно вплоть до 1962 г. Он продолжит поддерживать переписку с Кокейном, а также рядом своих коллег из других стран: другом юности, норвежцем Рольфом Нордхагеном (1894–1979), австрийским геоботаником Хельмутом Гамсом (1893–1976),

эстонским биологом Теодором Липпмаа (1892–1943).

Дю Ри активно преподает и пользуется немалым успехом у студентов, не разделяет консервативные взгляды коллег на педагогику. От Сернандера, научным наследием которого он будет заниматься до конца жизни, к нему переходят несколько талантливых студентов, с которыми его семинар по биологии растений обретает второе дыхание, благодаря большому числу экскурсий и экспедиций [9]. Не терял Дю Ри активных темпов работы и в послевоенное время [5]. В зрелости он все чаще пишет научные работы на шведском языке и выступает в качестве научного руководителя диссертаций, однако, почти не вмешивался в ход работы, предпочитая воспитывать новое поколение независимых исследователей, но никогда не забывал дать те или иные рекомендации в дружеском разговоре. Подобно своему учителю Рутгеру Сернандеру, он беспокоился об охране национальной природы, будучи членом комитета по охране природы Шведской академии наук в конце жизни. Эйнар Дю Ри умер 7 марта 1967 г. по дороге в университет города Уппсалы. По иронии судьбы биолог скончался на открытом воздухе, где и провел большую часть жизни. За свою жизнь он опубликовал более 250 работ, оставил десятки учеников и остался в памяти как выдающийся ученый, педагог и общественный деятель.

Список источников и литературы

1. Цвериганашвили, И. А. Рутгер Сернандер (1866–1944): вехи научной и общественной деятельности / И. А. Цвериганашвили, // Ученые записки Новгородского государственного университета. – 2021. – № 5(38). – С. 538–541. DOI: 10.34680/2411-7951.2021.5(38).538-541
2. 1921. *Zur methodologischen Grundlage der modernen Pflanzensoziologie*. – Akad. avh. Uppsala Univ. Wien. – 272 s.
3. *Du Rietz, E.* Die Hauptzüge der Vegetation der Insel Jungfrun / *E. Du Rietz* // Svensk Botanisk Tidskrift 19: 1925 323–346.
4. *Du Rietz, E.* Lichenologiska anteckningar från östra Småland / *E. Du Rietz*. // Svensk Botanisk Tidskrift. – 1915. – Vol. 9: Häfte. – P. 114–117.
5. *Du Rietz, E.* Om fattigbark- och rikbarksamhällen / *E. Du Rietz*. // Svensk Botanisk Tidskrift. – 1945. № 39. – P. 147–150.
6. *Du Rietz, E.* The long-tubed New Zealand species of *Euphrasia* (*Siphonidium* Armstr.) / *E. Du Rietz*. // Svensk Botanisk Tidskrift. 1931. – № 25. – S. 108–125.
7. *Du Rietz, G. E.* Gotländische Vegetationsstudien / *E. Du Rietz*. – Uppsala. 1925. – 65 s.
8. *Du Rietz, G. E.* Life-forms of terrestrial flowering plants: 1. *Acta phytogeographica Suecica* / *E. Du Rietz*. – Uppsala: Almqvist & Wiksells boktryckeri AB. 1931 – 95 s.
9. *Du Rietz, G. E.* Phytogeographical excursion to the maritime birch forest zone and the maritime forest limit in the outermost archipelago of Stockholm / *E. Du Rietz*. // International botanical congress Excursion guides July 13, 1950. Uppsala. – 11 s.
10. *Fries, Th. C. E.* Vorschlag zur Nomenklatur der soziologischen Pflanzengeographie / *Th. C. E. Fries, T. Å. Tengwall, E. Du Rietz*. – Svensk Botanisk Tidskrift. – 1918. – № 12. – P. 146–166.

11. *Jørgensen, P. M.* Greta Sernander-DuRietz – The first female Swedish lichenologist Svensk Botanisk Tidskrift / P. M. Jørgensen, L. Lindblom. – 2006. – № 100(4). – P. 256–260
12. *Några synpunkter på den synekologiska vegetationsbeskrivningens terminologi och metodik.* – Svensk Botanisk Tidskrift 11: 1917. – P. 51–71.
13. *Sjörs, H. G.* Einar Du Rietz – lavforskare, växtsociolog, naturskyddsman / H. G. Sjörs // Svensk Botanisk Tidskrift. – 2002. – 96(2). – P. 123–128.
14. *Sveding, A.* Providing Guideline Principles: Botany and Ecology within the State Forest Service of New Zealand during the 1920s / A. Sveding // International Review of Environmental History. – 2019. – Vol. 5, Issue 1. – P. 113–128.
15. *Svenska män och kvinnor: biografisk uppslagsbok / ed. T. Dahl.* – Stockholm: Albert Bonniers Boktryckeri 1942–1948. – 644 s.
16. *Westrin, Th.* Nordisk Familjebok: Konversationslexikon och Realencyklopedi. / Th. Westrin. – Stockholm: Nordisk familjeboks förlags aktiebolag, 1907. – 1504 s.

Цверианашвили Иван Алексеевич – старший преподаватель кафедры истории и регионоведения, СПбГУТ им М. А. Бонч-Бруевича (г. Санкт-Петербург, Россия), ivan.tsver@gmail.com

EINAR DU RIETZ (1895–1967): TO THE BIOGRAPHY OF THE SCIENTIST

Tsverianashvili I. A.

The article refers to the biography of the famous biologist, ecologist and public figure Gustaf Einar Du Rietz (1895–1967), a prominent representative of the Uppsala Scientific School, lichenologist, member of the Royal Academy of Sciences.

Keywords: Sweden, science, Einar Du Rietz, biology, science, social activity.

References

1. *Tsverianashvili I. A.* Rutger Sernander (1866–1944): vekhi nauchnoi i obshchestvennoi deyatelnosti [Rutger Sernander (1866–1944): landmärken för vetenskaplig och social aktivitet]. Uchenye zapiski Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta [Vetenskapliga anteckningar från Novgorod State University.]. 2021. № 5(38). P. 538–541. DOI: 10.34680/2411-7951.2021.5(38).538-541
2. 1921. *Zur methodologischen Grundlage der modernen Pflanzensoziologie.* – Akad. avh. Uppsala Univ. Wien. 272 s.
3. *Du Rietz E.* Die Hauptzüge der Vegetation der Insel Jungfrun. – Svensk Botanisk Tidskrift. 1925. 19. S. 323–346.
4. *Du Rietz E.* Lichenologiska anteckningar från östra Småland. Svensk Botanisk Tidskrift. 1915. Volym 9: Häfte 1. S. 114–117.
5. *Du Rietz E.* Om fattigbark- och rikbarksamhallen. Svensk Botanisk Tidskrift. 1945. № 39. S. 147–150.
6. *Du Rietz E.* The long-tubed New Zealand species of Euphrasia (Siphonidium Armstr.) – Svensk Botanisk Tidskrift. 1931. 25. S. 108–125.
7. *Du Rietz G. E.* Gotländische Vegetationsstudien. Uppsala. 1925. 65 s.
8. *Du Rietz G. E.* Life-forms of terrestrial flowering plants: 1. Acta phytogeographica Suecica. Almqvist & Wiksells boktryckeri AB. Uppsala 1931. 95 s.
9. *Du Rietz G. E.* Phytogeographical excursion to the maritime birch forest zone and the maritime forest limit in the outermost archipelago of Stockholm. International botanical congress Excursion guides July 13, 1950. Uppsala. 11 s.
10. *Fries Th. C. E., Tengwall T. Å., Du Rietz E.* Vorschlag zur Nomenklatur der soziologischen Pflanzengeographie. Svensk Botanisk Tidskrift. 1918. 12. P. 146–166.
11. *Jørgensen P. M., Lindblom L.* Greta Sernander-DuRietz – The first female Swedish lichenologist Svensk Botanisk Tidskrift. 2006. № 100(4). P. 256–260
12. *Några synpunkter på den synekologiska vegetationsbeskrivningens terminologi och metodik.* Svensk Botanisk Tidskrift. 1917. 11. P. 51–71.
13. *Sjörs H. G.* Einar Du Rietz – lavforskare, växtsociolog, naturskyddsman / H. G. Sjörs // Svensk Botanisk Tidskrift. 2002. 96(2). P. 123–128.

14. *Sveding A.* Providing Guideline Principles: Botany and Ecology within the State Forest Service of New Zealand during the 1920s. *International Review of Environmental History*. 2019. Volume 5, Issue 1. P. 113–128.

15. *Svenska män och kvinnor: biografisk uppslagsbok*. Stockholm. Albert Bonniers Boktryckeri 1942–1948. 644 s.

16. *Westrin Th.* Nordisk Familjebok: Konversationslexikon och Realencyklopedi. Stockholm: Nordisk familjeboks förlags aktiebolag, 1907. 1504 s.

Tsverianashvili Ivan Alekseevich – Senior Lecturer, Department of History and Regional Studies, St. Petersburg State University of Technology named after M. A. Bonch-Bruevich (St. Petersburg, Russia), ivan.tsver@gmail.com

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ:

Цверрианашвили, И. А. Эйнар Дю Ри (1895–1967): к биографии ученого / И. А. Цверрианашвили // Социогуманитарные коммуникации. – 2022. – №2(2). – С. 57–60.

FOR CITATION:

Tsverianashvili I. A. Einar Dyu Ri (1895–1967): k biografii uchyonogo [Einar Du Rietz (1895–1967): to the biography of the scientist]. *Socio-humanitarian communications* [Sociogumanitarnye kommunikacii]. 2022. №2(2). P. 57–60.

ФИЛОЛОГИЯ

УДК 82.091, 821.511.111

ШВЕДОЯЗЫЧНАЯ ФИНСКАЯ ЛИТЕРАТУРА КАК ПОГРАНИЧНЫЙ ФЕНОМЕН КУЛЬТУРЫ

Востров А. В.

В статье рассматривается шведоязычная финская литература как составная часть финской литературы, а также ее взаимосвязь с родственной по языку шведской литературой. На основе семиотической теории Ю. Лотмана, локально-исторического метода Н. Анциферова, а также комплекса идей М. Бахтина вводится понятие «границы» в контексте указанной литературы национального меньшинства. Рассматриваются основные особенности шведоязычной финской литературы, обзор ее истории, современная ситуация. В заключении анализируются перспективы дальнейшего ее развития.

Ключевые слова: шведоязычная финская литература, семиотическая теория, локально-исторический метод Н. Анциферова, М. Бахтин, пограничные культуры.

Введение

«Граничный (краевой) эффект» в естественных и гуманитарных науках рассматривается как влияние границ смежных областей и проявляется в физике (в частности, в фотографии), биологии, психологии, математике, моделировании... В контексте рассматриваемой тематики следует остановиться на нескольких основных трактовках термина. На «правиле краевого эффекта» в биологии, которое понимается как *сгущение жизни* на границах экосистем. И на «эффекте края» в психологии, связанным с *памятью* (явление, показывающее, что лучше всего запоминается материал, находящийся в начале и в конце) и феноменом принятия решений. Помимо этого, необходимо обратить внимание на «граничный эффект», возникающий в абстрактных математических клеточных автоматах, описывающих, в том числе, *свойства* некоторых живых организмов.

Перенос термина в область литературоведения можно оправдать тем, что междисциплинарность в данный момент является одним из основных подходов при изучении интертекстуальных явлений – особенно, в компаративистике, где наряду с широко используемым историзмом рассматриваются связи литературы с психологией, философией, мифологией. Немаловажной причиной заимствования математических формализмов является двойственность литературных категорий (в математике – «истина/ложь», «максимум/минимум», «объединение/пересечение»

и т. д.): диалог культур зачастую изучается через призму синхронного компаративизма, рассматривая обоюдные контакты. Ю. Лотман при изучении литературных явлений использует математические аспекты, связанные с понятием семиосферы, которая обладает свойством бинарности – наряду с асимметричностью и однородностью.

Концепция «своего» и «чужого» также является проявлением двойственности и представляет две стороны границы (*вне* и *в*), обладающие свойством не только *разделять*, но и *соединять*. В исторических науках часто используется идея противопоставления *центра* и *периферии*, которая базируется, в том числе, на математической теории графов и в некоторых случаях заимствуется компаративистикой. Упоминание центра (например, «петербургского текста») отсылает к теории локального сверхтекста, для которого В. Топоров выделил общий язык и общие места текстов, составляющих данный сверхтекст: «...“субъективность” целого парадоксальным образом обеспечивает ту “объективность” частного» [13, с. 19].

Еще одним аспектом, который необходимо принять во внимание, является трудно предсказуемая динамика процессов, происходящих на границах: взаимопроникновение культур на разных уровнях, языковые контакты и смешивание языков, возникновение новых мифологем и культурных кодов. Знаковые исторические события и их сложно предсказуемые последствия также возникают преимущественно на периферии. Указанные особенности неминуемо воспроизводятся в

литературных произведениях авторов, особенно тех, кто находится на любых границах – культурных, языковых, географических.

Граничные явления

Определение *границы* часто зависит от области исследования. Например, наиболее общим ее свойством в социологии и политологии является взаимная связь между идентичностью, территорией и культурой. Рассматривая динамику процессов, можно ввести четыре одновременных свойства границы: формирование территории, символизм, социально-политические институты региона, установление единого субъекта в общей региональной системе [23, р. 29–31]. В рамках данной статьи особенно интересными представляются первые два свойства.

Ю. Лотман определяет границу как «черту, на которой кончается периодическая форма» [10, с. 257]. Рассматривая границу в контексте изучения семиосферы, он приводит свойства структуры последней: бинарность (принцип, реализуемый как множественность), асимметрия (система направленных токов переводов), неоднородность (различие языков по своей природе). Согласно Лотману, асимметричность может проявляться в соотношении *центра* семиосферы и ее *периферии* с точки зрения естественного языка конкретной культуры [10, с. 252–256].

В этом ключе граница двусмысленна: она принадлежит обеими пограничным культурам, является би- и полилингвистичной, становится механизмом перевода текстов из «чужой» семиотики в «свою». В случаях анализа реальных (территориальных) черт семиосферы, граница обретает пространственный смысл в прямом значении, определяет противопоставление центра и периферии. Так как граница двусторонняя, то она, согласно Ю. Лотману, является областью конституированной билингвальности, что выражается в языковой практике населения на границе культурных ареалов [10, с. 267].

Граница также порождает прямой диалог культур, одним из средств выражения которого является литература. И. Неупокоева справедливо предполагает, что «ни одна область истории и теории литературы не связана так тесно со смежными областями историко-культурного знания, как изучение взаимосвязей и взаимодействия литератур» [12, с. 28]. Пересечение семиотического пространства многочисленными границами создает ситуацию многократных переводов и трансформаций текстов (в частности, литера-

турный перевод). Тогда функция любой границы сводится к отделению «своего» от «чужого», фильтрацию внешнего (текст на *чужом* языке) и перевода текста на *свой* язык [10, с. 262, 265].

В литературоведении выделяют два основных типа литературных связей и взаимодействий: контактные (основанные на непосредственных литературных и культурных контактах, т. е. переводах произведений, влияния произведений, непосредственное общение между различными представителями культур – «посредниками») и типологические (обусловленные сходством литературных процессов и общественного развития народов, исторических процессов, философских систем, ландшафта, психологии) [12, с. 24]. Сочетая два указанных выше типа взаимодействий с локально-историческим методом, предложенным Н. Анциферовым и включающим тезисы о «самодовлеющей власти местности над судьбой и сознанием человека» и «власти города над сознанием и поступками персонажей» [1, с. 12, 492], можно получить еще один аспект анализа литературных произведений.

Метод Анциферова созвучен с комплексом идей М. Бахтина, согласно которому образы местности относятся к хронотопическим: «Хронотоп определяет художественное единство литературного произведения в его отношении к реальной действительности. Хронотоп в произведении всегда включает в себя эмоционально-ценностный момент, характеризующий авторское мировоззрение и состояние общественного сознания» [2, с. 391–392]. Хронотопическая образность одновременно рассматривает прошлое и будущее, а также свидетельствует о глубине постижения общественным сознанием собственной истории, а также человека в ней в условиях социальной реальности. Отталкиваясь от работ М. Бахтина, определившего «полифонию» или «полигlossию» в литературном тексте, можно перейти к вопросу о «внеаходимости» автора, понимаемой здесь как состояние неполного присутствия и как невозможность четкой пространственной фиксации [14, с. 76]. Последнее можно трактовать как с точки зрения географическо-социологического фактора (местоположение автора и его роль в обществе), так и методологического (соотнесенность с литературой региона или с единым языковым пространством).

В ракурсе шведоязычной финской литературы данный термин отсылает к вопросу о самоопределении авторов. Географическо-социологический фактор связан с идентично-

стью авторов: являются ли финляндские шведы финнами, шведами или представляют собственную культуру национального меньшинства вне значительной связи с обеими? Учитывая, что в данный момент в Финляндии проживает около 5 % шведоязычных финнов, распределенных по территории страны весьма неравномерно, а также статус языка (шведский язык является вторым официальным национальным языком со значительным культурным бэкграундом), данный вопрос приобретает серьезный социологический окрас. И содержит в себе противопоставления на уровне «большинство» – «меньшинство», выраженные в языковых трениях на протяжении последнего столетия.

Методологический фактор соотносит автора с пространством литературы: с какой литературой тот связывает себя – с финской, шведской или шведоязычной финской? В условиях стремительных изменений национальных культур двуязычный (подавляющее большинство финляндских шведов двуязычны) автор обрекает себя на культурную «внезаходимость»: частичном присутствии в одной культуре и неполном отождествлении себя с другой. Данная трактовка становится еще одним преломлением границы и следствием сближения пограничных культур.

Подобной точки зрения придерживается культуральный историк П. Бёрк: «Сближение дисциплин, как и сближение культур, часто происходит по принципам конгруэнтности и конвергентности. То, что привлекает людей из одной культуры к другой – часто представление или практика, аналогичные их собственным, такие знакомые и в то же время незнакомые. Следуя этому влечению, представления и практики обеих культур начинают походиться друг на друга еще сильнее» [4, с. 67]. С точки зрения двуязычного финского общества важной иллюстрацией схожего процесса является парадокс К. Такселла: «в случае языкового меньшинства двуязычные решения часто приводят к моноязычию, а моноязычные решения обеспечивают двуязычие» [8, с. 156]. Подобные взаимные трансформации – из одной крайности в другую – являют динамику систем, вызванную граничными явлениями.

Таким образом, внутренняя закономерность развития отдельных наций или языковых (этнических) групп не является полностью случайной и обуславливается социальными, экономическими, культурными факторами – наряду с конкретными историческими условиями, предшествовавшими пе-

ременам. В частности, культурный (литературный) акт запечатлевает глубокие исторические процессы, но «отвлеченный от границ, он теряет почву, становится пустым, выродждается и умирает» [3, с. 282].

Анализ подобных явлений приводит к изучению треугольника «идентичность – интерсекциональность – идентификация», которая порождает маркеры различий: моно/двуязычие, центр/периферия, высокая/низкая культура, культурный/сельский шведский язык и т. д. [20, р. 42] Здесь под *интерсекциональностью* будет пониматься пересечение различных форм или систем доминирования в языковых отношениях (большинство/меньшинство) или языкового статуса (официальный/неофициальный) с точки зрения финского и финляндского шведского языков. Тогда финляндский шведский как язык привилегированного национального меньшинства с широким историческим следом является иллюстрацией пограничного взаимодействия культур. В этом ключе шведоязычная финская литература представляет интерес как часть национального литературного процесса и область взаимодействия с родственной (по языковому признаку) шведской литературой.

Шведоязычная финская литература в контексте национальной литературы

Шведоязычная финская литература в России зачастую ошибочно связывается со шведской из-за единого языкового пространства, однако литературные традиции двух соседних стран значительно отличаются. Процесс поиска национального самосознания в российский период истории Великого княжества Финляндского (1809–1917) окончательно отделил финскую литературу, в то время почти исключительно шведоязычную, от шведского берега, и в дальнейшем расстояние лишь увеличивалось.

Финский ландшафт, столетиями коррелируя со шведским культурным пространством, тем не менее, оставался во многом самодостаточным, а неразрывность связи со Стокгольмом (позднее с Санкт-Петербургом) подчеркивала сильное этнокультурное и социальное воздействие центра. Указанное взаимодействие создает преломление диалога «своего» и «чужого» в контексте финляндской, шведской (и русской) литератур в конце XIX – начале XX вв. Например, шведоязычный финский поэт Й.-Л. Рунеберг, стоявший у истоков финляндской литературы,

описывал только периферию – родные просторы, постепенно становившиеся центром: именно его шведоязычные строки «Наш край» после перевода на финский язык стали словами гимна. Также известны его контакты с русской литературой (и переводы на шведский язык А. Пушкина), наиболее отчетливо представленные в переписке с Я. Гротом.

После обретения Финляндией независимости шведоязычная финская литература постепенно превратилась в своеобразное культурное пространство, лишь частично соприкасающееся с финноязычным. Созданные авторами произведения не вписываются ни в финскую (к которой номинально относится), ни в родственную по языку шведскую литературу, вместе с тем сохраняя возможности для сближения. Говоря о шведоязычной финской прозе периода 1890–1980-х гг., Мерете Маццарелла использовала метафору «тесная комната» (*det trånga rummet*) [22, р. 37], которую можно расширить до образа столкновения локального пространства литературы финляндских шведов с глобальным пространством финской литературы и/или шведской литературы. Клаустрофобия финского шведоязычного мира отражается во многих произведениях авторов «тесной комнаты», побуждая к расширению горизонта: к контактам со смежными литературными пространствами. Важно отметить, что с 1980-х гг. рассматриваемая литература движется в двух направлениях: *центростремительном* (семья, традиции, ощущение меньшинства) и *центробежном* (нефинское окружение героев и путешествие как значимая часть сюжета) [16, р. 705].

Таким образом, финляндскую литературу на шведском языке можно рассматривать как явление, рожденное исторической и языковой необходимостью на пересечении финляндско-шведских путей (или как интерсекциональность). Современная шведоязычная литература Финляндии находится в своем микрокосме и, в отличие от финноязычной, чаще может позволить себе эксперименты, проявить свою самобытность без оглядки на современные течения и социальные потребности (финноязычная литература считается более «привязанной» к политике и социальным аспектам жизни страны). В то же время она вынужденно сохраняет дистанцию от шведской литературы.

Принято выделять две главные вехи финляндской литературы: произведения главного поэта страны Йохана-Людвига Рунеберга (1804–1877) и «Калевалу» Элиаса Лённрота.

«Калевала» – ключевой фактор формирования национальной литературы, но самосознание финской нации начиналось с романтических шведоязычных строк Рунеберга, пронизанных финской природой и национальным духом. Для шведоязычного Рунеберга, как и для многих аристократов того времени, Швеция не была прямой родиной (скорее, родиной предков), поэтому он без сомнений ставит акценты в пользу финского народа.

Литературные каноны Рунеберга подхватили романист и сказочник Закариас Топелиус (1818–1898), попавший в юном возрасте в кружок Рунеберга-Лённрота, и поэт, романист, основатель финского реализма Карл-Август Тавастшерна (1860–1898). После них финская литература «расслоилась» на шведоязычную – аристократическую, более интеллектуальную и, казалось, ветшающую; и финноязычную – модную, всесловную и бурную. Дальше пути окончательно разошлись: одна пошла психологически-тонкими путями Эдит Сёдергран и Туве Янссон; другая – самопознавательными, подстегивающими национальное чувство (представленное тесной связью с разговорным языком) путями Алексиса Киви и Эйно Лейно [7, с. 40–41].

Можно выделить следующие знаковые фигуры финляндской литературы на шведском языке за последнее столетие: Эдит Сёдергран, Туве Янссон, Мэрта Тикканен, Моника Фагерхольм. Четыре поколения – они символизируют четыре этапа развития литературы финляндских шведов: модернизм (1910–1930-е гг.); послевоенное время, пронизанное меланхолией Мумитроллей (1945–1970); доминирования гендерных вопросов (1960–1980-е гг.); «новая» литература конца XX – начала XXI столетий. Вышеупомянутые авторы лучше известны в северных странах (северная ментальная солидарность?), но главный голос принадлежит, бесспорно, Туве Янссон. Вне этого списка «вечный кандидат» на Нобелевскую премию Бу Карпелан (1926–2011), многогранное творчество которого переведено на мировые языки, а одной из главных его премий стала французская Prix Européen de Littérature от 2006 г.

После обретения независимости на рубеже 1917–1918 гг. финляндская литература все жестче устанавливала *границы* национальной литературы (отделяясь как от русской, так и от соседней скандинавской), и даже в период «культуры после наций» четко их придерживается. В этом контексте можно согласиться с К. Цюрхером, который утверждает, что в по-

следнее время складывается впечатление, что границы между различными культурами охраняются не менее тщательно, чем прежде [15, с. 20].

В целом ситуация литературной изолированности свойственна Финляндии: несмотря на активный прием эмигрантов, ее литература существует в основном в рамках собственной нации – в формате двух языков со значительным преобладанием финского. В качестве исключения можно отметить следующий факт: в 2019 г. высшую литературную премию страны *Finlandia* впервые получил писатель иностранного (югославского) происхождения; аналогичная ситуация со второй по значимости литературной премией имени Рунеберга, которую в 2005 г. получила Зинаида Линден.

Возникает своеобразный культурный диссонанс: мультикультурные процессы в различных областях (дизайне, музыке, архитектуре и пр.) зачастую противопоставляются литературной монокультуре, в которой, правда, уже давно преобладает мультикультурная тематика. Тем не менее, данная монокультура является все-таки «многослойной»: кроме шведоязычной финской литературы, например, существует русскоязычная литература Финляндии, однако влияние данных «слоев» на общество сложно назвать определяющим. Но даже те немногие шведоязычные авторы, которым удалось выйти за границы своего «ареала», получают известность в стране только после перевода на финский язык.

В эссе из книги «Линии между звездами» (2002) Маццарелла высказывает справедливую точку зрения, что современность в Финляндии почти не существует по-шведски [11, с. 240]. Ситуация показательна не только для столичного региона, доминирующего в стране, но и для многих других областей, за исключением прибрежной части Эстерботнии и Аландских островов. Иной стороной вопроса является метафора *долины муми-троллей*: шведоязычный финский мир зачастую сравнивают именно с пространством [11, р. 262–282], воплощенным Туве Янссон – символом обособленности и уязвимости. Инерционность шведской литературы, сложная специфика контактов с финской ведут к *одиночеству нескольких измерений*: так модернист Раббе Энкель в 1960-е гг., говоря об одиночестве финско-шведского писателя, упоминал само-рефлексию, оторванность от Швеции, от финской Финляндии [11, с. 245].

Таким образом, шведоязычная финская литература как литература национального

меньшинства находится в весьма специфической ситуации. Возможность выйти в литературное пространство северных стран из-за универсальности шведского языка (литературный совпадает с финляндским шведским) позволяет говорить о потенциально широкой читательской аудитории, однако тексты шведоязычных финских авторов зачастую затрудняют доступ внутрь себя в стремлении соблюсти культурную дистанцию. Помимо этого, все процессы по усвоению изначально чуждых литературе меньшинства явлений происходит намного медленнее, чем в литературе большинства. Н. Высоцкая справедливо отмечает, что литература меньшинства уже не является ограниченной в плане смысла и значимости рамками породившей ее группы, не является частностью в универсализме мейнстрима [9, с. 19].

Эдит Сёдергран и Генри Парланд как пример граничного явления

Поэзия всегда была отличительной чертой (и даже «изюминкой») шведоязычной литературы Финляндии. Такая литературная традиция сформировалась во многом благодаря модернистам 1910–1930-х гг., которые внесли значительный вклад в финляндскую шведоязычную (и в шведскую) литературу в целом. Эдит Сёдергран, Хагар Ульссон, Гуннар Бьёрлинг, Элмер Диктониус, Раббе Энкель и Генри Парланд стали членами новой авангардной школы, которые смело экспериментировали с новыми идеями и стилистическими средствами [18, р. 108, 215].

Модернисты так и не образовали сплоченную группу, однако их «выход на сцену» был достаточно ранним, что предопределило тесное соседство, в том числе, с русской литературой. Например, Эдит Сёдергран и Генри Парланд, имея русские культурные корни, не могли не оказаться под влиянием русских литературных течений своего времени: в первую очередь, символизма и футуризма. Сёдергран чувствовала связь с Ахматовой, Блоком, Бальмонтом и особенно Северяниным; Парланд зачитывался Маяковским, а в своих критических статьях развивал положения символизма Андрея Белого.

Необходимо отметить, что и Э. Сёдергран, и Г. Парланд безусловно являются национальными финляндскими авторами. Кроме того, Сёдергран также считают национальным шведским поэтом, и оба автора находятся на пути к тому, чтобы быть признанными «своими» в России. Их произведе-

ния преодолевают эти условные границы, ориентируясь на европейский литературный процесс: здесь уместно вспомнить увлечение Сёдергран немецкой и русской литературами, Парланда – русской литературой, творчеством Кафки и Пруста.

Неудивительно, что противопоставление двух крайностей – «я» и «остальной мир» – стало основополагающим в творчестве рассматриваемых авторов. Используя указанную дихотомию (спровоцированную, в том числе, внешней социальной изолированностью авторов), на примере их творчества можно рассматривать диалог «своего» и «чужого» в ином аспекте: пространственной, временной, ценностной и смысловой «внеаходимости» автора. Идея «внеаходимости» – состояние неполного присутствия (взаимодействии этнического меньшинства и большинства) и вне пределов локализации (вдали от финляндского литературного процесса) – достаточно наглядно иллюстрирует указанный диалог в случае обоих авторов. И показывает его актуальность в контексте взаимодействия «автора» и «наднационального литературного поля» [6, с. 496–497, 503–504].

Оба автора в той или иной степени отождествляли себя с Финляндией. То, что они являются важной частью финской шведоязычной литературы, сегодня не вызывает сомнений – с небольшой ремаркой о шведской литературной составляющей Сёдергран, являющейся следствием языковой близости. Поэтому творчество Э. Сёдергран и Г. Парланда можно назвать примером сложного единства культур вне рамок национальности и языка. Что отражает пограничность культурного акта и постоянную его корреляцию с разнородными культурными импульсами, напрямую не связанных с ареалом наций, но активно опирающихся на их *границы*.

Двуязычный автор как пограничная идентичность

Другим автором, творчество которого можно рассматривать в граничном контексте, является Зинаида Линден. Писатель особенный – с русским именем, со шведской фамилией. С русскими корнями, со шведоязычной финляндской традицией. Имеющий две родины (по рождению и по призванию), но находящейся между ними. Писатель неприкаянный. Ее неприкаянность напрямую связана с ее кросс-культурностью, с отсутствием жесткой привязки к триаде «нация-национальность-язык», которая по традиции формирует взаимоотношения между культурами.

Линден признается, что тема разрушения привычных стереотипов о тех или иных нациях доминирует в ее произведениях. Она скрупулезно пытается разобраться, как человек, попавший в чужую страну, ищет себя в *границах* нового культурного и бытового пространства, насколько он готов смириться с участью быть на периферии. Условная «оторванность» от родины (Санкт-Петербург находится в шестистах километрах от Турку, где она проживает) дает ощущение контакта с двумя культурами, наиболее остро ощущаемая именно на границе – государств, культур, языков.

«Линден – больше, чем просто кросс-культурный феномен», – утверждает известный финляндский литературовед и критик Трюгве Сёдерлинг. В рамках современной шведоязычной прозы Финляндии это действительно так (следует отметить, что крупная форма возникла на рубеже веков – раньше финляндские шведы славились стихами, эссе, но не романами), однако сможет ли она стать событием для современной русской литературы? Русским писателем с финской шведоязычной культурной составляющей? Публикации в «Новом мире» (2014) и «Зинзивере» (2015, 2018), а также издание небольшими тиражами пяти книг на русском языке пока не подтверждают и не опровергают указанный выше тезис.

Вопреки достаточно часто культивируемому «золотому сечению», которое показывает социальные процессы внутри современного финляндского общества практически идеальными, Линден заостряет внимание на его болезненных точках, но делает это аккуратно, будто вкрадливо. Безудержный протест, как и полная аморфность, несвойственны героям Линден: ключевая позиция автора – «граничный эффект», танец на канате. В естественных науках граничные явления самые непредсказуемые, и герои Линден балансируют на тонком канате, «стягивающим» несколько стран, порой не понимая, как пройти на противоположную сторону.

Линден с ее «рабочим двуязычием» – включение (или явление!), связывающее воедино культуры нескольких стран: Финляндии, России, Швеции. Для всех трех стран она остается загадкой – русской душой с финляндско-шведским менталитетом. Нетипичным (и неожиданным) финским писателем, глубоко укоренившимся в местные традиции. Настоящее двуязычие – почти все ее произведения имеют и шведские, и русские версии – не допускает возможности участия кого-то другого в

переводе текстов с одного языка на другой. Две версии ее произведений отличаются несущественно, но некоторые смысловые потери из-за неоднозначности перехода из одного языка в другой, конечно, присутствуют. Однако это не уменьшает самоценности каждой версии текста, неслучайности перехода замысла автора из одного языка в другой.

Таким образом, «меньшинство в квадрате» Зинаиды Линден достаточно наглядно проецируется на процессы поиска оптимальных границ современных национальных литератур на фоне мультикультурных коммуникаций. Сложная динамика процесса не подразумевает однозначного ответа на вопрос, является ли двуязычный автор типичным представителем сегодняшней культуры «после наций». Можно сказать, что он является следствием глобализации, зримо связанной с культурными границами наций [5, с. 328, 330, 333, 341].

Дуализм литературного поля

Обобщая рассмотренное выше, можно выделить следующие черты шведоязычной финской литературы. Являясь литературой национального меньшинства с официальным статусом языка и активной финансовой поддержкой культурных фондов, она имеет значительные возможности для самостоятельного развития. Тем не менее, ее нельзя рассматривать отдельно от финской и шведской литератур, которые оказывают на нее существенное влияние – и зачастую диктуют пути развития. Широкое взаимодействие со шведской литературой (произвольное и непроизвольное) приводит к «граничному эффекту»: произведения самых известных современных финских шведоязычных авторов (их круг весьма узок) порой имеют больше читателей на другом берегу Ботнического залива, чем на родном (в оригинальном варианте, а не в переводе на финский язык!). В данном контексте можно даже отметить, что книги авторов являются «дважды опубликованными». Так за период 2000–2016 гг. в среднем выходило около 4 книг в Швеции в год, что составляет около 19 % от общего количества шведоязычных изданий в Финляндии [24, р. 27–28]. Менее известные авторы остаются в узком кругу финляндских шведов.

Это дает еще одну важную черту – изолированность, которая подчеркивает то, что шведоязычная финская литература находится в собственном микрокосме. Однако широко распространенный среди финляндских шведов билингвизм позволяет соприкасаться с

национальной литературой, что, кроме перевода произведений на финский язык, дает возможность участвовать в общефинском литературном процессе. Перевод в данном контексте является случай пересечения границы: переопределение «своего» и «чужого», в результате которого происходит соприкосновение на уровне переводов и трансформаций текстов, но в рамках одной нации. Размытая граница культурных ареалов – в случае финноязычных и шведоязычных финнов это проявляется особенно ярко – ведет к прямому диалогу культур с легким оттенком противопоставления центра и периферии. Поэтому несмотря на свое промежуточное положение шведоязычная финская литература характеризуется «близостью к своим периферийным областям» [26, р. 63].

Другой значительной чертой является известность шведоязычных финских авторов (Туве Янссон, Моника Фагерхольм, Эдит Сёдергран, Бу Карпелан и др.) за пределами Финляндии. Однако контакты с литературой Северных стран не предполагают широкую вовлеченность в европейский литературный процесс, что вновь подчеркивает изолированность шведоязычной финской литературы как литературы национального меньшинства. Тем не менее, она является частью финской литературы, а пограничное состояние дает возможность существовать как в финской литературе, так и вне ее – в шведской литературе. Но официальный статус языка и «приближенность» к шведской литературе не способствует уменьшению изоляции, а, скорее, подчеркивают ее.

Неудивительно, что описание литературы финляндских шведов обычно базируется на указанном дуализме: «не является ни финской, ни исконно-шведской (*riks-svensk*), но находится во взаимодействии с обеими» [17, р. 13]; рассматривается как «в двойном смысле провинциальная» [25, р. 11] или «находится между установленными категориями нации и языка» [21, р. 47]. В то же время она представляется плодотворной, если анализировать ее с транснациональной точки зрения для переосмысления национальной (в узком смысле) модели литературы.

В заключение нужно выделить еще одну перспективу шведоязычной финской литературы. Дальнейшее ее развитие напрямую связано со статусом шведского языка в Финляндии: пока тот является официальным языком со значительной поддержкой (статус, институты, финансирование, традиции...), его

положение в целом можно охарактеризовать как устойчивое. Однако процесс финализации, пронизывающий почти всю общественную финскую жизнь, в дальнейшем может еще больше маргинализировать статус шведоязычной финской культуры (литературы в частности) и лишить ее своеобразного «рельефа», отличающего ее как от финской, так и от шведской культуры. В таком случае шведоязычной финской литературе грозит переход в разряд литературы меньшинства, не имеющий официальных

преференций (аналогично с ситуацией русскоязычной литературы Финляндии), и окончательная потеря влияния на общефинский литературный процесс. Но даже при таком повороте событий ее исторический след и традиции – как составной части национальной литературы – останутся неизменными: оставаясь самодостаточной и во многом традиционной, она представляет собой значимое литературное явление.

Список источников и литературы

1. *Анциферов, Н.* Проблемы урбанизма в русской художественной литературе. Опыт построения образа города – Петербурга Достоевского – на основе анализа литературных традиций / Н. Анциферов. – Москва: ИМЛИ им. А. М. Горького РАН, 2009. – 581 с.
2. *Бахтин, М.* Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет / М. Бахтин. – Москва: Худ. лит., 1975. – 502 с.
3. *Бахтин, М.* Проблема формы, содержания и материала в словесном художественном творчестве / М. Бахтин // Собр. соч. Т. 1. Философская эстетика 1920-х годов. – Москва: Издательство «Русские словари», 2003. – С. 264–325.
4. *Бёрк, П.* Что такое культуральная история? / П. Бёрк. – Москва: ВШЭ, 2015. – 240 с.
5. *Востров, А.* Зинаида Линден. На грани культур / А. Востров // Вопросы литературы. – 2015. – №6. – С. 328–341.
6. *Востров, А.* Творчество Э. Сёдергран и Г. Парланда: транснациональное или многонациональное явление финляндской литературы / А. Востров // Скандинавские чтения. – 2016. – С. 495–505.
7. *Востров, А.* Финляндско-шведский модернизм / А. Востров // LiteraruS. – 2015. – № 1. – С. 40–46.
8. *Востров, А.* Шведский архипелаг Финляндии / А. Востров. – СПб: Карелико, 2014. – 171 с.
9. *Высоцкая, Н.* Транскультура или культура в транс? / Н. Высоцкая // Вопросы литературы. – 2004. – №2. – С. 3–24.
10. *Лотман, Ю.* Семиосфера / Ю. Лотман. – Санкт-Петербург: Искусство-СПб, 2000. – 704 с.
11. *Маццарелла, М.* Почему я плохо говорю по-фински. Фрагменты книги «Линии между звездами» / М. Маццарелла // Иностранная литература. – 2009. – №9. – С. 233–247.
12. *Сойни, Е.* Взаимопроникновение русской и финской литературы в первой половине XX столетия / Е. Сойни. – Москва: ЯСК, 2017. – 453 с.
13. *Топоров, В.* Петербургский текст русской литературы: избранные труды / В. Топоров. – СПб.: «Искусство – СПб», 2003. – 612 с.
14. *Ушакин, С.* Вне находимости: Бахтин как чужое свое / С. Ушакин // Новое литературное обозрение. – 2006. – №79. – С. 73–85.
15. *Цюрхер, К.* Мультикультурализм и этнополитический порядок в постсоветской России: некоторые методологические замечания / К. Цюрхер // Полис (Политические исследования). – 1999. – №6. – С. 105–118.
16. *A History of Finland's Literature* / ed. George C. Schoolfield. Lincoln NE: University of Nebraska Press, 1998. – 705 p.
17. *Ekman, M.* «Uppkomsten av en minoritetslitteratur», i Finlands svenska litteratur 1900–2012 / M. Ekman. – Helsingfors: SLS; Stockholm: Atlantis, 2014. S. 13–21.
18. *Finlands svenska litteratur 1900–2012* / red. M. Ekman. Helsingfors: SLS; Stockholm: Atlantis, 2014. – 376 p.
19. *Klinkmann, S.-E.* I fänrikarnas, martallarnas och dixietigrarnas land: en resa genom det Svenska I Finland / S.-E. Klinkmann. – Helsingfors: SLS, 2011. – 382 p.
20. *Klinkmann, S.-E.* Om finlandssvenska identiteter, intersektioner och hanteringsstrategier / S.-E. Klinkmann // Föreställda finlandssvenskheter. – 2017. – S. 29–56.
21. *Malmio, K.* Här och där, nära och fjärran – den finlandssvenska minoritetslitteraturens många rum i senmoderntiden / K. Malmio // Tijdschrift voor Skandinavistiek. – 2018. – № 36(2). – S. 44–57.
22. *Malmio, K.* Mötet mellan lokala och globala rum / K. Malmio // Historiska och litteraturhistoriska studier. – 2016. – № 91. – S. 37–65.

23. *Paasi, A.* Borders and Regions in a transforming Northern Europe: a conceptual perspective / A. Paasi // *The flexible frontier: change and continuity on Finnish-Russian relations. Aleksanteri series.* – 2007. – № 5. – P. 24–41.

24. *Riitamaa, T.* Det eviga problemet Sverige: Om utgivningen av ny finlandssvensk skönlitteratur i sverigesvenska delupplagor åren 2000–2016 / T. Riitamaa // *Historiska och litteraturhistoriska studier.* – 2018. – № 93–S. 17–46.

25. *Warburton, T.* Åttio år finlandssvensk litteratur / T. Warburton. – Helsingfors: Schildts, 1984. – 443 p.

26. *Österlund, M.* "Glokal" litteraturhistoria: på väg mot en omvärdering av finlandssvensk barnlitteratur / M. Österlund, M. Lassén-Seger, M. Franck // *Barnlitterært Forskningstidsskrift.* – 2011. – №2(1). – S. 60–71.

Востров Алексей Владимирович – старший преподаватель кафедры «Телематика» Института прикладной математики и механики Санкт-Петербургского политехнического университета, историк, литературовед (г. Санкт-Петербург, Россия), alex.sinkriver@gmail.com

SWEDISH LANGUAGE FINNISH LITERATURE AS A BOUNDARY PHENOMENON OF CULTURE

Vostrov A. V.

The article considers Swedish language Finnish literature as a constituent part of Finnish literature and its relationship with language allied Swedish literature. It introduces the concept of boundary based on the Lotman's theory of semiotics, the Antsiferov's local historical method, and the Bakhtin's complex of ideas in the context of the mentioned above literature of the national minority. It reviews the main features of Swedish language Finnish literature, its historical development, and contemporary situation. The conclusion analyses the prospects of its further development.

Keywords: Swedish language Finnish literature, theory of semiotics, local historical method of Nikolai Antsiferov, Mikhail Bakhtin, boundary cultures.

References

1. *Anciferov N.* Problemy urbanizma v russkoj hudozhestvennoj literature. Opyt postroeniya obraza goroda – Peterburga Dostoevskogo – na osnove analiza literaturnyh tradicii [Problems of urbanism in Russian fiction. Experience in building the image of the city - Dostoevsky's Petersburg - based on the analysis of literary traditions]. Moscow: IMLI im. A. M. Gor'kogo RAN, 2009. 581 p. (In Russ.)

2. *Bahtin M.* Voprosy literatury i estetiki. Issledovaniya raznyh let [Questions of Literature and Aesthetics. Researches of different years]. Moscow: Hud. lit., 1975. 502 p. (In Russ.)

3. *Bahtin M.* Problema formy, sodержaniya i materiala v slovesnom hudozhestvennom tvorcestve [The problem of form, content and material in verbal artistic creativity]. *Sobranie sochinenij v 7 tomah. Tom 1: Filosofskaya estetika 1920-h godov.* [Collected works in 7 volumes. Volume 1: Philosophical Aesthetics of the 1920s.]. Moscow: Izdatel'stvo «Russkie slovari», 2003. P. 264–325. (In Russ.)

4. *Byork P.* Chto takoe kul'tural'naya istoriya? [What is cultural history?]. Moscow: VShE, 2015. 240 p. (In Russ.)

5. *Vostrov A.* Zinaida Linden. Na grani kul'tur [Zinaida Linden. On the verge of cultures]. *Voprosy literatury* [Questions of Literature]. 2015. №6. P. 328–341. (In Russ.)

6. *Vostrov, A.* Tvorchestvo E. Syodergran i G. Parlanda: transnacional'noe ili mnogonacional'noe yavlenie finlyandskoj literatury [Creativity of E. Södergran and G. Parland: transnational or multinational phenomenon of Finnish literature]. *Skandinavskie chteniya* [Scandinavian Readings]. 2016. P. 495–505. (In Russ.)

7. *Vostrov A.* Finlyandsko-shvedskij modernizm [Finnish-Swedish Modernism]. *LiteraruS* [LiteraruS]. 2015. № 1. P. 40–46. (In Russ.)

8. *Vostrov A.* Shvedskij arhipelag Finlyandii [The Swedish archipelago of Finland]. – SPb: Kareli-ko, 2014. 171 p. (In Russ.)

9. *Vysockaya N.* Transkul'tura ili kul'tura v transe? [Transculture or culture in trance?]. *Voprosy literatury* [Questions of Literature]. 2004. №2. P. 3–24. (In Russ.)

10. *Lotman Yu.* Semiosfera [Semiosphere]. SPb: Iskusstvo-SPb, 2000. 704 p. (In Russ.)

11. *Maccarella M.* Pochemu ya ploho govoryu po-finski. Fragmentsy knigi «Linii mezhdz zvezdami» [Why I speak Finnish badly. Fragments of the book "Lines between the stars"]. Inostrannaya literatura [Foreign Literature]. 2009. №9. P. 233–47. (In Russ.)
12. *Sojni E.* Vzaimoproniknovenie russkoj i finskoj literatury v pervoj polovine XX stoletiya [Interpenetration of Russian and Finnish Literature in the First Half of the 20th Century]. Moscow: YaSK, 2017. 453 p. (In Russ.)
13. *Toporov V.* Peterburgskij tekst russkoj literatury: izbrannye Trudy [Petersburg Text of Russian Literature: Selected Works]. SPb.: «Iskusstvo – SPB», 2003. 612 p. (In Russ.)
14. *Ushakin S.* Vne nahodimosti: Bahtin kak chuzhoe svoe [Out of location: Bakhtin as someone else's own]. Novoe literaturnoe obozrenie [New Literary Review]. 2006. №79. P. 73–85. (In Russ.)
15. *Cyurher K.* Mul'tikul'turalizm i etnopoliticheskoj poryadok v postsovetskoj Rossii: nekotorye metodologicheskie zamechaniya [Multiculturalism and ethno-political order in post-Soviet Russia: some methodological remarks]. Polis (Politicheskie issledovaniya) [Polis (Political Studies)]. 1999. №6. P. 105–118. (In Russ.)
16. *A History of Finland's Literature* / ed. *George C. Schoolfield*. Lincoln NE: University of Nebraska Press, 1998. 705 p.
17. *Ekman M.* Uppkomsten av en minoritetslitteratur», i Finlands svenska litteratur 1900–2012. Helsingfors: SLS & Stockholm: Atlantis, 2014. S. 13–21.
18. *Finlands svenska litteratur 1900–2012* / red. *M. Ekman*. Helsingfors: SLS & Stockholm: Atlantis, 2014. 376 p.
19. *Klinkmann S.-E.* I fänrikarnas, martallarnas och dixietigrarnas land: en resa genom det Svenska i Finland. Helsingfors: SLS, 2011. 382 p.
20. *Klinkmann S.-E.* Om finlandssvenska identiteter, intersektioner och hanteringsstrategier. Föreställda finlandssvenskheter. 2017. S. 29–56.
21. *Malmio K.* Här och där, nära och fjärran – den finlandssvenska minoritetslitteraturens många rum i senmoderntiden. Tidskrift voor Skandinavistik. 2018. 36(2). S. 44–57.
22. *Malmio K.* Mötet mellan lokala och globala rum. Historiska och litteraturhistoriska studier. 2016. 91. S. 37–65.
23. *Paasi A.* Borders and Regions in a transforming Northern Europe: a conceptual perspective. The flexible frontier: change and continuity on Finnish-Russian relations. Aleksanteri series. 2007. № 5. P. 24–41.
24. *Riitamaa T.* Det eviga problemet Sverige: Om utgivningen av ny finlandssvensk skönlitteratur i sverigesvenska delupplagor åren 2000–2016. Historiska och litteraturhistoriska studier. 2018. 93. S. 17–46.
25. *Warburton T.* Åttio år finlandssvensk litteratur. Helsingfors: Schildts, 1984. 443 p.
26. *Österlund M., Lassén-Segeer, M., Franck, M.* "Glokal" litteraturhistoria: på väg mot en omvärdering av finlandssvensk barnlitteratur. Barnlitterært Forskningstidsskrift. 2011. №2(1). S. 60–71.

Vostrov Alexey Vladimirovich – Senior Lecturer, Telematics Department, Institute of Applied Mathematics and Mechanics, St. Petersburg Polytechnic University, historian, literary critic (St. Petersburg, Russia), alex.sinkriver@gmail.com

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ:

Востров, А. В. Шведоязычная финская литература как пограничный феномен культуры / *А. В. Востров* // Социо-гуманитарные публикации. – 2022. – № 2. – С. 61–70.

FOR CITATION:

Vostrov A. V. Shvedoyazychnaya finskaya literatura kak pogranichniy fenomen kultury [Swedish language Finnish literature as a boundary phenomenon of culture]. Socio-humanitarian communications [Sociogumanitarnye kommunikacii]. 2022. №2(2). P. 61–70.

АВТОРСКИЙ ДИСКУРС ПОЛИТИКОВ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ: ОПРЕДЕЛЕНИЕ МЕСТА В КЛАССИФИКАЦИИ ТИПОВ ДИСКУРСА

Землякова К. В.

Статья посвящена жанровым особенностям и спорным аспектам классифицирования политического медиадискурса, в частности, того сегмента, который реализуется авторами-политиками как пользователями социальных сетей. Рассмотрены разные подходы к типологии дискурсов, определению места политического дискурса среди них и политического медиадискурса как подтипа.

Ключевые слова: дискурс, медиадискурс, политический дискурс, социальные сети, аккаунт, политический актор, соцсетевой дискурс, авторский медиадискурс политиков.

Введение

Данная статья продолжает серию публикаций автора в рамках проекта «Разработка нового учебного курса “Медиатекст на иностранном языке”» и посвящена выяснению жанровой отнесенности политических медиа-текстов авторов-политиков в типологии дискурсов. Такое рассмотрение возможно выполнить на стыке положений, разработанных в медиалингвистике, дискурсологии и политической лингвистике.

Политическая медиакоммуникация сегодня приобретает важнейшее значение, особенно в условиях необходимости быстрого контакта политиков со своей аудиторией через инструменты сети Интернет. «Политики, политический режим, общество используют медиа в качестве информационного носителя, отражающего их ценности, знания, интересы, убеждения, ориентации, установки» [8, с. 95]. Политический дискурс находится в фокусе внимания многих гуманитарных наук, а лингвисты посвящают свои труды рассмотрению его конкретных жанров и языковых особенностей. «Политический интернет-дискурс возник в результате слияния политического и собственно интернет-дискурса и сочетает в себе, таким образом, характерологические особенности и функции этих дискурсов» [11, с. 291]. Специфическими чертами сетевого политического дискурса исследователи называют гипертекстуальность, интерактивность и мультимедийность [11, с. 291; 12, с. 124]. Очевидно, что данные черты возникают из самой цифровой «сущности» интернет-среды, но, как мы считаем, к ним добавляются черты, обусловленные еще и тем, что автором контента в социальной сети выступает сам политик, а не журналист.

Медиадискурс и медиатекст как ключевые термины медиалингвистики определяются в работах многих ученых: Н. С. Болотновой («условимся под медиадискурсом понимать открытое коммуникативное пространство массмедиа и шире – сетевого общения, связанное с порождением и интерпретацией медиатекстов разных типов» [1, с. 21]), Т. Г. Добросклонской («по отношению к медиадискурсу тексты массовой информации выступают в качестве удобных дискретных единиц, позволяющих разделить информационные потоки на отдельные, поддающиеся научному анализу фрагменты» [2, с. 196–197]), Л. Р. Дускаевой («объект медиалингвистики – поток медиатекстов, функционирующий в медиасреде» [4, с. 61]), Т. В. Шмелевой [17, с. 158; 18, с. 33]. В огромном поле политического сетевого дискурса мы рассматриваем конкретно те медиасообщения (медиатексты), которые созданы и опубликованы самими политиками.

Не вызывает сомнений положение, что коммуникация, исходящая от лица политических акторов в их аккаунтах на площадках социальных сетей, относится к политическому дискурсу. По Е. И. Шейгал, дискурс считается политическим, если хотя бы одна из областей – субъект, адресат или содержание дискурса – лежит в плоскости политики [14, с. 35]. В случае с аккаунтами политиков в соцсетях к политике принадлежит и субъект, и содержание коммуникации. Мы называем данный дискурс **авторским**, поскольку политический актор является одновременно автором своих публикаций, выполняющим роль медийного лица, оставаясь при этом носителем власти, то есть исполняющим социально-политическую роль в обществе. Данная особенность отличает авторский политический медиадискурс от, к примеру, журна-

листского интернет-дискурса, в котором автор медиатекстов не является участником политических отношений в обществе.

Нам же интересно определение типологической принадлежности медиадискурса политиков, реализуемого в авторских соцсетевых аккаунтах. Для того чтобы определить его место в классификации типов дискурса, требуется рассмотреть:

- место медиадискурса среди дискурсионных жанров;
- место политического дискурса в типологии дискурсов;
- сегмент авторского контента в интернет-коммуникации, исходящего от представителей власти;
- жанровое разнообразие форматов соцсетевой коммуникации политика.

Итак, траектория определения жанровой отнесенности соцсетевого авторского дискурса политиков следующая: от дискурса к политическому дискурсу, далее от политического дискурса к политическому медиадискурсу, затем от политического медиадискурса к политическому медиадискурсу в соцсетях авторов-политиков.

Место политического дискурса в типологии дискурсов

Ю. А. Дрыгина делает обзор существующих точек зрения на выделение дискурсионных типов. Традиционно деление дискурса на устный и письменный (А. А. Кибрик), на монологический и диалогический (В. С. Григорьева) [3, с. 2810–2811]. Как можно понять из всех существующих классификаций, типы дискурса определяются в зависимости от критериев, положенных в основу типологии. В прагмалингвистическом аспекте могут выделяться следующие типы:

- на основании канала общения: контактный и дистантный, реальный и виртуальный дискурс;
- на основании способа общения: информативный и фасцинативный, содержательный и фатический, несерьезный и серьезный, ритуальный и обыденный, протоколируемый и непротоколируемый дискурс [7, с. 200].

В социалингвистическом аспекте, по мысли В. И. Карасика, представление о дискурсионных типах основывается на критерии позиции участников общения. Ученый выделяет лично-ориентированный и статусно-ориентированный виды дискурса, при этом последний «может носить институциональный и неинституциональный характер, в зависимо-

сти от того, какие общественные институты функционируют в социуме в конкретный исторический промежуток времени» [7, с. 199]. Согласно этой классификации, в современном обществе находят место массово-информационный, политический дискурсы как институционализированные типы. Следуя данной концепции, мы полагаем, что соцсетевая коммуникация авторов-политиков носит гибридный, смешанный характер, обладая характеристиками обоих типов: с одной стороны, политики «выступают в качестве представителей той или иной общественной группы, выполняют роль, предписываемую коммуникативной ситуацией» [там же], с другой – реализуются в роли автора блога, отдельной личности, транслируя свои личностные характеристики.

Е. И. Шейгал также пишет, что «вследствие прозрачности границ дискурса» политический дискурс имеет точки соприкосновения с другими типами дискурсов: юридическим, рекламным, журналистским, бытовым, военным и даже религиозным и художественным [14, с. 36–47]. Такое деление на виды исходит из тематического принципа содержания дискурса и из области, в которой он реализуется (журналистская сфера, сфера рекламы и т. д.)

Очень значимым полагаем детерминантный подход к выделению типов дискурса в рамках медиалингвистики, предложенный Т. В. Шмелевой. Считаем нужным остановиться на нем подробнее. **Детерминанты** выделяются по дискурсообразующим свойствам текстов. Автор выделяет семь детерминант, соотносимых с параметрами социальной коммуникации: сфера, фактура, интенция, автор, жанр, тема, смыслы текста [17, с. 158]. **Сферная** детерминанта организует дискурсы разных сфер общения, в том числе в ней выделяется и политический дискурс. Детерминанта **фактуры**, или канала коммуникации, организует газетный, телевизионный, интернет-дискурсы. **Интенциональная** детерминанта организует дискурсы разных целевых установок и делит их на воздействующие типы (публицистический, религиозно-проповеднический, рекламный) и развлекательный. **Тематическая** детерминанта организует спортивный, медицинский и прочие дискурсы, что не мешает отнести сюда и политический соцсетевой дискурс (по типологии Е. И. Шейгал). Детерминанта **авторства** позволяет делить на типы внутри тематических классов. Так, спортивный медиадискурс может распадаться на дискурс бо-

лельщиков, дискурс спортсменов, тренеров, комментаторов, чиновников и даже политиков в сфере спорта. Аналогично мы могли бы выделить соцсетевой авторский медиадискурс по детерминанте авторства. Т. В. Шмелева делает вывод, что «детерминанты лежат в разных плоскостях и регулярно пересекаются», следовательно, «дискурсы могут быть **монодетерминантными** и **полидетерминантными**, т. е. держащимися на более чем одной детерминанте» [17, с. 158]. Однако мы не согласимся с автором об отнесенности политического дискурса к монодетерминантным, поскольку, как уже было показано выше, выделяемый сегмент соцсетевой коммуникации политиков сочетает в себе характеристики нескольких типов. Считаем, что медиадискурс и политический дискурс находятся в отношениях пересечения, но не полной включенности или поглощения.

И. П. Хутыз и коллектив авторов монографии рассматривают типы дискурсов через призму категорий, например, ритуальности, и ее реализаций в различных прагматических характеристиках: статусное неравенство участников, общение с жестко закрепленными стереотипами поведения. Авторы анализируют военный, кулинарный, электронный, педагогический, политический, бытовой, религиозный и масс-медиа [13, с. 213–304]. В этой системе координат мы находим положение интересующего нас вида дискурса на пересечении электронного, политического и масс-медиа дискурсов. В этой же монографии подчеркиваются такие характеристики политической коммуникации, «как ее институциональность и личностный характер» [13, с. 246], что снова подводит нас к мысли о двоякой природе соцсетевой коммуникации политиков.

Представляется важным выяснить отношения политического медиадискурса политиков со смежными понятиями – понятиями институциональной (официальной) коммуникации, лично-ориентированного (неофициального или персонального) дискурса, дискурса исполнительной власти, управленческого дискурса, административного дискурса.

Интересующий нас тип дискурса может быть включен в управленческий дискурс как подтип, выделяемый по виду субъекта, так как перечисленные выше политики являются представителями исполнительной власти.

В описание характеристик управленческого дискурса, приведенное Ю. А. Дрыгиной, частично вписывается и рассматриваемый нами тип: дискурс управленца обладает всеми признаками институциональности; это «статус-

но-ориентированное общение неравных участников коммуникации – управляющего и управляемого в рамках определенного общественного института, которое строится по заданному шаблону и носит, как правило, формальный характер» [3, с. 2812]. Некоторые ученые квалифицируют управленческий дискурс как дискурс менеджера, что сближает его с деловым дискурсом. Несмотря на тот факт, что интенциональная база (борьба за власть и реализация власти) у управленческого и политического типов схожа, мы не готовы считать соцсетевой контент авторов-политиков фрагментом делового дискурса по той причине, что политик реализует свои управленческие решения не через соцсети, иными словами, соцсетевое взаимодействие не имеет юридическую обязательность (в отличие от нормативно-правовых документов), а больше служит информационным и агитационным целям.

Политический дискурс как разновидность управленческого дискурса рассматривает и С. А. Шилина. Автор делает это на основании таких типологических характеристик, как «адресованность мировому сообществу, рассмотрение глобальных проблем и внимание к общечеловеческим ценностям» [15, с. 122].

На основе обзора исследований можно заметить, что политический дискурс сближается также с административным дискурсом, через ключевой концепт власти. Е. И. Шейгал в семиотическом поле политического дискурса выделяет два базовых концепта: «политик» и «власть» [14, с. 115–130]. Для административного дискурса понятие власти, «а точнее «законной или административной власти», будет являться центральным или генеративным» [5, с. 268], то есть порождающим сам данный дискурс. Следовательно, он присущ организациям любого уровня, в которых присутствует администрация, в том числе государству [5, с. 269], а значит, и его представителям, исполнителям, носителям, «реализаторам». О. А. Евтушенко рассматривает дискурс с нисходящим статусным вектором внутри административного дискурса как тип общения, реализуемый любым руководителем в самом широком смысле. Среди типологических характеристик автор выделяет нисходящий статусный вектор адресанта, легитимность и властно-подчинительный характер общения [6, с. 123]. Согласимся, что данные свойства присущи и коммуникации политиков в соцсетевых аккаунтах, но следующее положение показывает принципиаль-

ное различие данных видов дискурса: «В исходящей коммуникации руководитель реализует свои управленческие функции, и ввиду

по площадке реализации власти (политик выступает в социальных сетях как медийный актор), по взаимоотношениям с аудиторией

Рис. 1. Позиция авторского соцсетевого дискурса политиков среди смежных типов дискурса

доминирующего коммуникативного положения руководителя она занимает большую по сравнению с другой административной коммуникацией часть времени» [6, с. 123]. Очевидно, что позиция автора-политика в сетевом блоге доминирующая, но онлайн-площадка не является местом реализации прямых функций политика или чиновника. На нее, скорее, проецируется его социальная роль, диктующая определенный тип общения и имеющая функции информирования и агитации, а не прямого осуществления его административных действий. Соцсетевые страницы политиков можно приравнять к пресс-службе ведомств и президента по схожести задач.

Письменному дискурсу исполнительной власти посвящена диссертация М. А. Ширинкиной [16], и нам она интересна в аспекте интернет-реализации данного вида дискурса, использования возможностей цифровой среды субъектами политики.

Итак, сближение с другими видами дискурсов возможно по субъекту (политик является управленцем, представителем исполнительной власти и руководителем государственной структуры или страны в целом),

(коммуникация политика выстраивается исходя из его статуса), по жанрам (политик публикует информационные, новостные, оценочные посты, а также публикации личного характера), по целям (информирующие, агитирующие, в том числе направленные на создание положительного образа власти). На рис. 1 показаны взаимоотношения дискурса политиков со смежными типами и выделение сегмента соцсетевого коммуникации среди дискурсов, которые базируются на понятиях «медиа», «политик», «власть».

Как проиллюстрировано, медиадискурс поставлен во главу угла как генеративное макропонятие. Его пересечение с политическим дискурсом – политический медиадискурс – представляет собой родовое понятие. Соцсетевой дискурс считаем типологическим понятием внутри медиадискурса, а его ответвление в виде авторского соцсетевого медиадискурса политиков – частным, видовым понятием.

Жанровая представленность форматов соцсетевого коммуникации политика

Возникший интерес к медиасообщениям в соцсетях по причине их новизны отмечается

многими лингвистами. Исследования все больше включают в круг рассматриваемых проблем медиатекстовое пространство соцсетей. Данный сегмент коммуникации нельзя оставлять без внимания, к примеру, при описании предмета политической лингвистики. Медиалингвистика, доселе направляющая свой взор на произведения в институализированных СМИ, сегодня все чаще обращается к исследованию нового объекта – соцсетевым произведениям, таким как сообщение, пост, блог, видеопост, прямой эфир, комментарий. М. А. Ширинкина отмечает, что органами исполнительной власти создаются тексты, которые не входят ни в одну из существующих жанровых классификаций. Автор относит посты в соцсетях и мессенджерах к PR-жанрам [16, с. 65] и описывает жанровые текстотипы дискурса исполнительной власти на основе типологических признаков текста [16, с. 66]. По мысли О. А. Евтушенко, «административная власть имеет свои способы и средства реализации: языковые единицы, стилистические средства, речевые акты, коммуникативные ходы, речевые жанры» [5, с. 269]. Представляется необходимым очертить жанры, в которых воплощается авторский медиадискурс на пространстве соцсетей.

«Богатство и разнообразие речевых жанров необозримо, так как возможности человеческой деятельности, формирующие жанры, практически безграничны: в каждой сфере деятельности вырабатывается целый репертуар речевых жанров, дифференцирующийся и растущий по мере развития и усложнения данной сферы» [13, с. 42].

Считается, что в социальных сетях и в медиaprостранстве в целом традиционные жанры и формы общения неизбежно претерпевают трансформацию. Многие авторы отмечают, что цифровая среда являет нам формы речевой реализации, не поддающиеся традиционному классифицированию текстовых форм. И. Г. Сидорова выделяет 4 жанра персонального интернет-дискурса: сайт, блог, социальная сеть, комментарий [12]. М. А. Ширинкина называет официальный сайт, социальную сеть, блоггинг и мессенджер. «Каждый формат диктует объем, степень и качество официальности, индивидуальности, диалогичности включенного текста [16, с. 318]. Очевидно, что содержательный компонент коммуникации в соцсети определяется ее интерфейсом, то есть задаваемыми техническими параметрами.

«Наблюдения за медиатекстами показывают, что текстообразование чутко реагирует на технологические изменения в СМИ. В этой сфере тексты создаются особым образом: речевая материя *отливается* в тех *формах*, которые ей создают каналы коммуникации. Новые технологии диктуют обновление правил созда-

Рис. 2. Формула описания соцсетевого авторского дискурса

ния текстов, обеспечивают их непрерывную связь, делающую создание текстов потоком, изменяют нормы этики и эстетики общения в этой среде» [4, с. 57–58]. Поэтому применительно к сетевому взаимодействию становится актуальным говорить о форматах коммуникации, а не формах. **Формат** – это содержание (контент), помещаемое в рамки предписанного соцсетью шаблона (интерфейса) и единство этих двух составляющих. Кроме того, мы говорим не просто о жанрах коммуникации. Необходимо давать описание формата через набор прагматических, коммуникативных и лингвостилистических характеристик.

Формы коммуникации в соцсети определяются заданными **сервисами**. Вместе они образуют **интерфейс** социальной сети. Существующие на данный момент соцсети имеют следующий ряд доступных пользователям сервисов: личные сообщения, профиль пользователя (информация о пользователе), аватар (юзерпик), никнейм, статус, пост, репост, новости (лента новостей), файлы (документы, фото, видеоматериалы), комментарии, сообщества, подписки, сторис (истории), стена (страница пользователя), опрос, аудиозаписи (музыка), приложения (платные и бесплатные), видеозвонки. В рамках личной переписки в сообщениях возможно отправлять текст, подарки, стикеры, эмодзи, гифки, прикреплять файлы (аудио, текстовые, графические). На фотографиях и в текстах постов есть функция отмечать других пользователей, ставить геометки (о местонахождении пользователя) и хэштеги. Контент распадается на вербальный (текстовый) компонент и невербальный (графический, фото, видео, а также мемы).

Итак, говоря о соцсетевом авторском дискурсе, предлагаем передавать его сложную природу следующей формулой: формат = интерфейс + контент + прагматические, коммуникативные и лингвостилистические характеристики. Данная схема изображена на рис. 2.

Исследователи единогласно пишут о том, что новый формат передачи информации и выстраивания коммуникации ведет к формированию новых дискурсологических характеристик. «Особенностью медиатекстов социальных медиа является их максимальная приближенность к устной речи, что накладывает отпечаток на выбор языковых средств и речевых стратегий при создании медиатекстов» [8, с. 96]. «Необходимо также учитывать особую свободу в использовании речевых единиц <...>, особенно когда в коммуникации на равных участвуют про-

фессионалы и непрофессионалы» [9, с. 319]. Кратко опишем набор характеристик, обнаруженных в жанровых реализациях коммуникации политиков в авторских соцсетевых аккаунтах, и проиллюстрируем их примерами.

1. Прагматические характеристики.

К прагматическим характеристикам соцсетевой деятельности политика относятся мотивы общения, потребности и цели. А. А. Матусевич называет «две основные причины обращения к социальным сетям – это потребности в общении и самопрезентации» [10, с. 75], и описывает вербальные каналы (сервисы) для самовыражения и самоидентификации, согласно данным коммуникативным потребностям. Данное положение перекликается с мыслью в диссертации М. А. Ширинкиной: «конечной целью медиакommunikации власти с гражданами является формирование ее позитивного имиджа, т. е. речевое воздействие на адресата, и вовлечение граждан в активный и продуктивный диалог с властью» [16, с. 318]. Потребности автора-политика выражаются в том, чтобы на пространстве своего аккаунта создавать такой контент, который делает его транслятором повестки дня, инфлюенсером, лидером мнений.

2. Коммуникативные характеристики. К коммуникативным характеристикам относим речевые стратегии, через которые эти цели достигаются. Они реализуются в речевом поведении автора, подборе языковых и неязыковых средств для достижения своей интенции, выборе публикуемых материалов, общей тональности блога, степени взаимодействия со своей аудиторией. Исходя из коммуникативных стратегий и поведения, пользователи могут делиться на типы. Каждый тип выполняет некую социальную роль в сети, действует как виртуальная личность: наблюдатель, доброжелатель, вещатель, собеседник, комментатор, решатель проблем, self-промоутер, агрессор (модель американского социолога Брайана Солиса) [10, с. 87–102]. Так, стратегия self-промоутера часто относится к публичным людям, в том числе к политикам. «Селф-промоутеры предоставляют выборочную информацию в основном только о себе, своей профессиональной деятельности, событиях из своей жизни, своих планах, успехах, достижениях, продуктах творчества» [10, с. 99].

3. Лингвостилистические характеристики. Согласно концепции А. А. Матусевич, основные лингвостилистические особенности

коммуникации в социальной сети представлены коллоквиализацией, экспрессивностью, поликодовостью и снижением/огрублением речи [10, с. 106]. **Коллоквиализация** – употребление в постах фонетических, лексических, синтаксических, графических средств языка, характерных для разговорной речи, а также приемы диалогичности:

– «Тьфу-тьфу, чтобы не сглазить...» (Д. Медведев в Telegram, 19.06.2022);

– «Понимаете, на что я намекаю?» (Д. Медведев в Telegram, 19.06.2022);

– «По поводу уничтожения спутников Starlink – идея свежая, спасибо.» (Д. Медведев в Telegram, 24.04.2022);

– «А вдруг (стучу по дереву) и ЕС к этому времени исчезнет?» (Д. Медведев в Telegram, 19.06.2022);

– «Солнечный день, наша красивая набережная и фестиваль мороженого. Замечательно погуляли всей семьей. Всем хороших выходных!» (А. Текслер в ВКонтакте, 04.06.2022).

Экспрессивность выражается через подбор языковых средств, в основном со значением отрицательной или положительной эмоциональной оценки, способных вызвать в читателе определенные чувства, эмоциональную реакцию.

– **VOTER FRAUD IS NOT A CONSPIRACY THEORY, IT IS A FACT!!!** (Д. Трамп в Facebook, 24.12.2020);

– «**Amazing** how many people are being vaccinated, record numbers. Our Country, and indeed the World, will soon see the **great miracle** of what the Trump Administration has accomplished. They said it couldn't be done!!!» (Д. Трамп в Facebook, 22.12.2020);

– «Is it **unfortunate** that so many on the far-right are **hostile** to the idea that vaccines work? Yes. Yes it is. Is that going to stop me from taking action from keeping our communities saf-

er? Not a chance.» (Б. де Блазио в Twitter, 07.12.2021);

– «Вот оно что! Вот чего тайно хотелось ночами! Вот в чем глубинная стратегия Евросоюза, **сокровенный** замысел **мазохистов** из Брюсселя и их **партнеров по играм** из-за океана.» (Д. Медведев в Telegram, 07.06.2022);

– «Желаю стабильности и процветания вашим предприятиям на благо Санкт-Петербурга и России!» (А. Беглов в ВКонтакте, 26.05.2022).

Как видим, в создании экспрессивности также участвует такой троп, как метафора:

– А пока **паровоз их экономики** услуг и цифровых валют летит в стену на полных парах. Улыбайтесь, господа, улыбайтесь! (Д. Медведев в Telegram, 14.06.2022);

– «...ожидаем осени... когда придется **собирать** основной **санкционный урожай**.» (Д. Медведев в Telegram, 14.06.2022).

Поликодовость задействует приемы графического, визуального оформления высказывания. Среди используемых средств наиболее частотны смайлики, фото и мемы. Пример с использованием фотографии и подписи к ней в Telegram-канале Д. Медведева показан на рис. 3. Автор сам создает мем на тему санкций, используя фотографию из личного альбома. В данном посте креолизованного характера реализуется стратегия интимизации, индивидуализации, т. е. публикация собственного авторского, личного контента.

Другие примеры использования поликодовых знаков через смайлики:

– «Исполнять пока рано, но если есть такая просьба – рассмотрим 😊.» (Д. Медведев в Telegram, 24.04.2022);

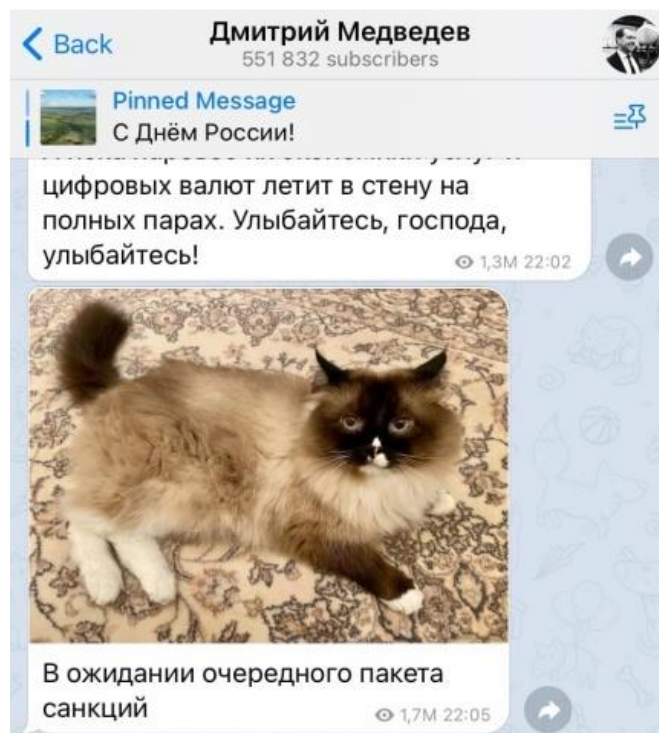

Рис. 3. Пример поликодового поста из Telegram-канала Д. Медведева

канской юрисдикции 😂» (Д. Медведев в Telegram, 26.04.2022);

– «А когда этот импорт становится реальным, так вообще полный 🐱» (Д. Медведев в Telegram, 26.04.2022);

– «Мы ценим последовательность и принципиальность наших европейских партнеров 🤔🤔» (Д. Медведев в Telegram, 23.04.2022);

– «Какое время им потребуется на качественный распил 💰 этой суммы?» (Д. Медведев в Telegram, 28.04.2022).

В представленных случаях передаваемые смайликами эмоции (насмешка, удивление) используются с целью иронии, поскольку их ложноположительная тональность идет в разрез с употребляемой положительной лексикой: *качественный (распил), наши партнеры, рассмотрим просьбу.*

Снижение/огрубление речи встречается на уровне употребления соответствующих лексических единиц (дисфемизмы, инвективы):

– «...будут гореть вонючие костры из шин...» (Д. Медведев в Telegram, 17.04.2022).

– «Отвечаю – я их ненавижу. Они ублюдки и выродки.» (Д. Медведев в Telegram, 07.06.2022).

и дядькам придется сменить риторику.» (Д. Медведев в Telegram, 17.04.2022).

Заключение

В качестве выводов заключим, что интернет-среда представляет обширное пространство для реализации разных типов дискурса, и политические акторы активно ею пользуются. Как следствие, стало возможным выделение отдельного сектора политической коммуникации – той ее части, которая создается и транслируется самими политиками в со-

циальных сетях. В силу интерфейсной обусловленности контента соцсетей мы наблюдаем трансформацию традиционных жанров. Считаем, что применительно к соцсетевому общению релевантно выделять не жанры, а форматы коммуникации, и давать их описание через набор прагмакоммуникативных и лингвостилистических характеристик.

Список источников и литературы

1. *Болотнова, Н. С.* Методики смыслового и лингвопрагматического анализа медиатекста / Н. С. Болотнова. – Москва: Флинта, 2019. – 156 с.
2. *Добросклонская, Т. Г.* Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ (Современная английская медиаречь) / Т. Г. Добросклонская. – Москва: Флинта-Наука, 2014. – 264 с.
3. *Дрыгина, Ю. А.* Место управленческого дискурса в классификации типов дискурса и дискурсивных жанров / Т. Г. Добросклонская // *Фундаментальные исследования. Филологические науки.* 2013. – Т. 12, № 10. – С. 2810–2813.
4. *Дускаева, Л. Р.* Медиалингвистика в России: становление структуры и векторы развития / Л. Р. Дускаева // *Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика.* – 2018. – № 6. – С. 48–74.
5. *Евтушенко, О. А.* Категория власти в административном дискурсе / О. А. Евтушенко // *Вестник Брянского государственного университета.* – № 1 (31). – 2017. – С. 268–273.
6. *Евтушенко, О. А.* Типы административного дискурса с нисходящим статусным вектором / О. А. Евтушенко // *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание.* – 2017. – Т. 16, № 3. – С. 121–130.
7. *Карасик, В. И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.
8. *Кобрин, Н. В.* Особенности политического медиадискурса Твиттера / Н. В. Кобрин // *Филологические науки. Вопросы теории и практики.* – 2015. – № 12 (54), Ч. II. – С. 94–99.
9. *Мальшев, А. А.* Размышления о грамматике медиаречи в связи с юбилеем Т. В. Шмелевой / А. А. Мальшев // *Медиалингвистика.* – 2021. – Т. 8. – № 4. – С. 318–321.
10. *Матусевич, А. А.* Общение в социальных сетях: прагматический, коммуникативный, лингвостилистический аспекты характеристики / А. А. Матусевич : дис. ... канд. фил. н. – Киров, 2016. – 190 с.
11. *Парамонова, М. И.* Трансформация политического текста в новой информационной среде / М. И. Парамонова // *Вестник Гуманитарного факультета СПбГУТ.* – 2019. – № 11. – С. 290–294.
12. *Сидорова, И. Г.* Коммуникативно-прагматические характеристики жанров персонального интернет-дискурса / И. Г. Сидорова : дис. ... канд. фил. н. – Волгоград, 2014. – 249 с.
13. *Хутыз, И. П.* Особенности исследования и конструирования актуальных типов дискурса и их категорий: монография / И. П. Хутыз, М. П. Блинова, М. А. Величко, Ф. А. Воровская, Т. В. Духовная, В. А. Колчевская, Т. С. Кондратьева, Л. И. Молдованова, Ю. П. Нечай, К. В. Овчарова, Т. П. Тарасенко, Е. Э. Уланова, О. А. Хорошилова; под ред. И. П. Хутыз. – Краснодар: Кубанский государственный университет, 2016. – 305 с.
14. *Шейгал, Е. И.* Семиотика политического дискурса : дис. ... докт. фил. н. / Е. И. Шейгал. – Волгоград, 2000. – 440 с.
15. *Шилина, С. А.* Политический дискурс как разновидность управленческого дискурса: подходы к определению и интерпретации / С. А. Шилина // *Вестник РУДН. Серия: Социология.* – 2017. – Т. 17. – № 1. – С. 116–123.
16. *Ширинкина, М. А.* Письменный дискурс исполнительной власти в жанрово-политическом аспекте : дис. ... докт. фил. н. / М. А. Ширинкина. – Пермь, 2021. – 449 с.
17. *Шмелева, Т. В.* Дискурс и исследовательский инструментарий медиалингвистики / Т. В. Шмелева // *Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия Гуманитарные науки.* 2012. № 18 (137). Выпуск 15. С. 157–163.
18. *Шмелева, Т. В.* Медиалингвистика: терминологический аспект / Т. В. Шмелева // *Вестник Новгородского государственного университета.* – 2015. – № 87, Ч. 1. – С. 32–35.
19. *Bill de Blasio* // *Twitter.* – URL: <https://twitter.com/BilldeBlasio> (дата обращения: 21.06.2022).

20. *Donald J. Trump* // Facebook. – URL: <https://www.facebook.com/DonaldTrump> (дата обращения: 21.06.2022).
21. *Александр Беглов* // ВКонтакте. – URL: https://vk.com/a_beglov (дата обращения: 21.06.2022).
22. *Алексей Текслер* // ВКонтакте. – URL: <https://vk.com/alexeytexler.official> (дата обращения: 21.06.2022).
23. *Дмитрий Медведев* // Telegram. – URL: https://tigrm.ru/channels/@medvedev_telegram (дата обращения: 21.06.2022).

Проект реализуется победителем Конкурса на предоставление грантов преподавателям магистратуры 2020/2021 благотворительной программы «Стипендиальная программа Владимира Потанина» Благотворительного фонда Владимира Потанина. Проект «Разработка нового учебного курса «Медиа-текст на иностранном языке»», договор № ГСГК-0150/21.

Землякова Ксения Владимировна – к.филол.н., доцент кафедры иностранных языков, Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича (г. Санкт-Петербург, Россия), ksu-zemlyakova@mail.ru

POLITICIANS' INDIVIDUAL DISCOURSE IN SOCIAL NETWORKS: DEFINING ITS POSITION IN THE CLASSIFICATION OF DISCOURSE TYPES

Zemlyakova K. V.

The paper is dedicated to genre characteristics and disputable issues in classifying political media discourse, in particular that segment of it which is realized by authors-politicians as users of social network. It reviews various approaches to typology of discourses, defining a position of political discourse among them and political media discourse as a subtype.

Keywords: discourse, media discourse, political discourse, social networks, profile, political actor, social network discourse, politicians' individual media discourse.

The project is being implemented by the winner of the Master's program faculty grant competition 2020/2021 of the Vladimir Potanin fellowship program. Project "Developing a new course "Media text in a foreign language"", agreement № GSGK-0150/21.

References

1. *Bolotnova N. S.* Metodiki smyslovogo i lingvopragmaticheskogo analiza mediateksta [Methodology of Notional and Linguistic Pragmatic Analysis of a Media Text]. Moscow: Flinta, 2019. 156 p. (In Russ.)
2. *Dobrosklonskaya T. G.* Medialingvistika: sistemnyy podkhod k izucheniyu yazyka SMI (Sovremennaya angliyskaya mediarech') [Media Linguistics: System Approach to Studying the Language of Mass Media (Contemporary English Media Speech)]. Moscow: Flinta-Nauka, 2014. 264 p. (In Russ.)
3. *Drygina Yu. A.* Mesto upravlencheskogo diskursa v klassifikatsii tipov diskursa i diskursivnykh zhanrov [The Place of Management Discourse in Discourse Types and Discourse Genres Classification] // Fundamental'nye issledovaniya. Filologicheskie nauki [Fundamental Research. Philological Sciences]. 2013. Vol. 12. No 10. P. 2810–2813. (In Russ.)
4. *Duskaeva L. R.* Medialingvistika v Rossii: stanovlenie struktury i vektory razvitiya [Media Linguistics in Russia: Structure Formation and Development]. Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10. Zhurnalistika [The Journal Vestnik Moskovskogo universiteta. Series Journalism]. 2018. No 6. P. 48-74. (In Russ.)
5. *Evtushenko O. A.* Kategoriya vlasti v administrativnom diskurse [Category of Power in the Administrative Discourse]. Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta [The Bryansk State University Herald]. No 1 (31). 2017. P. 268–273. (In Russ.)
6. *Evtushenko O. A.* Tipy administrativnogo diskursa s niskhodyashchim statusnym vektorom [Types of Administrative Discourse with Descending Status Vector]. Vestnik Volgogradskogo gosudar-

stvennogo universiteta. Seriya 2, Yazykoznanie [Science Journal of Volgograd State University. Series 2, Linguistics]. 2017, vol. 16, No 3. – P. 121–130. (In Russ.)

7. *Karasik V. I.* Yazykovoy krug: lichnost', kontsepty, diskurs [The Language Circle: Personality, Concepts, Discourse]. – Volgograd: Peremena, 2002. 477 p. (In Russ.)

8. *Kobrin N. V.* Osobennosti politicheskogo mediadiskursa Tvitterra [The Peculiarities of Political Media Discourse of Twitter]. Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki [Philology. Theory & Practice]. Tambov: Gramota, 2015. No 12 (54). Part II. P. 94–99. (In Russ.)

9. *Malyshev A. A.* Razmyshleniya o grammatike mediarechi v svyazi s yubileem T. V. Shmelevoy [Reflections on the Grammar of Media Speech in Connection with the Anniversary of T. V. Shmeleva]. Medialingvistika [Media Linguistics]. 2021. Vol. 8, No 4. P. 318–321. (In Russ.)

10. *Matusevich A. A.* Obschenie v sotsial'nykh setyakh: pragmaticheskiy, kommunikativnyy, lingvostilisticheskiy aspekty kharakteristiki [Communication in Social Networks: Pragmatic, Communicative, Linguostylistic Aspects of Characteristics]. – Kirov, 2016. – 190 p. (In Russ.)

11. *Paramonova M. I.* Transformatsiya politicheskogo teksta v novoy informatsionnoy srede [Transformation of Political Text in the New Information Environment]. Vestnik Gumanitarnogo fakul'teta SPbGUT [The Journal of the Faculty of Humanities, SUT]. – No 11, 2019. P. 290–294. (In Russ.)

12. *Sidorova I. G.* Kommunikativno-pragmaticheskie kharakteristiki zhanrov personal'nogo internet-diskursa [Communicative and Pragmatic Characteristics of the Genres of the Individual Internet Discourse]. – Volgograd, 2014. – 249 p. (In Russ.)

13. *Khutyz I. P., Blinova M. P., Velichko M. A., Vorovskaya F. A., Dukhovnaya T. V., Kolchevskaya V. A., Kondrat'eva T. S., Moldovanova L. I., Nechay Yu. P., Ovcharova K. V., Tarasenko T. P., Ulanova E. E., Khoroshilova O. A.* Osobennosti issledovaniya i konstruirovaniya aktual'nykh tipov diskursa i ikh kategoriy: monografiya [Features of the Study and Construction of the Actual Types of Discourse and Their Categories]. – Krasnodar: Kubanskiy gosudarstvenniy universitet, 2016. 305 p. (In Russ.)

14. *Sheygal E. I.* Semiotika politicheskogo diskursa [Semiotics of the Political Discourse]. – Volgograd, 2000. 440 p. (In Russ.)

15. *Shilina S. A.* Politicheskii diskurs kak raznovidnost' upravlencheskogo diskursa: podkhody k opredeleniyu i interpretatsii [Political Discourse as a Managerial Discourse: Approaches to Definition and Interpretation]. Vestnik RUDN. Seriya: Sotsiologiya [RUDN Journal of Sociology]. 2017. Vol. 17. No 1. P. 116–123. (In Russ.)

16. *Shirinkina M. A.* Pis'mennyy diskurs ispolnitel'noy vlasti v zhanrovo-politicheskom aspekte [Written Discourse of the Executive Power in the Genre and Political Aspect]. – Perm', 2021. 449 p. (In Russ.)

17. *Shmeleva T. V.* Diskurs i issledovatel'skiy instrumentariy medialingvistiki [Discourse and Research Tools of Media Linguistics]. Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki [Belgorod State University Scientific Bulletin. Humanities]. 2012. No 18 (137). Issue 15. P. 157–163. (In Russ.)

18. *Shmeleva T. V.* Medialingvistika: terminologicheskiy aspekt [Media Linguistics: Terminological Aspect]. Vestnik Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta [Vestnik of Novgorod State University]. 2015. No 87, Part. 1. P. 32–35. (In Russ.)

19. *Bill de Blasio.* Twitter. – URL: <https://twitter.com/BilldeBlasio> (accessed: 21.06.2022).

20. *Donald J. Trump.* Facebook. – URL: <https://www.facebook.com/DonaldTrump> (accessed: 21.06.2022).

21. *Aleksandr Beglov.* VKontakte. – URL: https://vk.com/a_beglov (accessed: 21.06.2022).

22. *Aleksey Tekslar.* VKontakte. – URL: <https://vk.com/alexeytexler.official> (accessed: 21.06.2022).

23. *Dmitriy Medvedev.* Telegram. – URL: https://tigrm.ru/channels/@medvedev_telegram (accessed: 21.06.2022).

Zemlyakova Ksenia Vladimirovna – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of Foreign Languages, The Bonch-Bruевич Saint Petersburg State University of Telecommunications (St. Petersburg, Russia), ksu-zemlyakova@mail.ru

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ:

Землякова, К. В. Авторский дискурс политиков в социальных сетях: определение места в классификации типов дискурса / К. В. Землякова // Социогуманитарные коммуникации. – 2022. – №2(2). – С. 71–80.

FOR CITATION:

Zemlyakova K. V. Avtorskiy diskurs politikov v sotsial'nykh setyakh: opredelenie mesta v klassifikatsii tipov diskursa [Politicians' individual discourse in social networks: defining its position in the classification of discourse types]. Socio-humanitarian communications [Sociogumantarnye kommunikacii]. 2022. №2(2). P. 71–80.

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ И КУЛЬТУРОЛОГИЯ

УДК 82

МАСТЕРА СЛУЧАЙНОГО ВЗГЛЯДА: ИМПРЕССИОНИЗМ КАК НОВАЯ ФОРМА ИСТОЛКОВАНИЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ (ИМПРЕССИОНИЗМ И МОДЕРНИЗМ)

Шаронова В. Б., Яшина О. С.

Статья посвящена анализу импрессионистских традиций в творчестве модернистских писателей. Авторы рассматривают импрессионизм не как исключительно художественное явление, но прослеживают его реализацию в качестве культурной универсалии.

Ключевые слова: импрессионизм, модернизм, литературный импрессионизм, реализм, категория пространства, категория времени.

Особенность и ключевая характеристика человека – потребность в стабильности и определенности, следовательно, каждое человеческое действие в конечном итоге является попыткой найти смысл в существовании. Основываясь на этой потребности человечество изобрело науку, и с тех пор всегда находится в процессе познания и исследования Вселенной и окружающего мира. Наука продолжает категоризировать полученные данные и формировать некие взаимосвязанные системы в попытке подтвердить идею о том, что мир имеет внутренний порядок. Однако, на противоположном полюсе процесса познания продолжает существовать обратная идея. Так, например, немецкие идеалисты приходят к опровержению этого убеждения, утверждая, что мы не имеем доступа к объектам познания как таковым, а, следовательно, и реальный мир непознаваем, потому что он всегда изменяется субъектом. Причем изменение происходит не только через физическое вмешательство, но и через наблюдение, простое присутствие человека добавляет объекту новые черты. Поэтому мы живем в некой выдуманной реальности, среди представлений и умозаключений собственного сознания, и окончательной истины нет, потому что мы те, кто постоянно ее создает.

Писатели-реалисты настаивают на том, что их произведения – это не просто отражение и описание реальности, так как на самом деле они манифестируют и продвигают определенные модели поведения, укрепляя стереотипные ценности, которые не являются естественными результатами познания человека, а являются продуктом общества. Литература также по определению является

конструктом, изобретением нашего разума. Модернисты больше не рассматривают реальность оперируя единственной общепринятой точкой зрения, опираясь на стабильную условную основу, они скорее объединяют фрагменты из множества точек зрения, чтобы создать более всеобъемлющее видение. Эта стратегия похожа на ту, которую используют художники-кубисты, пытающиеся объединить несколько ракурсов предмета в один снимок. Геометрические формы используются здесь как метод упрощения, который может привести к лучшему пониманию всей картины. Можно сказать, что модернизм приближается к тому, на что изначально претендовал реализм: верное изображение и выражение общего человеческого опыта.

Средства художественной выразительности не могут быть так легко разделены, невежественно полагать, что они представляют собой обособленные средства, проходящие самостоятельное развитие, когда на самом деле они сообщаются и влияют друг на друга, как это признают модернистские писатели. Литература начинает заимствовать импрессионистические приемы, становится абстрактной, неуловимой, работает яркими красками, отныне искусство – о чувствах, о внутренней жизни и ее столкновении с внешним чуждым, о тех немногих преходящих мгновениях, когда мы убегаем от нашего разума в осознание, в «моменты бытия», по словам Вирджинии Вулф. Модернисты сосредотачиваются на личном восприятии, на невидимом, на том, как ощущается жизнь в отличие от того, как она проявляется, и, если, традиционная литература стабилизирует,

приводит в баланс, то современная литература «выбивает читателя из колеи», обнажая путаницу, скрытую за нашими, казалось бы, целенаправленными действиями. Многие писатели отвергают сюжеты, потому что сюжеты сковывают фантазию, и искусственны сами по себе, наши «индивидуальные» не функционируют по общепринятому плану, и литература не должна создавать такого рода ожидания, потому что обычно ничего не происходит, большая часть наших дней проходит в ожидании чего-то значимого, однако «...великое откровение так и не пришло...» (*здесь и далее – перевод авторов*) [5, с. 120]. В. Вулф размышляет над этим вопросом в «Волнах» словами Бернара: «...я не доверяю аккуратным рисункам жизни, которые нарисованы на половине листа бумаги для заметок...» [6, с. 146]: «...и иногда я начинаю сомневаться в том, что есть истории...» [6, с. 87].

Мы настраиваем наши часы так, чтобы точно делить время на одинаковые отрезки, даже если известно, что у каждого человека время течет по-разному. Французский философ Анри Бергсон ввел термин *durée* (от фр. продолжительность, длительность) для описания внутреннего чувства времени, которое непрерывно, накапливается, зависит от памяти и, следовательно, не может быть измерено с помощью универсальной единицы. Харуки Мураками развивает эту идею в своем романе «1Q86»: «Само время было однородным по составу, но, когда оно было израсходовано, оно приняло деформированную форму. Один период времени может быть ужасно тяжелым и длинным, а другой может быть легким и коротким. Иногда порядок вещей мог измениться на противоположный, а в худших случаях сам порядок мог полностью исчезнуть. Иногда вещи, которых вообще не должно быть, могут быть добавлены вовремя. Приспосабливая время таким образом к своим собственным целям, люди, вероятно, корректировали смысл своего существования». [4, с. 350]

Например, специфика импрессионистского восприятия В. Вулф отмечается в особом понимании реализации категорий пространства и времени. Вирджиния Вулф, поклонница достижений Марселя Пруста, очарована податливостью времени, и в результате «Миссис Дэллоуэй» расширяет один день, «Волнь» – всю жизнь, а «На маяк» сжимает в скобках годы и важные события.

Позже постмодернист Джулиан Барнс обратится к проблеме реинтерпретации вре-

мени, доказав, что сама история не должна считаться достоверным представлением прошлого. «История мира в 10 ½ главах» – это название, которое многое говорит о несовершенстве истории: неопределенный артикль предполагает, что то, что мы имеем, – это всего лишь версия из многих других, а точное количество глав указывает на то, что концепция полноты – это всего лишь версия, просто иллюзия. Кроме того, случайная и фрагментарная структура книги показывает, что хронология необязательна, а более важным элементом является автор истории и ее место в мире. «Мы все знаем, что объективная истина недостижима, что, когда произойдет какое-то событие, у нас будет множество субъективных истин» [2, с. 345]. Между тем «Попугай Флобера» имеет дело с невозможностью создания беспристрастной биографии, потому что у биографа всегда есть тенденция, даже если она бессознательна, обрезать или приукрасить факты, чтобы реализовать определенные демонстрации.

Возвращаясь к сравнению с импрессионизмом, можно заметить, что конечный результат уже не является главной целью художественного произведения: «Но если нет рассказов, то какой может быть конец, какое начало?» [6, с. 163], когда мы говорим о живописцах, их основное внимание уделяется провоцированию спонтанных ощущений через вариации света, в то время как писатели-импрессионисты сосредотачиваются на фиксации полученной мимолетной реакции в ее первоначальном виде, в целом акцент делается на каждой составляющей и ее движении.

Импрессионистская проза кажется упражнением в прерывности. Традиционный устойчивый мир растворяется в незавершенном, фрагментарном. «Писатели-импрессионисты нашли способ писать прозу, не ограниченную началом и концом» [3, с. 52].

В произведении «На маяк» Лили Бриско ищет в своей картине способ передать свое видение: «Но это то, что я вижу; вот что я вижу» [5, с. 14], и придать смысл своей жизни, жизни других и отношениям, созданным между ними. Тот факт, что читатель не мог увидеть картину в действительности, – это еще один способ заявить, что видимый результат – это не конечный результат, а всего лишь оболочка сущности, к тому же никакая другая пара глаз не может видеть его тождественно. Мы не можем удержаться от того, чтобы трансформировать все так, чтобы оно помещалось в наши собственные маленькие рамки. «Это мир, каким мы его видим на са-

мом деле: не фиксированная, абсолютно перспективная иллюзия в глазах застывшего зрителя с ограниченной рамкой картинного окна, а тысяча различных мельканий постоянно меняющейся сцены, уловленных постоянно движущимся глазом» [1, с. 23].

Что делает Вирджиния Вулф, так это переплетает кусочки восприятия как различные картины, она пытается совершить переход от личного к всеобщему, ищет способы сблизить людей, даже если они этого не осознают, даже если это не обязательно физическое связью, даже если они никогда не встречаются. Ее произведения основаны на том, что осталось недосказанным, на множестве внутренних голосов, которые не всегда очень хорошо разграничены, черта, которая

видна особенно в «Волнах», где мысли текут, образуя объединяющее сознание, которое имеет некоторый смысл только тогда, когда мы отступаем назад и рассматриваем его как целое, как опыт, как импрессионистскую картину.

Модернисты, наконец, пишут, признавая, что существование относительно, контекстуально, странно и, по существу, бессмысленно. Каждая наша жизнь – это копинг-механизм, деятельность, которая занимает нас и поддерживает мираж стабильности, тогда как на самом деле это просто случайные капли цвета, которые могут менять свою форму в зависимости от того, как свет отражается в глазах наблюдателя.

Список источников и литературы

1. *Arnason, H. H.* History of Modern Art / H. H. Arnason. – New Jersey: Prentice-Hall, 1986. – 663 p.
2. *Barnes, J.* A History of the World in 10 ½ Chapters / J. Barnes. – New York: Vintage Books, 1989. – 330 p.
3. *Kronegger, M.* Literary Impressionism / M. Kronegger. – New Haven: College & University Presses, 1973. – 154 p.
4. *Murakami, H.* 1Q84 / H. Murakami. – New York: Vintage Books, 2012. – 496 p.
5. *Woolf, V.* To the Lighthouse / V. Woolf. – London: Wordsworth Classics, 1999. – 312 p.
6. *Woolf, V.* The Waves / V. Woolf. – London: Wordsworth Classics, 2000. – 175 p.

Шаронова Виктория Борисовна – к.п.н., доцент кафедры лингвистики и профессиональной коммуникации, Челябинский филиал Российской Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Челябинск, Россия), vsharon@list.ru

Яшина Ольга Сергеевна – старший преподаватель кафедры лингвистики и профессиональной коммуникации, Челябинский филиал Российской Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Челябинск, Россия), yashiolg@yandex.ru

MASTERS OF RANDOM LOOK: IMPRESSIONISM AS A NEW FORM OF INTERPRETATION OF REALITY (IMPRESSIONISM AND MODERNISM)

Sharonova V. B., Yashina O. S.

The article is devoted to the analysis of impressionist traditions in the work of modernist writers. The authors consider impressionism not as an exclusively artistic phenomenon, but trace its implementation as a cultural universal.

Keywords: impressionism, modernism, literary impressionism, realism, category of space, category of time.

References

1. *Arnason H. H.* History of Modern Art. New Jersey: Prentice-Hall, 1986. 663 p.
2. *Barnes J.* A History of the World in 10 ½ Chapters. New York: Vintage Books, 1989. 330 p.
3. *Kronegger M.* Literary Impressionism. New Haven: College & University Presses, 1973. 154 p.
4. *Murakami H.* 1Q84. New York: Vintage Books, 2012. 496 p.

5. *Woolf V.* To the Lighthouse. London: Wordsworth Classics, 1999. 312 p.

6. *Woolf V.* The Waves. London: Wordsworth Classics, 2000. 175 p.

Sharonova Victoria Borisovna – Ph.D., Associate Professor of the Department of Linguistics and Professional Communication, Chelyabinsk branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (Chelyabinsk, Russia), v-sharon@list.ru

Yashina Olga Sergeevna – Senior Lecturer, Department of Linguistics and Professional Communication, Chelyabinsk branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (Chelyabinsk, Russia), yashiolg@yandex.ru

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ:

Шаронова, В. Б. Мастера случайного взгляда: импрессионизм как новая форма истолкования действительности (импрессионизм и модернизм) / В. Б. Шаронова, О. С. Яшина // Социогуманитарные коммуникации. – 2022. – №2(2). – С. 81–84.

FOR CITATION:

Sharonova V. B., Yashina O. S. Mastera sluchajного vzglyada: impressionizm kak novaya forma istolkovaniya dejstvitel'no-sti (impressionizm i modernizm). [Masters of random look: impressionism as a new form of interpretation of reality (impressionism and modernism) Socio-political characteristics]. Socio-humanitarian communications [Sociogumanitarnye kommunikacii]. 2022. №2(2). P. 81–84.

СОЦИО-ГУМАНИТАРНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ

2022. №2(2)

Учредитель

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
"Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича"
(СПбГУТ)

Адрес

пр. Большевиков д.22, корп.1, Санкт-Петербург, 193232

Контакты

<https://www.sut.ru/education/fakulteti-i-instituti/gf/iirv/sociogumanitarnie-kommunikacii>

Редактор *Гехт А. Б.*

Корректоры *Неровный А. В., Цверидашвили И. А.*

Компьютерная верстка *Соловьевой В. А.*

Дата размещения сетевого издания на официальной странице журнала
31.07.2022